БУРЕВѢСТНИКЪ

Пусть сильнѣе грянетъ буря!

Мартъ 1909 г. Органъ Русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ. № 15.

Публичная Б-ка

ІОГАНЪ МОСТЪ.*)

17 марта, поздно ночью, мы получили неожиданную вѣсть что Іоганъ Мостъ, этотъ неутомимый борецъ и страстный революціонеръ, который умѣлъ такъ горячо любить и не менѣе горячо ненавидѣть, внезапно скончался. Въ моментъ, когда мы пишемъ эти строки, мы еще не знаемъ болѣе подробно о его смерти, но когда мы говоримъ, что эта новость явилась для насъ совершенной неожиданностью, то это потому, что никто не могъ ожидать ничего подобнаго, никто себѣ даже не могъ представить, что Мостъ, этотъ убѣленный сѣдинами старикъ съ горячимъ сердцемъ юноши, можетъ такъ скоро умереть. Мостъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которые не знаютъ, что такое дряблость духа и слабость мысли. Онъ умеръ не у себя дома, а въ пути. Смерть его застигла въ Цинциннати, куда онъ ѣздилъ пропагандировать свои идеи. Тамъ съ нимъ встрѣтилась смерть и прекратила столь богатую горькимъ опытомъ и кипучую, какъ море, жизнь. Славная смерть, смерть безъ болѣзней и слабостей, смерть, застигающая человѣка въ самый разгаръ его дѣятельности.

Имя Іогана Моста означаетъ собою больше, чѣмъ имя опредѣленнаго лица. Это имя олицетворяетъ собою революціонный духъ и революціонную страстность цѣлаго полувѣка. Для правящихъ классовъ это имя было неразрывно связано съ „краснымъ призракомъ", а для революціонеровъ всѣхъ странъ оно было непобѣдимой надеждой на неминуемый тріумфъ соціальной революціи. Іоганъ Мостъ, по возбуждаемой имъ въ однихъ ненависти, а въ другихъ любви, былъ точной копіей Луизы Мишель. Онъ обладалъ той же революціонной энергіей, тѣмъ же геройскимъ духомъ, той же революціоной силой и той же непобѣдимой убѣжденностью въ наступленіи лучшаго будущаго.

Онъ умеръ въ мартѣ, въ красномъ мартѣ, въ „Жерминалѣ", какъ называли французы этотъ мѣсяцъ во время великой революціи. Точно, какъ будто ему хотѣлось сказать: „товарищи, я умираю, но не забывайте, что теперь мартъ, весна приходитъ!"

* * *

Іоганъ Мостъ родился въ 1846 году въ Аугсбургѣ. Его отецъ былъ писцомъ у адвоката, бѣднякъ, которому приходилось вести отчаянную борьбу изъ за куска хлѣба. Что дѣтство Моста прошло въ далеко неблестящей обстановкѣ, видно изъ его мемуаровъ. Положеніе маленькаго Іогана еще болѣе ухудшилось со смертью его доброй матери и со вторичной женитьбой его отца. Вдобавокъ ко всему, Мостъ еще тяжело заболѣлъ и, проболѣвъ 5 лѣтъ, долженъ былъ подвергнуться тяжелой операціи.

Когда Мосту исполнилось 13 лѣтъ, онъ поступилъ въ обученіе къ переплетчику. Годы его обученія прошли не лучше, чѣмъ годы его дѣтства; очень возможно, что перенесенныя имъ съ дѣтства страданія имѣли свое вліяніе на развитіе его характера въ дальнѣйшемъ. Когда Мосту минуло 16 лѣтъ, онъ оставилъ свой домъ, который такъ ненавидѣлъ, и отправился странствовать въ качествѣ „свободн.го рабочаго" черезъ всю Германію и Швейцарію. Въ Швейцаріи онъ впервые познакомился съ рабочимъ движеніемъ и съ идеями соціализма. Всѣ революціонныя чувства и переживанія, которыя до того уже развивались въ груди молодого человѣка, вдругъ нашли живое выраженіе въ соціалистическомъ ученіи и міровоззрѣніи. Въ Швейцаріи тогда формировались первыя секціи великой „Интернаціональной Рабочей Ассоціаціи", которая имѣла громадное вліяніе на все развитіе европейскаго рабочаго движенія. Передъ молодымъ Мостомъ открылся совершенно новый міръ; со страстной одухотворенностью онъ бросился тѣломъ и душой въ соціалистическое движеніе, и этотъ священный огонь его юности не угасъ до конца его дней. Онъ чувствовалъ страданія и горе своего класса, онъ ихъ самъ изучилъ во всѣхъ подробностяхъ, и въ результатѣ этого изученія возникло въ немъ горячее и страстное стремленіе къ борьбѣ и самопожертвованію во имя соціальнаго освобожденія. Онъ читалъ брошюры Лассаля, которыя произвели на него глубокое впечатлѣніе, въ первый періодъ его соціалистическаго развитія. Онъ штудировалъ соціальный вопросъ во всѣхъ его деталяхъ, и изъ ученика онъ вскорѣ превратился въ учителя, въ пропагандиста идей революціоннаго соціализма.

Въ 1868 г. Мостъ перекочевалъ въ Австрію. Тогда была въ Австріи пресловутая „либеральная эра", которая началась сейчасъ послѣ войны съ Пруссіей въ 1866 г. Тогда много говорилось и писалось о соціальномъ вопросѣ и о способахъ его разрѣшенія. Правительство выражало свои симпатіи рабочимъ, которые массами организовывались и объединялись, такъ какъ австрійскіе министры разсчитывали воспользоваться рабочимъ движеніемъ въ своихъ политическихъ и дипломатическихъ цѣляхъ. Но они были горько изумлены, когда соціалистическіе элементы заняли первое мѣсто, и въ короткое время все австрійское рабочее движеніе получило соціалистическій и революціонный характеръ. Мостъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые способствовали этому развитію. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ агитаторовъ, и его горячія рѣчи всегда производили глубокое впечатлѣніе на рабочія массы.

Со временемъ правительство, наконецъ, поняло, что оно не сможетъ использовать рабочаго движенія въ своихъ цѣляхъ, и въ короткое время „либеральную эру" смѣнила эра преслѣдованій. Тридцатаго мая 1869 г. въ Вѣнѣ состоялось собраніе 10.000 рабочихъ, которое занималось соціальнымъ вопросомъ. Мостъ былъ однимъ изъ ораторовъ. Спустя двѣ недѣли онъ былъ арестованъ и приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на мѣсяцъ. Когда рабочіе увидѣли, что арестовываются наиболѣе дѣльные и талантливые пропагандисты, они рѣшили организовать грандіозную демонстрацію, чтобы требовать отъ такъ называемыхъ народныхъ представителей гарантировать имъ политическія права и свободы. Демонстрація эта организовывалась въ тиши, и 13 декабря 1869 г. 50 тысячъ рабочихъ направились къ парламенту. Но правительство, узнавъ объ этой демонстраціи, отложило открытіе парламента.

Демонстрація все таки состоялась, и когда депутація отъ рабочихъ отправилась къ министру-президенту съ изложеніемъ требованій рабочихъ, Мостъ и его друзья произнесли громовыя рѣчи противъ правительства. Министръ-президентъ обѣщалъ рабочимъ сдѣлать для нихъ все, что будетъ въ его силахъ. Онъ свое обѣщаніе сдержалъ... Спустя нѣсколько дней Мостъ съ еще двѣнадцатью агитаторами были арестованы. Слѣдствіемъ этихъ арестовъ явился въ Вѣнѣ грандіозный процессъ, который начался 4 іюля и

*) 17 марта исполнилось три года со дня смерти Іогана Моста. Въ апрѣльскомъ номерѣ „Жерминаля" за 1906 г., черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Моста появилась посвященная ему прочувствованная статья Рудольфа Рокера. Даемъ здѣсь сокращенный переводъ этого некролога. Ред.

окончился 19 іюля 1870 года. Среди всѣхъ обвиняемыхъ Мостъ выгодно отличался своей прямотой и неустрашимостью, съ которой онъ возражалъ прокурору и говорилъ передъ присяжными. Его остроумныя замѣчанія и блестящая защита привлекли къ нему симпатіи всѣхъ революціонныхъ рабочихъ. „Я прямо и открыто заявляю, что я соціалистъ и таковымъ останусь до послѣдняго момента моей жизни; каковъ бы ни былъ приговоръ, который вы мнѣ вынесете, господа присяжные засѣдатели, я все же никогда не оставлю нашего знамени". Это были заключительныя слова рѣчи Моста, и вся его жизнь ясно доказала, что эти слова были самымъ глубокимъ выраженіемъ его сокровенныхъ переживаній. Процессъ окончился осужденіемъ Моста, Обервинтера, Шая и Фабта. Обервинтеръ былъ приговоренъ къ шести годамъ тюрьмы, а остальные къ тремъ годамъ. Кромѣ того, еще нѣсколько человѣкъ были приговорены къ небольшимъ срокамъ тюремнаго заключенія. Интересно, что прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи требовалъ для Моста наивысшей мѣры наказанія въ виду его интеллигентности и остроумія.

Процессъ этотъ страшно возбудилъ вѣнскихъ рабочихъ, и тысячи рабочихъ, до того бывшихъ совершенно равнодушными къ идеямъ соціализма, послѣ процесса стали соціалистами. Отецъ Моста прилагалъ всѣ старанія, чтобы освободить своего сына, и ему даже удалось заручиться обѣщаніемъ отца австрійской императрицы облегчить участь Моста, если Мостъ самъ объ этомъ будетъ просить. Но плѣнный революціонеръ отказался и сказалъ, что онъ не желаетъ пріобрѣсти себѣ свободы за счетъ своей чести.

Все таки Мостъ былъ освобожденъ скорѣе, чѣмъ онъ этого ожидалъ. Тяжелый политическій кризисъ въ Австріи закончился созывомъ новаго министерства, которое поспѣшило амнистировать всѣхъ политическихъ преступниковъ. Девятнадцатаго февраля 1871 года Мостъ и его друзья оставили тюрьму. Тысячи рабочихъ его привѣтствовали, какъ только онъ прибылъ въ Вѣну. Вскорѣ Мостъ опять былъ въ первыхъ рядахъ. Онъ совершалъ агитаціонныя поѣздки по всей странѣ, и всюду его горячія рѣчи встрѣчали съ большимъ энтузіазмомъ. Австрійское правительство было очень недовольно дѣятельностью Моста, и онъ былъ высланъ изъ предѣловъ Австріи.

Когда Мостъ вернулся обратно въ Германію, то онъ нашелъ рабочее движеніе въ довольно плачевномъ состояніи. Съ одной стороны, благодаря войнѣ съ Франціей, идеи патріотизма нашли свободный доступъ въ широкія рабочія массы, а съ другой стороны, споры между лассальянцами и эйзенахцами (марксистами) приняли самый ожесточенный характеръ. Мостъ, который тогда принадлежалъ къ эйзенахцамъ, сейчасъ же принялся за работу. На многочисленныхъ собраніяхъ онъ прославлялъ героизмъ коммуны и всюду организовывалъ новыя группы для соціалистической пропаганды. Нѣмецкая полиція обратила вниманіе на дѣятельность Моста, пробуждавшаго своими страстными рѣчами дремавшихъ нѣмецкихъ рабочихъ. Во многихъ городахъ запрещались собранія, на которыхъ долженъ былъ говорить Мостъ.

Когда Мостъ прибылъ въ Лейпцигъ, тогдашній центръ эйзенахцевъ, то онъ былъ принятъ Либкнехтомъ, редакторомъ „Народнаго Государства", очень холодно. Удивительно, что съ самаго начала они уже не могли сойтись. Мостъ въ своихъ „Мемуарахъ" передаетъ свой разговоръ съ Либкнехтомъ: „Когда я представился, то Либкнехтъ съ недовольной миной спросилъ: Чего же вы здѣсь ищете? — Я себя чувствовалъ, какъ будто меня обдали ушатомъ холодной воды; но все таки я отвѣтилъ: я надѣюсь здѣсь найти работу въ перешлетной. — Либкнехтъ махнулъ рукой и иронически произнесъ: Безсмыслица! Нѣтъ работы! Идите лучше въ Берлинъ и ведите борьбу съ лассальянцами! — Я ему объяснилъ, что эта работа для меня неподходящая. Тогда онъ мнѣ отвѣтилъ повелительнымъ тономъ: Въ Лейпцигѣ мы васъ не можемъ использовать, у насъ въ Саксоніи господствуетъ научный соціализмъ. — [illegible] для меня достаточно, и ушелъ съ болью въ [illegible]

[illegible] даже предлагали редактированіе своего органа, и 3 іюня 1871 г. Мостъ сдѣлался редакторомъ „Хемницкой Свободной Прессы". Это было началомъ дѣятельности Моста, какъ журналиста. Когда Мостъ перенялъ редактированіе газеты, она находилась въ плачевномъ состояніи, но, благодаря его способностямъ и энергіи, ему удалось создать для нея прочное положеніе.

Нѣкоторое представленіе о его дѣятельности мы получаемъ изъ слѣдующаго мѣста „Мемуаровъ": „Сказать, что я агитировалъ днемъ и ночью ничуть не будетъ преувеличеніемъ. Газета была вечерняя, и какъ только она была готова, начиналось подготовленіе къ устной пропагандѣ. Рѣдко выдавался день, когда мнѣ не приходилось говорить передъ рабочими. Въ Хемницѣ я организовалъ все, что было возможно. Всѣ организованные мною профессіональные союзы, разумѣется, были частью соціалъ-демократической партіи. Ту же работу я выполнялъ и во всѣхъ близко лежащихъ мѣстечкахъ. Часто случалось, что я уѣзжалъ вечеромъ и пріѣзжалъ лишь утромъ, чтобы редактировать газету послѣ почти безсонной ночи." Разумѣется, что и саксонское правительство не осталось равнодушнымъ къ дѣятельности Моста. Въ теченіе года у Моста было сорокъ три процесса изъ за революціоннаго языка, которымъ говорила его газета.

Мостъ никогда не прибѣгалъ къ помощи адвоката. Даже въ то время, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, онъ тоже занимался пропагандой. Сидя въ тюрьмѣ, онъ подготовилъ популярное изложеніе „Капитала" Маркса. Лишь благодаря этимъ работамъ нѣмецкіе рабочіе были въ состояніи ознакомиться съ идеями соціалистическаго мыслителя, такъ какъ его собственныя сочиненія для большинства рабочихъ оставались совершенно недоступными. Еще прежде, чѣмъ Мостъ вышелъ изъ тюрьмы, хемницкое городское управленіе рѣшило его не впустить въ городъ.

Такъ окончилась его первая дѣятельность, въ качествѣ редактора соціалистическаго журнала.

Но его дѣятельность на этомъ поприщѣ этимъ не закончилась. Майнцскіе соціалисты предложили ему редактированіе ихъ органа „Западно-Нѣмецкій Народный Голосъ". Снова начались для Моста дни тяжелаго, подчасъ непосильнаго труда съ тѣми же результатами.

3 января 1874 г. Мостъ былъ избранъ хемницкими рабочими депутатомъ въ парламентъ. Необходимо замѣтить, что въ тѣ времена соціалъ-демократическая партія еще не возлагала такихъ надеждъ на парламентъ; во всѣхъ соціалъ-демократическихъ газетахъ и журналахъ того времени писалось, что соціальный вопросъ никоимъ образомъ не можетъ разрѣшиться въ парламентѣ. Въ резолюціяхъ конгрессовъ говорилось, что участіе въ избирательной кампаніи служитъ только однимъ изъ агитаціонныхъ средствъ. Мостъ никогда не былъ большимъ поклонникомъ парламентской дѣятельности, но и тѣ слабыя надежды, которыя онъ возлагалъ въ то время на эту дѣятельность, окончательно испарились, когда ему представилась возможность лично ознакомиться съ нею. Убѣдившись, что рабочему классу парламентъ ничего дать не можетъ, Мостъ къ своей дѣятельности въ качествѣ депутата относился довольно холодно, и на этомъ поприщѣ онъ себя ничѣмъ не проявилъ.

Во время пребыванія Моста въ числѣ парламентскихъ депутатовъ онъ редактировалъ „Берлинскую Свободную Прессу", самую дѣльную изо всѣхъ тогдашнихъ соціалъ-демократическихъ газетъ. Съ Мостомъ неоднократно вступали въ борьбу столпы реакціи того времени: историкъ Момзенъ, политико-экономъ Вагенѣръ, пасторъ Штеккеръ и многіе другіе неоднократно дебатировали съ Мостомъ, но ихъ всегда побѣждала его могучая сила.

Трудно себѣ даже представить, сколько Мостъ успѣлъ сдѣлать за тѣ семь лѣтъ, которыя онъ пробылъ въ Германіи, и изъ которыхъ онъ пять лѣтъ провелъ въ разныхъ тюрьмахъ. Помимо многочисленныхъ агитаціонныхъ поѣздокъ и журнальной работы, Мостъ за это время успѣлъ написать массу превосходныхъ агитаціонныхъ брошюръ; большинство написанныхъ имъ брошюръ относится ко времени его сидѣнія по тюрьмамъ.

11 мая 1878 г. было произведено Геделемъ неудачное покушеніе на германскаго императора, послѣ котораго тогдашній министръ-президентъ Бисмаркъ потребовалъ отъ парламента утвержденія исключительнаго закона противъ соціалистовъ. Парламентъ тогда этого закона не утвердилъ, такъ какъ никто не вѣрилъ въ серьезность этого покушенія. Гедель былъ казненъ 2-го іюня; три недѣли спустя послѣ его покушенія докторъ Нобилингъ стрѣлялъ въ императора и ранилъ его. Во всей Германіи началась страшная реакція; на соціалистовъ посыпались гоненія со всѣхъ сторонъ. Однимъ изъ первыхъ пострадалъ Мостъ. Тогда и былъ парламентомъ утвержденъ законъ противъ соціалистовъ. Всѣ соціалистическія газеты страшно притѣснялись, собранія не разрѣ-

шались, всѣ организаціи были разрушены. Моста выслали изъ Берлина, и десятки шпіоновъ наблюдали за каждымъ его шагомъ. Остальные руководители соціалъ-демократической партіи совсѣмъ растерялись и не знали, что предпринять. При этихъ условіяхъ Мостъ былъ вынужденъ оставить Германію для того, чтобы хоть изъ за границы имѣть возможность вліять на дальнѣйшее развитіе работы.

Въ декабрѣ 1878 г. Мостъ прибылъ въ Лондонъ, а 26 декабря онъ уже рѣшилъ издавать газету спеціально для Германіи. Несмотря на пессимистическое настроеніе своихъ товарищей, Мостъ сколотилъ немного денегъ на покрытіе расходовъ по изданію перваго номера, и 29 декабря 1878 г. вышелъ въ свѣтъ первый номеръ его газеты „Freiheit“ („Свобода“). Положеніе газеты въ началѣ было отчаянное, почти никто не вѣрилъ въ возможность ея существованія. Мостъ все таки преодолѣлъ всѣ трудности, и газета появилась въ Германіи.

Появленіе газеты въ Германіи произвело страшный шумъ. Не только реакціонеры, но даже и соціалъ-демократы были недовольны появленіемъ газеты, несмотря на то, что она вначалѣ была правовѣрно соціалъ-демократической. Либкнехтъ, да и другіе соціалъ-демократы не были особенно разборчивы въ средствахъ, лишь бы газета Моста не распространялась. Газета Моста подвергалась страшнымъ преслѣдованіямъ; для того, чтобы обезопасить себя отъ ввоза газеты, правительство воспретило ввозъ всѣхъ всѣхъ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ въ Лондонѣ. Соціалъ-демократы тоже не дремали; они основали въ Цюрихѣ газету подъ названіемъ „Соціалъ-демократъ“, которая должна была конкурировать съ газетой Моста.

Въ 1880 году руководители соціалъ-демократической партіи созвали съѣздъ въ Швейцаріи. Съѣздъ былъ созванъ для того, чтобы исключить Моста изъ партіи, въ которой онъ еще оффиціально числился. Съѣздъ этотъ они созвали безъ вѣдома Моста, но ему удалось прибыть на съѣздъ въ качествѣ делегата. Тогда съѣздъ былъ внезапно отсроченъ. Спустя нѣкоторое время съѣздъ все таки состоялся, и Мостъ съ Азельманомъ были исключены изъ партіи.

Мостъ тогда познакомился съ Августомъ Рейнсдорфомъ, который окончилъ свою славную жизнь на эшафотѣ.

Редактируемая Мостомъ газета „Свобода“ къ тому времени приняла чисто анархическій характеръ. Матеріальное положеніе газеты благодаря этому еще болѣе ухудшилось, но Мостъ и его друзья не унывали. Они каждый разъ находили иные способы, какъ переправить газету черезъ германскую границу. Германское правительство страшно преслѣдовало газету. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и энергичныхъ помощниковъ Моста по переправѣ газеты черезъ границу былъ Джонъ Невэ. Онъ былъ преданъ революціонному дѣлу тѣломъ и душой, нельзя было себѣ представить болѣе благороднаго и самоотверженнаго человѣка, чѣмъ Джонъ Невэ. Въ концѣ концовъ онъ попался съ транспортомъ газеты и былъ присужденъ къ 15 годамъ каторги, гдѣ онъ сперва сошелъ съ ума, а затѣмъ и скончался.

13 марта 1881 года былъ убитъ Александръ II. Этотъ актъ вызвалъ страшное возбужденіе во всѣхъ странахъ, и Мостъ въ своей газетѣ написалъ по этому поводу горячую статью. Какъ германское, такъ и русское правительство обратились въ Лондонъ съ просьбой обуздать ненавистнаго имъ революціонера. 23 марта 1881 года Мостъ былъ арестованъ, а также была забрана типографія, въ которой печаталась его газета, и вся находившаяся въ ней литература. Мостъ былъ приговоренъ къ 16 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Невозможно даже описать всѣ перенесенныя Мостомъ страданія во время его пребыванія въ англійской тюрьмѣ. Съ невѣроятными трудностями Мосту все таки удавалось писать статьи для своей газеты. Такъ, не имѣя чернилъ и пера, онъ вынужденъ былъ царапать иголкой, омоченной въ разведенной краскѣ, содранной имъ со стѣны своей камеры.

Когда въ 1882 г. ирландскіе революціонеры убили двухъ главныхъ администраторовъ въ Дублинѣ, газета Моста выразила революціонерамъ свои симпатіи, послѣ чего англійская полиція вторично конфисковала газету и всѣ находившіеся тамъ матеріалы. Такъ какъ тамъ не было никакого редактора, то были арестованы два наборщика, которые набирали газету. Ихъ приговорили одного къ 3 мѣсяцамъ тюрьмы, а другого къ 18 мѣсяцамъ. Послѣ этого процесса въ Англіи не находилось больше ни наборщиковъ, ни издателей, которые бы согласились продолжать изданіе газеты. Но швейцарскіе анархисты взяли на себя изданіе газеты, которая выходила до освобожденія Моста въ разныхъ городахъ Швейцаріи.

Когда Мостъ вышелъ изъ тюрьмы, то онъ отправился въ Америку, гдѣ и начала выходить его газета. Тогда среди американ-

НА СТАРЫЯ ТЕМЫ.

Въ вышедшемъ недавно № 4 „Бунтаря“ наше вниманіе привлекли двѣ статьи, выражающія отношеніе группы, издающей этотъ листокъ, къ двумъ вопросамъ, по которымъ уже издавна существуетъ коренное разногласіе въ рядахъ русскихъ анархистовъ-коммунистовъ. Какъ извѣстно нашимъ читателямъ, вопросы эти — отношеніе къ синдикализму или, точнѣе говоря, къ безпартійному рабочему движенію и къ такъ называемому „безмотивному“ террору. Разногласіе по этимъ вопросамъ возникло уже давно, еще четыре года тому назадъ, на зарѣ новѣйшей анархистской работы въ Россіи; и если до сихъ поръ оба теченія не могли сговориться, не сумѣли столковаться въ этихъ двухъ практическихъ вопросахъ, то это, конечно, потому, что данное практическое разногласіе — только отраженіе гораздо болѣе глубокаго разногласія теоретическаго. Передъ нами двѣ совершенно различныхъ, хотя и стремящихся къ одной и той же цѣли, соціально-революціонныхъ системы; а такъ какъ въ соціально-революціонной борьбѣ наряду съ вопросомъ: „къ чему ты стремишься?“ имѣетъ такое же, если не большее, значеніе и вопросъ: „какими путями ты идешь къ своей цѣли?“ то понятно, почему вопросы тактическіе, взятые въ ихъ глубокомъ теоретическомъ смыслѣ, могутъ раздѣлить и въ дѣйствительности раздѣляютъ революціонеровъ. И если тактическія разногласія не выросли, какъ это иногда бываетъ, на почвѣ личной борьбы партійныхъ лидеровъ, если эти разногласія тѣсно связаны съ соціальными воззрѣніями представителей каждаго теченія, то нежелательно и даже опасно перескакивать черезъ существующую идейную пропасть. Вредно было бы вырабатывать „среднюю точку зрѣнія“, компромиссную теорію, которая сможетъ удовлетворить только людей, не ощущающихъ потребности въ систематизаціи соціальныхъ воззрѣній, лежащихъ въ основѣ ихъ практической дѣятельности.

Вотъ почему мы всегда стремились не къ затушеванію разногласій въ средѣ русскаго анархизма, а къ выясненію ихъ; мы всегда старались понять ихъ природу и рѣшить, являются ли они порожденіями случайныхъ факторовъ, или въ основѣ этихъ разногласій лежатъ два совершенно противоположныхъ представленія о томъ, какъ осуществится коммунистическій анархизмъ.

Къ сожалѣнію фракція „антисиндикалистовъ“ и „безмотивниковъ“ нигдѣ въ литературѣ до сихъ поръ не обосновала своихъ взглядовъ, отличающихъ ее отъ насъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всего западнаго рабочаго анархизма; она не изложила ихъ даже хотя бы въ небольшихъ журнальныхъ статьяхъ. Поэтому-то насъ заинтересовалъ № 4 „Бунтаря“ и въ особенности тѣ двѣ статьи, съ указанія на которыя мы начали нашу статью. Называются эти статьи: „Къ теоріи террора“ и „Ячейки будущаго“ и „ячейки въ ячейкахъ“. Первая должна выяснить отношеніе „чернознаменцевъ“ къ террору, вторая, небольшая статейка съ тяжеловѣснымъ заглавіемъ, пытается выяснить ихъ отношеніе къ синдикализму. Давно пора, товарищи! Намъ уже невмоготу стало критиковать отдѣльныя бесѣды, отрывочные рефераты, возраженія оппонентовъ и тому подобный неустойчивый матеріалъ. Дайте намъ, наконецъ, ясное изложеніе вашихъ взглядовъ. Но къ сожалѣнію, я долженъ напередъ заявить, что ясностью и логичностью изложенія упомянутыя статьи не отличаются.

Начнемъ со статьи: „Къ теоріи террора“. Авторъ разсматриваетъ три момента раздѣленія антибуржуазнаго террора, причемъ это раздѣленіе, на нашъ взглядъ, совершенно искусственное. Терроръ изобличаетъ, выводитъ насиліе наружу“. И когда оно „откровенное и безстыдное“ предстаетъ передъ нами, „мы*) открываемъ военныя дѣйствія“. „Понятно“, говоритъ дальше сотрудникъ „Бунтаря“, что прежде всего мы снимемъ застрѣльщиковъ вражескаго стана“. Но „врагъ нашъ — вся армія врага, съ которой мы боремся ежечасно, ежеминутно“.

Вездѣ употребляется мѣстоименіе „мы“, безъ поясненія, кто же подразумѣвается подъ этимъ „мы“. Очевидно „мы“ означаетъ анархистовъ „чернознаменскаго“ направленія, и рѣчь идетъ здѣсь ни болѣе, ни менѣе, какъ о единоборствѣ между буржуазнымъ

*) Курсивъ мой. М. Р.

скихъ рабочихъ велась сильная агитація за объявленіе генеральной забастовки; чтобы придать движенію практическій характеръ, выставлялось требованіе восьми-часоваго рабочаго дня для рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ производства. Для достиженія этой цѣли рабочими подготовлялась массовая забастовка къ 1 мая 1886 г. Разумѣется, что и анархисты принимали дѣятельное участіе въ этомъ движеніи, въ особенности въ Чикаго.

Мостъ отлично понималъ, что и капиталисты тоже подготовляются къ борьбѣ, поэтому онъ и устно и письменно агитировалъ за широкое вооруженіе рабочихъ массъ. 23 апрѣля 1883 г. Мостъ созвалъ многолюдное собраніе рабочихъ, которое обсуждало вопросъ о вооруженіи рабочихъ, слѣдствіемъ чего явился арестъ Моста и еще двухъ анархистовъ: Шенка и Броншвайга. Мостъ былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на годъ, а остальные двое на девять мѣсяцевъ. Вся буржуазная пресса вела страшную кампанію противъ Моста, дабы возстановить противъ него общественное мнѣніе.

Мосту во время его заключенія въ тюрьмѣ приходилось страшно много страдать; съ нимъ обращались хуже, чѣмъ съ самыми тяжкими преступниками. Когда онъ протестовалъ, то получалъ отвѣтъ, что Америка страна демократическая, которая не можетъ дѣлать различія между такъ называемыми политическими и уголовными преступниками. Даже и въ это тяжелое для него время Мостъ продолжалъ заниматься литературной дѣятельностью и писать для своей газеты.

Перваго апрѣля 1887 г. Мостъ вышелъ изъ тюрьмы. Это было вскорѣ послѣ страшнаго чикагскаго кровопролитія. Часть капиталистической прессы даже требовала, чтобы его отослали въ Чикаго, гдѣ бы его повѣсили, какъ это сдѣлали съ тамошними анархистами. Двѣнадцатаго ноября 1887 г., день послѣ повѣшенія пяти анархистовъ въ Чикаго, Мостъ говорилъ объ этомъ на небольшомъ собраніи въ Нью-Іоркѣ. На слѣдующій день въ капиталистической прессѣ появился сенсаціонный и абсолютно ложный отчетъ о его рѣчи; Мостъ противъ этого протестовалъ, но это ему не помогло, и пятаго декабря 1887 г. его опять приговорили къ году тюремнаго заключенія. Болѣе слабые люди навѣрное были бы въ конецъ разбиты такими невѣроятными преслѣдованіями но желѣзная воля и энергія Моста оставались несломленными, и онъ такъ же неуклонно продолжалъ заниматься революціонной дѣятельностью. Въ Америкѣ Мостъ успѣлъ написать цѣлый рядъ брошюръ. Всѣ его брошюры, какъ и его газета, были написаны въ высшей степени оригинальнымъ и красивымъ языкомъ, такъ какъ Мостъ былъ выдающимся стилистомъ. Его газета „Свобода" была самой выдающейся въ анархической литературѣ. Писанія Моста отличались сильнымъ юморомъ, сарказмомъ и воодушевленіемъ. Мостъ въ теченіе 40 лѣтъ находился на отвѣтственномъ и боевомъ пути піонера грядущей соціальной революціи. Это былъ человѣкъ съ желѣзной силой воли и пламенной натурой борца-революціонера, который никогда не уставалъ въ своей борьбѣ за идеалъ соціальнаго освобожденія. Уже на старости лѣтъ Мосту еще разъ пришлось посидѣть въ тюрьмѣ. Когда Чолгошъ убилъ Макъ-Кинлея, Мостъ помѣстилъ въ своей газетѣ произведеніе нѣмецкаго революціонера Карла Гайнца: „Смерть за смерть". Несмотря на то, что эта вещь уже была разъ напечатана еще 50 лѣтъ тому назадъ, Моста все таки приговорили къ тюремному заключенію на годъ. Онъ и въ этотъ разъ перенесъ свое заключеніе мужественно и стойко.

Мостъ до конца своихъ дней оставался тѣмъ же убѣжденнымъ и стойкимъ борцомъ, какимъ былъ въ молодости. Съ его смертью рабочіе потеряли одного изъ своихъ лучшихъ друзей, который всегда былъ готовъ во имя идеала пожертвовать собой.

КЛАССЪ И ПАРТІЯ.*)

Съ вопросомъ о томъ, какъ организоваться, централистически или федералистически, тѣсно связанъ вопросъ, во что организоваться—въ партію или въ классъ. Этотъ послѣдній вопросъ въ свою очередь связанъ съ вопросомъ о нейтралитетѣ синдикатовъ, относительно котораго, несмотря на то, что о немъ было писано очень много, все еще существуютъ довольно смутныя понятія. Вопросъ о нейтралитетѣ синдикатовъ разно ставится въ Германіи и Франціи.

„Основная разница въ этомъ отношеніи, говоритъ Каутскій,

*) Статья эта написана годъ тому назадъ; печатается только теперь по причинамъ, не интереснымъ для читателя. К. О.

строемъ и анархистскими боевыми дружинами. Впрочемъ „Бунтарь" удѣляетъ нѣкоторое вниманіе и роли народныхъ массъ. „Рабочій классъ и крестьянство", читаемъ мы дальше, „ежедневно наталкивается на особенно рьянаго капиталиста или на особенно жестокаго помѣщика"... „Но часто и цѣлыя группы и весь классъ капиталистовъ и помѣщиковъ навлекаютъ на себя гнѣвъ и возмущеніе угнетенной массы и становятся мишенью ея грозныхъ нападеній. Во время высокаго революціоннаго подъема... *одиночки и начинаютъ эти нападенія*". Кого же авторъ подразумѣваетъ подъ этими *одиночками*? Наиболѣе ли энергичныхъ и богатыхъ инициативой людей изъ массы или сознательныхъ анархистовъ, оцѣнившихъ моментъ и стремящихся примѣнить свою энергію съ наибольшей пользой для успѣха революціи? Какъ мы говорили уже выше, ясностью статьи „Бунтаря" не отличаются, и, здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ важныхъ пунктахъ, приходится угадывать. Мы думаемъ, что не ошибемся, если скажемъ, что рѣчь идетъ здѣсь объ опредѣленной тактикѣ, которую рекомендуетъ „Бунтарь". Народныя массы въ періодъ революціоннаго подъема обнаруживаютъ стремленіе нападать на капиталистовъ и помѣщиковъ, какъ на представителей класса, не разбираясь въ индивидуальныхъ особенностяхъ каждаго изъ нихъ; это значитъ, что приближается моментъ соціальнаго возстанія. Что же надо дѣлать намъ, анархистамъ-коммунистамъ въ этотъ моментъ? Звать массу къ захвату земли, фабрикъ и заводовъ, говоримъ мы, звать не только словомъ, но и дѣломъ, становясь въ ряды возставшихъ или возстающихъ. При этомъ, конечно, придется иногда „снимать" наиболѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ представителей капитала и государства, „застрѣльщиковъ вражескаго стана" — по терминологіи „Бунтаря". Но можемъ ли мы отдавать въ этотъ моментъ свои силы для нападенія на каждаго встрѣчнаго помѣщика и капиталиста, какъ намъ совѣтуетъ авторъ статьи: „Къ теоріи террора"? Вѣдь выше авторъ самъ говоритъ, что нашей первой обязанностью является „снять застрѣльщиковъ вражескаго стана". Неужели же нашъ авторъ думаетъ, что къ началу возстанія эта задача будетъ уже цѣликомъ выполнена, и наиболѣе энергичные представители капитализма и власти всѣ будутъ „изъяты изъ обращенія"?!...

Далѣе авторъ выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что анархисты во время россійской революціи не „выбивали изъ строя цѣлыя группы буржуазіи". Террористическія нападенія анархистовъ „на цѣлыя группы буржуазіи"... „загнали бы буржуазію въ ряды реакціи и дали бы сознанію народа новое истолкованіе революціи". Здѣсь съ особенной ясностью обнаруживаются заговорщическія представленія „чернознаменцевъ" о соціальной революціи и отсутствіе у нихъ выдержанной классовой точки зрѣнія.

Несомнѣнно одной изъ главныхъ задачъ анархистовъ во время революціи является обостреніе классовыхъ отношеній; поскольку это отъ насъ зависитъ, мы должны способствовать тому, чтобы всѣ слои буржуазіи были отброшены отъ революціи и объединились въ одномъ реакціонномъ лагерѣ. И главной нашей задачей должно быть—поднять смутныя стремленія народныхъ массъ, ощупью идущихъ къ коренному перевороту, до яснаго сознанія необходимости и возможности соціалистической революціи. Но какъ это сдѣлать? Для анархиста-коммуниста, вся тактика котораго можетъ быть построена только на самодѣятельности рабочихъ массъ, отвѣтъ ясенъ. Мы должны стремиться расширить до максимума экономическія требованія *массъ*, участвуя *во всѣхъ* ихъ стачкахъ и возстаніяхъ. И если послѣднія имѣютъ характеръ политическій, мы приложимъ всѣ усилія, чтобы превратить ихъ въ революціонно-экономическія. И когда въ движеніи трудящихся массъ выступитъ наружу его революціонно-экономическая сущность, тогда демократическіе элементы буржуазіи, спѣшащіе примазаться къ народному движенію, чтобы на немъ выѣхать къ власти, отшатнутся отъ народа и примкнутъ къ его усмирителямъ. И только тогда пролетаріатъ ясно пойметъ истинную подоплеку радикальныхъ декларацій о „народной свободѣ". Такъ было въ 48 и 71 годахъ во Франціи, такъ было и у насъ, во время нашей революціи, когда всеобщія стачки во имя 8 часоваго рабочаго дня заставили буржуазію перемѣнить свое отношеніе къ рабочему движенію. Буржуазія была въ концѣ концовъ отброшена въ лагерь черносотенной и получерносотенной реакціи, и это совершилось безъ „выбиванія изъ строя цѣлыхъ группъ буржуазіи", это сдѣлалъ рѣзко выразившійся революціонно-классовый

между Франціей и Германіей, мнѣ кажется, заключается въ томъ, что во Франціи вопросъ нейтралитета является скорѣе вопросомъ *организаціи*, въ Германіи — скорѣе вопросомъ *пропаганды*"...*)

„Если вопросъ объ организаціонныхъ отношеніяхъ между соціалистической партіей и синдикатами находится внѣ спора въ Германіи, то во Франціи, наоборотъ, мнѣ кажется, что по этому вопросу существуютъ очень значительныя разногласія. Предлагаются самыя разнорѣчивыя рѣшенія. Тогда какъ многіе хотятъ удержать синдикаты съ точки зрѣнія организаціи въ полной *зависимости* отъ политическихъ группировокъ соціалистовъ, другіе хотятъ не только *независимость* синдикатовъ по отношенію политическихъ организацій, но даже *оппозицію* между ними. Они видятъ въ дѣятельности синдикатовъ и въ политической дѣятельности не двѣ стороны одного и того же явленія—классовой борьбы пролетаріата,—а два различныя и противорѣчивыя явленія".**)

Дѣйствительно, во Франціи соціальдемократы стоятъ за полную зависимость синдикатовъ отъ политической партіи,*) синдикаты же въ свою очередь хотятъ не только независимость, какъ говоритъ Каутскій, но даже полный сепаратизмъ. Независимостью удовлетворяются неомарксисты, но ихъ точку зрѣнія далеко нельзя считать точкой зрѣнія синдикализма. Синдикалисты смотрятъ на синдикалистское движеніе, какъ на движеніе, способное во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворить своимъ нуждамъ. Синдикалистскія организаціи систематически отказывались отъ совмѣстныхъ съ политическими партіями выступленій. Къ тому же, мнѣ кажется, что указаніе Каутскаго на то, что во Франціи споръ о взаимоотношеніи политико-соціалистическихъ партій и синдикатовъ сводится будто бы къ спору объ организаціонныхъ взаимоотношеніяхъ, къ спору о формахъ этого взаимоотношенія, не вѣрно, ибо кромѣ этой причины спора существуютъ другія и не менѣе важныя причины разногласія; а именно принципіальное расхожденіе по существеннымъ вопросамъ соціалистическаго міровоззрѣнія и соціалистической тактики.

Каутскій дѣлаетъ**) многозначительное заявленіе, сообщая, что въ Германіи вопросъ о взаимоотношеніи между соціальдемократической партіей и синдикатами рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что организація синдикатовъ остается особой, независимой организаціей. Посмотримъ, какова та независимость, тотъ нейтралитетъ, который разрѣшается или не разрѣшается нѣмецкимъ синдикатамъ. *Въ нѣмецкомъ смыслѣ всѣ безусловно французскіе синдикалисты, и анархисты вмѣстѣ съ ними, были бы противниками нейтралитета, ибо нѣмецкій нейтралитетъ означаетъ нейтральность по отношенію соціализма.* Французскіе синдикалисты и анархисты признаютъ, наоборотъ, что профессіональное движеніе въ общемъ должно быть опредѣленно соціалистическимъ движеніемъ; *нейтральность для нихъ имѣетъ въ данномъ случаѣ лишь тотъ смыслъ, что движеніе не должно носить ярлыка какой-нибудь опредѣленной фракціи*, въ него не должны вноситься фракціонная вражда, фракціонная дѣятельность, однимъ словомъ, *оно должно быть вполнѣ независимымъ отъ партіи, а не отъ соціализма.* „Нейтрализмъ" французскаго синдикализма включаетъ въ себѣ „противо-нейтрализмъ" нѣмецкихъ соціальдемократовъ, но несмотря на это между нѣмецкимъ и французскимъ „нейтрализмомъ" существуетъ громадная разница, ибо хотя соціальдемократы и признаютъ за синдикатами право на особую, самостоятельную организацію, синдикаты все-таки въ Германіи *не* являются организаціями, независимыми отъ партіи, имѣющими свою собственную, самостоятельную жизнь и дѣятельность. Независимость, признаваемая Каутскимъ или Бебелемъ за синдикатами, есть и должна быть по ихъ мнѣнію независимостью чисто внѣшнею. Нѣмецкіе соціальдемократы признаютъ, *на словахъ* по крайней мѣрѣ, что профессіональные союзы должны быть открыты всѣмъ рабочимъ, безъ различія политическихъ и религіозныхъ убѣжденій*), что осуществленіе нужнаго рабочимъ единства „требуетъ прекращенія взаимной полемики по религіознымъ и партійно-политическимъ вопросамъ и, сверхъ того, устраненія изъ профессіональныхъ организацій тѣхъ элементовъ, которые не должны въ нихъ входить по своей профессіи или соціальному положенію".**) Я выше подчеркнулъ слова „на словахъ", потому что изъ *всѣхъ* соціальдемократы исключаютъ анархистовъ, и это какъ разъ по политическимъ мотивамъ; анархистовъ они считаютъ своими политическими врагами и ихъ присутствіе въ синдикатахъ будетъ компрометировать торжество ихъ политической программы, ихъ избирательную тактику. „Я утверждаю, говоритъ Бебель

*) K. Kautsky. Politique et syndicats. p. 1.

**) Id. pp. 2—3.

*) Это относится, главнымъ образомъ, къ гедистамъ (марксистамъ). Жоресъ и Вальянъ признаютъ автономію синдикатовъ. Но они хотятъ, чтобы между синдикатами и партіей существовало отношеніе добрыхъ сосѣдей; кромѣ того хотятъ, чтобы было осуществлено извѣстное единство дѣйствія.

**) Id. p. 20.

*) Id. p. 21.

**) См. А. Бебель, „Профессіональные союзы и политическая партія, стр. 17 Изд. Е. М. Алексѣевой.

характеръ россійскаго рабочаго движенія. Надѣяться же, что можно „дать сознанію народа новое истолкованіе революціи" путемъ „выбиванія изъ строя цѣлыхъ группъ буржуазіи", это уже идея не анархическая, а специфически-„чернознаменская"; это тотъ же „безмотивный" терроръ, и только запутанности мыслей автора о террорѣ приходится приписать то обстоятельство, что эту идею онъ излагаетъ въ первой части своей статьи, а не въ третьей, посвященной спеціально „безмотивному" террору.

Вторымъ моментомъ примѣненія антибуржуазнаго террора, по классификаціи нашего автора, являются покушенія анархистовъ въ послѣреволюціонный періодъ на органы объединенныхъ дворянъ или промышленниковъ. И именно тутъ, въ этомъ пунктѣ сотрудникъ „Бунтаря" вздумалъ почему-то вступить въ полемику съ „блюстителями анархистскаго правовѣрія",*) т. е. съ нами, анархистами-синдикалистами. Авторъ ломится тутъ въ открытую дверь, такъ какъ антибуржуазному террору въ этомъ смыслѣ мы всегда придавали большое значеніе. Въ спорахъ съ „безмотивниками" мы всегда указывали, что вмѣсто нападеній на перваго встрѣчнаго буржуа, хотя бы и кутящаго въ шикарномъ ресторанѣ, гораздо полезнѣе направить свои удары на наиболѣе энергичныхъ и дѣятельныхъ представителей капиталистическаго и землевладѣльческаго классовъ, въ мозгъ и сердце буржуазіи. Такіе акты не только подымаютъ настроеніе народныхъ массъ, они дезорганизуютъ воинствующую, наиболѣе опасную для пролетарскаго движенія, часть буржуазіи; и мы, вопреки утвержденію сотрудника „Бунтаря", *никогда* не говорили, что такіе акты будутъ непоняты массами. Это мы говорили о „безмотивныхъ" актахъ, и *о нихъ* мы продолжаемъ и теперь утверждать то же самое.

По справедливому мнѣнію „Бунтаря" акты, направленные въ „центральные пункты буржуазной и дворянской реакціи", поражаютъ буржуазію, какъ классъ. Но оказывается, что есть еще „третій типъ антибуржуазнаго террора, поражающій буржуазію, *какъ таковую*" (!!). Такъ именуется, по классификаціи нашего автора, „безмотивный" терроръ. „Онъ пріурочивается, объясняетъ „Бунтарь", къ моменту равнодушія народныхъ массъ, цѣль его разбить это равнодушіе, встрясти народное сознаніе". Далѣе идетъ параллельная картина нищенской позорно-безропотной жизни рабочаго и разгульной жизни эксплуататоровъ. „И вотъ, продолжаетъ „Бунтарь", среди кучки веселящейся буржуазіи лопнула бомба. Это вамъ, вѣчно ликующимъ, отъ *насъ**), вѣчно горюющихъ". Такъ, по мнѣнію „чернознаменцевъ", массы поймутъ „безмотивный" актъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?... Будь этотъ актъ дѣломъ голоднаго, безработнаго пролетарія, отомстившаго за свой голодъ и униженіе, онъ дѣйствительно былъ бы понятъ массами, какъ *классовая месть;* не какъ утилитарный пріемъ борющихся революціонеровъ, а какъ незадающійся никакими соображеніями о полезности протестъ задавленнаго современнымъ строемъ члена угнетеннаго класса. И на этотъ-то „безмотивный" протестъ откликнется народная душа... Но вотъ этотъ же самый актъ дѣлается группой сознательныхъ анархистовъ, группой, ведущей планомѣрную борьбу съ существующимъ строемъ. Массѣ данный „безмотивный" актъ дѣлается извѣстнымъ, какъ дѣло анархистской группы. И онъ не можетъ быть уже воспринятъ массой, какъ актъ „вѣчно горюющихъ" противъ „вѣчно ликующихъ". Актъ воспринимается уже, какъ пріемъ въ *борьбѣ анархистовъ съ буржуазнымъ строемъ* и оцѣнивается съ этой точки зрѣнія. И нѣтъ сомнѣнія, что съ *утилитарной* точки зрѣнія „безмотивный" актъ вызоветъ самую рѣзкую критику. Рабочіе спросятъ: „Неужели анархисты не нашли болѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ представителей капитала и власти, чѣмъ эти случайные буржуа?" Мы имѣемъ здѣсь въ виду болѣе сознательные элементы массы, и если имъ растолковать путемъ листковъ и собраній, какую цѣль преслѣдовали въ данномъ случаѣ авторы акта, они все же скажутъ, что безсмысленно тратить цѣнныя боевыя силы на акты, которые не говорятъ сами за себя, и которые нуждаются въ истолкованіи. Отсталые же

*) „Блюстителями анархистскаго правовѣрія" „чернознаменцы" раньше считали себя самихъ. Теперь, ознакомившись очевидно немного съ исторіей анархизма, они уступаютъ этотъ титулъ намъ. Хотя мы и не гнались за этимъ титуломъ, мы все таки привѣтствуемъ скромность „ч.-з." „Лучше поздно, чѣмъ никогда!... М. Р.

*) Курсивъ мой. М. Р

дальше*), что *партійная* политика и религіозные вопросы должны быть чужды профессіональнымъ союзамъ, но я утверждаю также, что они тѣмъ шире и тѣмъ энергичнѣе должны проводить *рабочую* тактику,—классовой борьбы.“

Для чего надо все это? Для того, чтобы объединить въ профессіональные союзы наибольшее количество рабочихъ, „а еще лучше—всѣхъ“. Но когда эта цѣль достигнута, тогда косвенно, не гласно рабочіе должны дѣлать то же самое, что дѣлаетъ соціальдемократическая партія. Только названіе мѣняется: для партіи парламентская дѣятельность называется просто политикой или партійной политикой, а когда профессіональные союзы будутъ дѣлать то же самое, это будетъ называться *рабочей* политикой, „политикой классовой борьбы“. Прикрыть хорошимъ названіемъ ошибочный взглядъ и плохую тактику еще не значитъ оправдать и обосновать ихъ. Когда Бебель начинаетъ обосновывать свою „рабочую политику“, то онъ незамѣтно переходитъ на партійную точку зрѣнія, такъ что получается ясное и опредѣленное заключеніе, что синдикаты подъ именемъ *рабочей политики* должны проводить „энергично“ и „широко“ партійную „политику“. Перемѣна названія, замѣна выраженія — „*партійной* политики“ выраженіемъ „*рабочей* политики“ есть простая стратегія, имѣющая цѣлью привлеченіе наибольшаго количества рабочихъ. Разъ синдикатъ объявляется не партійнымъ, а общерабочимъ учрежденіемъ, въ него войдутъ всѣ рабочіе, число его членовъ будетъ быстрѣе увеличиваться, касса будетъ богаче, и всѣми этими выгодами въ концѣ концовъ воспользуется партія, ибо дѣятельность синдикатовъ должна быть той же парламентской дѣятельностью; и это по той простой причинѣ, „что для крупныхъ категорій рабочихъ — сюда надо причислить также всѣхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, особенно же ихъ надо принимать во вниманіе при ихъ сильномъ притокѣ въ города и промышленные округа — помощь профессіональной организаціи недостижима. *Положеніе этихъ рабочихъ можетъ быть улучшено только государственными и законодательными мѣропріятіями*“), и энергичное отстаиваніе такихъ мѣропріятій является обязанностью профессіональныхъ союзовъ, такъ какъ по независимости, а зачастую по дальновидности, они превосходятъ рабочихъ нуждающихся въ помощи. Кромѣ того, этого требуетъ прямой интересъ профессіональныхъ союзовъ, которые должны желать обезпечить себя отъ притока хуже поставленныхъ рабочихъ. Итакъ, кто совѣтуетъ профессіональнымъ союзамъ воздерживаться отъ политики, тотъ наноситъ имъ тяжкій вредъ, такъ какъ *совершенно немыслимо, чтобы они исключительно на почвѣ чисто профессіональной работы* могли достичь того, чего они хотятъ и должны достичь“.*)

Членъ профессіональнаго союза не только рабочій, *не только членъ извѣстнаго класса*, очень опредѣленнаго по своимъ интересамъ, но кромѣ того еще членъ извѣстнаго неопредѣленнаго цѣлаго, онъ гражданинъ государства и, какъ таковой, онъ долженъ интересоваться не только своими, но и общими дѣлами, какъ-то: „народное образованіе и высшая школа, положеніе религіозныхъ группъ въ общинѣ и государствѣ, налоговая политика, пути сообщенія, позиція благосостоянія и безопасности, административные вопросы, заботы объ общественномъ здравіи и призрѣніи бѣдныхъ, политическія права гражданъ и гражданокъ въ имперіи, государствѣ и общинѣ, аграрная и промышленная политика, торговая политика, внѣшняя и колоніальная политика, войско и флотъ и пр.“

„При этомъ членъ профессіональнаго союза будетъ выступать какъ *человѣкъ партіи*,—все равно является ли онъ простымъ избирателемъ, или, въ качествѣ кандидата, добивается довѣрія со стороны избирателей; *въ самомъ дѣлѣ только въ партіи онъ можетъ добиться своей цѣли, можетъ увидѣть избраніе желательнаго ему человѣка или быть избранъ самъ*“.*)

Итакъ, для члена профессіональнаго союза, какъ заявляетъ Бебель, *самое главное то, что членъ профессіональнаго союза дѣлаетъ, какъ членъ партіи, какъ гражданинъ государства и общины, только въ партіи онъ можетъ добиться своей цѣли, можетъ увидѣть избраніе желательнаго человѣка или быть избранъ самъ*, — вотъ основной вопросъ. И изъ рѣшенія, какое даетъ Бебель, и вмѣстѣ съ нимъ вся ортодоксальная соціальдемократія этому вопросу, ясно видно, что существенное, какъ для члена партіи, такъ и для члена профессіональнаго союза, это партійная политика, такъ какъ въ концѣ концовъ только въ партіи онъ можетъ добиться своей цѣли; слѣдовательно, работа профессіональныхъ союзовъ это вещь второстепенная. Во всѣхъ притомъ выше приведенныхъ вопросахъ, интересующихъ члена профессіональнаго союза, въ качествѣ гражданина государства, онъ долженъ занять позицію партіи. Мы находимъ что такая „независимость“ отъ партіи хуже всякой зависимости, ибо это есть подчиненіе прикрашенное словомъ независимость и потому болѣе опасное, чѣмъ

*) Id. p. 19.
*) Курсивъ автора. См. тамъ же, стр. 22—23—24.
*) Курсивъ автора.
*) Слово партія подчеркнуто авторомъ, остальное мною. К. О.

слои массы всегда будутъ искать, какъ мы и видѣли въ дѣйствительности въ Россіи („Либманъ“ и „Бристоль“), какіе нибудь понятные ей мотивы, и смѣшно думать, что листками и массовками можно объяснить ей въ чемъ дѣло, и что такимъ путемъ „истолкованіе террора“ можетъ „перелиться въ настроеніе“.

* * *

Переходимъ къ статьѣ—„Ячейки будущаго“ и „ячейки въ ячейкахъ“. Заглавіе это характерно для всей статьи. Въ немъ сразу сказались какъ полемическій задоръ автора, такъ и неуклюжая форма, въ которую этотъ задоръ вылился.

„Приспѣшники синдикализма изъ анархистовъ къ этому прибавляютъ, что синдикатъ — органъ рабочаго самоуправленія, и, слѣдовательно, захватъ производства синдикатами равносиленъ осуществленію анархическаго коммунизма“. Такъ начинаетъ авторъ свою критику „ячеекъ будущаго“. Совершенно справедливо, что анархисты-синдикалисты считаютъ синдикатъ „органомъ рабочаго самоуправленія“, но никто изъ нихъ никогда не говорилъ, что „захватъ производства синдикатами равносиленъ осуществленію анархическаго коммунизма“. Это утвержденіе нашего критика приходится приписать его неосвѣдомленности, или скорѣе, пожалуй, его пылкой полемически настроенной фантазіи. Не надо быть сотрудникомъ анархистскаго органа для того, чтобы знать, что по мнѣнію анархистовъ-синдикалистовъ захватъ производства синдикатами—лишь одинъ изъ этаповъ коммунистической революціи.

Дальнѣйшія разсужденія автора о различіяхъ между капиталистическимъ и коммунистическимъ производствомъ поэтому совершенно излишни. Когда мы, а.-с., говоримъ о синдикатахъ, какъ о ячейкахъ будущаго строя, мы имѣемъ въ виду не экономическую роль синдикатовъ во время соціальнаго переустройства, а ихъ колоссальное организаторское значеніе. Во время революціи разрушается государство и всѣ централистическія организаціонныя формы. Но наряду съ разрушительной работой идетъ созданіе новыхъ формъ общественной жизни,—синдикаты и служатъ тѣми точками притяженія, вокругъ которыхъ группируются производительные элементы народа. Здѣсь рѣчь идетъ не о какой-то „синдикалистской культурѣ“, которой такъ боится сотрудникъ „Бунтаря“, а объ организаціи трудовыхъ элементовъ общества, и та преобладающая часть люмпенпролетаріата, которая состоитъ изъ здоровыхъ людей, не находящихъ себѣ работы въ современномъ экономическомъ строѣ, примкнетъ, разумѣется, къ этимъ трудовымъ организаціямъ.

Дальше идутъ избитыя разсужденія о томъ, что анархисты-синдикалисты, надѣются будто привести рабочее движеніе къ соціальной революціи „черезъ говореніе“, и что „чернознаменцы“ наоборотъ стремятся „засѣять сѣмя“, „насадить ствола“ и т. д. Но очевидно уже и самимъ „ч.-з.“ неловко стало ограничиваться неопредѣленными фразами, и вотъ авторъ, если не въ критикѣ революціоннаго синдикализма, то въ своихъ собственныхъ организаціонныхъ планахъ, стремится быть болѣе опредѣленнымъ. Вотъ какъ онъ излагаетъ „чернознаменскіе“ организаціонные планы.

„*Исходный пунктъ анархическаго воздѣйствія*,—это *рабочая анархическая группа*. Разростаясь, она изъ чисто техническихъ соображеній разбивается на группы по профессіямъ—*анарх. синдикаты*“.*)

Группа разбивается на синдикаты!!... Оказывается, что пресловутые „чернознаменскіе“ анархистскіе синдикаты представляютъ собой ни болѣе, ни менѣе, какъ части, разбившіяся изъ техническихъ соображеній, анархистской группы... Гора родила мышь...

Сравнимъ эти „чернознаменскіе“ синдикаты съ тѣми тайными профессіональными группами, необходимость созданія которыхъ признана анархистами-синдикалистами, хотя нашему критику изъ „Бунтаря“ кажется, что эти тайныя группы придуманы нами лишь въ цѣляхъ полемики съ антисиндикалистами. Нашему критику, очевидно, совершенно неизвѣстна полемика, которая ведется теперь на Западѣ между неомарксистами и анархистами-синдикалистами о роли революціонныхъ выступленій маленькихъ тайныхъ организацій, гнѣздящихся въ большихъ открытыхъ рабочихъ союзахъ. И не только анархисты-синдикалисты считаютъ необходимымъ созданіе такихъ тайныхъ активныхъ революціонныхъ группъ, за ихъ необходимость для революціонизированія рабочаго движе-

*) Въ этой цитатѣ курсивъ „Бунтаря“. М. Р.

открытое грубое подчиненіе. Слѣдовательно, мнѣніе столь распространенное среди анархистовъ, что нѣмецкіе профессіональные союзы представляютъ собою простое отдѣленіе соціальдемократической партіи, не есть ни клевета, ни преувеличеніе, а выраженіе самой точной истины.

„Громадный вопросъ, относительно нейтралитета синдикатовъ, заключается не въ вопросѣ о томъ нужно ли всѣмъ безъ [illegible] чія религій и политическихъ убѣжденій открыть [illegible] а въ томъ, должны или не должны синдикаты [illegible] кой?“ Этотъ вопросъ, мы знаемъ это, рѣшается соціальдемократіей въ положительномъ смыслѣ, и какую политику, кромѣ партійной политики, должны проводить рабочіе, члены профессіональныхъ союзовъ, подъ видомъ рабочей политики? Какъ ни мѣнять названія, какъ ни пустословить объ организаціонной независимости, профессіональные союзы, организованные на такихъ началахъ и руководимые такими принципами, остаются и останутся партійными организаціями; ихъ внѣшняя организаціонная независимость это просто стратегія для привлеченія въ соціальдемократическую партію большаго количества рабочихъ и денежныхъ средствъ. Внѣшнимъ образомъ партія и синдикаты — двѣ отдѣльныя организаціи; фактически и на работѣ — это одно и то же. Внѣшняя отдѣлимость нужна только для того, чтобы не компрометировать профессіональную организацію въ глазахъ той части рабочихъ, которые не входятъ въ соціальдемократическую партію. Относительно такой организаціонной независимости можно сказать то, что говоритъ Каутскій словами поэта о „нейтральности“ нейтральныхъ нѣмецкихъ синдикалистовъ:

> Не компрометируй меня, дорогая моя,
> Не кланяйся мнѣ „на бульварахъ“ и т. д.

Иначе говоря, „быть нейтральнымъ лишь чисто внѣшнимъ образомъ, а на практикѣ проводить партійную политику. Въ синдикатахъ даютъ себя руководить“ тѣмъ же самымъ идеямъ, которыми руководятся внѣ синдикатовъ. Только въ синдикатахъ называютъ рабочей политикой то, что называется политикой соціалистической партіи въ избирательномъ собраніи, и въ синдикатахъ поддерживаютъ въ качествѣ друга рабочихъ того же самаго кандидата, который внѣ синдиката представляется въ качествѣ испытаннаго члена партіи“.*)

Вотъ въ сущности къ чему сводится организаціонная независимость нѣмецкихъ синдикатовъ, и такъ какъ у насъ подражать нѣмцамъ во всемъ вошло въ привычку, то нѣтъ сомнѣнія, что такая постановка вопроса о профессіональныхъ организаціяхъ встрѣтитъ большую симпатію со стороны нашихъ политико-соціалистическихъ партій. Уже теперь, „за исключеніемъ Бунда и нѣсколькихъ комитетовъ, наша соціальдемократія громаднѣйшимъ [illegible]

[illegible] руководства ими“.**) „Принимая принципіально ея тактику, выбирая соціальдемократовъ для завѣдыванія союзами, какъ лицъ, наилучше понимающихъ весь внутренній механизмъ развитія профессіональнаго движенія, и выработки *единой* классовой тактики,— профессіональные союзы вступятъ на истинный путь развитія классовой мощи пролетаріата и не рискуютъ изуродовать профессіональнаго движенія какой-либо чуждой ему формой“.*)

Эта „чуждая форма“ профессіональнаго движенія и есть между прочимъ революціонный синдикализмъ, и чтобы спасти профессіональные союзы отъ революціоннаго синдикализма, наши соціальдемократы готовы дать рабочимъ союзамъ „внѣшнюю безпартійность“ съ тѣмъ, чтобы лучше подчинить ихъ интересамъ партіи. Но къ счастью есть основаніе надѣяться, что эта двуликая политика соціальдемократіи, это политиканство худшаго сорта, замаскированное „внѣшнею безпартійностью“, не восторжествуетъ въ русскомъ профессіональномъ движеніи. „Какъ показала послѣдняя конференція профессіональныхъ союзовъ, уже и теперь у нѣкоторыхъ лицъ замѣчается желаніе повести (?) профессіональное движеніе въ сторонѣ отъ вліянія всякихъ политическихъ партій къ выработкѣ своей собственной „профессіонально политической тактики“,**) и разъ такое желаніе или скорѣе направленіе зародилось въ нашемъ профессіональномъ движеніи, оно восторжествуетъ, и восторжествуетъ по тѣмъ самымъ причинамъ, по которымъ восторжествовалъ во Франціи надъ политическими партіями революціонный синдикализмъ. Сознательное, могучее рабочее движеніе никогда не удовлетворится „внѣшней безпартійностью“, показной самостоятельностью; какъ во Франціи, Испаніи, Италіи и т. д.,

*) Каутскій op. cit p. 29—30.

*) См. брошюру Б. Торгашева: Профессіональное движеніе и соціальдемократія. Москва 1907, стр. 9.

**) Тамъ же, стр. 9.

*) Тамъ же, стр. 12—13.

**) Тамъ же стр. 14.

нія высказываются горячо и эрвеисты. И только одни неомарксисты въ средѣ революціонныхъ синдикалистовъ высказываются противъ созданія такихъ группъ, видя въ дѣятельности послѣднихъ „революціонное замѣстительство“.

Но если анархисты-синдикалисты признаютъ необходимость созданія тайныхъ революціонныхъ группъ въ нѣдрахъ безпартійныхъ рабочихъ организацій, то этимъ группамъ отводится сравнительно скромная роль — обслуживаніе автономнаго рабочаго движенія въ революціонно-техническомъ отношеніи. Напрасно нашъ критикъ думаетъ уязвить насъ, высказывая предположеніе, что для насъ тайныя группы „лишь присказка, вся же сказка въ синдикатахъ“. Мы не только не скрываемъ, но наоборотъ при всякомъ удобномъ случаѣ усиленно подчеркиваемъ, что въ глазахъ анархиста-коммуниста участь безпартійныхъ революціонныхъ массовыхъ организацій важнѣе участи партій и группъ, хотя бы и анархистскихъ...

„Какимъ образомъ, наивно вопрошаетъ нашъ критикъ, тайныя группы могутъ остаться неузнанными?“ Это, товарищъ, будетъ зависѣть отъ конспиративности ихъ членовъ. Вѣдь то обстоятельство, что члены группы являются въ то же время и членами открытаго синдиката, еще не обязываетъ ихъ заявлять во всеуслышаніе о своей принадлежности къ тайной группѣ.

А вы съ вашимъ „анархистскимъ синдикатомъ“ собираетесь такъ далеко уйти отъ рабочихъ, что не рискуете быть ими узнанными? Конечно, будучи *внѣ* рабочихъ организацій, *внѣ* автономнаго рабочаго движенія, вы меньше рискуете быть „узнанными“ рабочими. Но за то васъ постигнетъ участь всѣхъ тѣхъ, кто стремится *со стороны* вліять на рабочее движеніе. Просыпающееся самосознаніе рабочаго класса выражается въ вѣрѣ въ *свои собственныя безпартійныя* классовыя организаціи и въ недовѣріи въ спасительную роль партій и группъ. Въ вашихъ „идейныхъ“ синдикатахъ рабочіе увидятъ лишь новую партію, а ваши выступленія будутъ производить то дѣйствіе, которое всегда производитъ на массы „революціонное замѣстительство“.

„А дѣйствія вашихъ тайныхъ группъ, входящихъ въ синдикаты, развѣ не будутъ представлять собой революціонное замѣстительство?“, спросятъ насъ вмѣстѣ съ неомарксистами, о которыхъ мы уже упоминали выше, и товарищи антисиндикалисты.

Нѣтъ, выступленія группъ, входящихъ въ синдикаты, не будутъ имѣть этого характера, увѣренно говоримъ мы. Анархистская группа, входящая въ составъ синдиката, представляетъ собой составную часть его, органически сросшуюся съ цѣлымъ. Психика членовъ группы, входящей въ синдикатъ, находится въ тѣсномъ общеніи съ психикой остальныхъ членовъ синдиката, вырабатывается общее настроеніе, при которомъ дѣйствія наиболѣе революціонныхъ членовъ синдиката, входящихъ въ составъ тайной группы, является уже не „революціоннымъ замѣстительствомъ“, а выступленіемъ одареннаго иниціативой революціоннаго меньшинства. Да и не можетъ быть и рѣчи о „революціонномъ замѣстительствѣ“ тамъ, гдѣ дѣйствующее лицо выступаетъ не только, какъ анархистъ, но и какъ рабочій, защищающій свои экономическіе интересы наряду съ другими рабочими.

Яркую иллюстрацію „чернознаменскаго“ представленія о желательныхъ формахъ взаимоотношеній между „анархистскими синдикатами“ и массовымъ рабочимъ движеніемъ, даетъ нашъ критикъ въ концѣ статьи, гдѣ въ качествѣ образца, достойнаго подражанія, онъ выставляетъ дѣятельность анархистовъ въ Одессѣ во время стачки моряковъ и въ Варшавѣ во время стачки механическихъ сапожниковъ. „Тамъ, говоритъ сотрудникъ „Бунтаря“, стачечныя коммиссіи превратились въ настоящія анархистскія группы, которыя *руководили*“; всѣмъ массовымъ движеніемъ“. *Руководить* массовымъ движеніемъ — вотъ цѣль „чернознаменцевъ“. И какъ недалеко они ушли отъ соціальдемократовъ въ своемъ отношеніи къ массѣ!... Но нужно еще замѣтить въ назиданіе „ч.-з“, что и столь желательнаго ихъ фракціи *руководства* анархисты добились въ упомянутыхъ случаяхъ, *участвуя* сначала въ *выманенныхъ* стачечныхъ коммиссіяхъ, и только потомъ они всецѣло ими овладѣли. Нашъ критикъ не доволенъ *въ этомъ отношеніи* одесскими и варшавскими товарищами. „Съ этого, (?) говоритъ онъ, надо было начать“. Что же, надо было *самимъ* провозгласить себя стачечной коммиссіей, что ли?.. Странныя, безжизненныя, высосанныя изъ пальца тактическія построенія...

М. Раевскій.

такъ и у насъ развитіе революціоннаго синдикализма неизбѣжно, а этотъ послѣдній не только не удовлетворяется показной независимостью или „внѣшней безпартійностью“, но даже совершенно возстаетъ противъ организаціи пролетаріата въ *партію, и лозунгу организоваться въ партію противопоставляетъ лозунгъ организоваться въ классъ.*

Было время, когда усердно прививали тотъ взглядъ, что организоваться, значитъ организоваться въ соціальдемократическую партію, и непризнаніе соціальдемократической организаціи отожествлялось съ отрицаніемъ всякой организаціи вообще; но съ тѣхъ поръ времена измѣнились, — такая аберація логическихъ способностей не длится вѣками. Теперь рѣчь идетъ о формѣ организаціи; удалось, наконецъ, установить истину, долго искажаемую якобинцами разныхъ ранговъ и цвѣтовъ, что самый принципъ организаціи никто не отрицаетъ и никто не думалъ отрицать. Рѣчь среди соціалистовъ шла лишь объ особой самостоятельной организаціи рабочихъ, которые, все еще находясь подъ вліяніемъ политическихъ предразсудковъ, навѣянныхъ имъ буржуазіей, не хотѣли понять и не сознавали необходимости совершенно автономной организаціи рабочихъ, безусловно независимой отъ всѣхъ буржуазныхъ партій. Но теперь организоваться, это— общій лозунгъ и среди рабочихъ; доказывать и оправдывать необходимость организаціи уже не приходится, рѣчь идетъ только о формахъ организаціи; одни—анархисты и синдикалисты, хотятъ организацію федералистическую, другіе — соціалисты якобинскаго воспитанія—централистическую. Какъ мы уже указали на это въ самомъ началѣ, съ вопросомъ о томъ, какъ организоваться, федералистически или централистически, тѣсно связанъ вопросъ, во что организоваться: въ партію или въ классъ. Первый вопросъ мы уже разобрали*), посмотримъ теперь, какъ слѣдуетъ разрѣшить второй вопросъ на основаніи опыта, сдѣланнаго пролетаріатомъ латинскихъ странъ въ продолженіе послѣднихъ 35—40 лѣтъ.

Само желаніе освободить пролетаріатъ при помощи партій, которыя не представляютъ собою самъ пролетаріатъ, это желаніе, происхожденіе котораго въ соціалистической средѣ нужно объяснить тѣмъ, что она не свободна отъ довольно пока сильнаго вліянія якобинскихъ предразсудковъ. Соціальдемократы — прямые наслѣдники якобинцевъ; именно они, произведшіе механическую смѣсь соціально-экономической доктрины соціализма съ извѣстными якобино-политическими доктринами радикальной буржуазіи 48 года и бланкизма, и представляютъ теперь эту идею организаціи въ партію, которой вмѣняется въ обязанность создать свободу пролетаріата. Партія — это посредникъ и протекторъ рабочей массы*); масса должна все дѣлать подъ руководствомъ этой партіи; масса это тѣло, партія — нервная система, мозгъ. Масса должна быть лишь оружіемъ, силой, на которую будетъ опираться партія для того, чтобы осуществить, якобы, ея свободу. Масса должна думать о торжествѣ партіи и смотрѣть на ея торжество, какъ на свое собственное торжество. Масса должна взять на себя лишь миссію доставить партіи торжество надъ современнымъ строемъ, передать ей власть, отнятую у буржуазіи; партія воспользуется этой силой и властью, чтобы создать новый строй, „новое право“. Однимъ словомъ, партія это—тотъ же самый „цезарь“, „герой“ или „трибунъ“, которые должны спасти рабочую массу, освободить ее, положить основаніи новой жизни,—измѣнилась лишь одна физіономія, т. е. лишь маска новая.

Пролетаріатъ видѣлъ эти партіи спасителей на работѣ во время Великой Французской Революціи, во время революціи 30 года, видѣлъ въ 48 и 71 гг. и убѣдился, наконецъ, что никто не можетъ быть его спасителемъ и освободителемъ, кромѣ его самого. „Никто не дастъ намъ избавленья, ни богъ, ни царь и ни герой“, провозгласилъ онъ послѣ этихъ тяжкихъ и кровавыхъ опытовъ. Онъ видитъ ихъ на дѣлѣ и въ „Русской революціи“, и у насъ также не замедлитъ онъ провозгласить, что его освобожденіе зависитъ только отъ него самого; и тогда, какъ это уже дѣлаетъ пролетаріатъ латинскихъ странъ, онъ перестанетъ путаться и дробиться въ партіяхъ, стоящихъ внѣ его и надъ нимъ, и возьмется за самоорганизацію для самоосвобожденія. Руководство и господство интеллигентскихъ партій надъ рабочимъ движеніемъ доказываетъ лишь слабость, лишь несостоятельность рабочаго движенія. Политико-соціалистическая партія можетъ быть сильной, она можетъ имѣть милліоны членовъ, это не означаетъ еще, что дѣло соціальной революціи, дѣло рабочей революціи подвинулось впередъ, хоть на шагъ, это не значитъ еще, что есть готовые элементы рабочей революціи, — готовые элементы не только для совершенія этой революціи, но и для фиксаціи рабочихъ результатовъ. Для того чтобы совершить соціальную революцію, не въ смыслѣ участія въ революціи мускульной силы рабочихъ, но въ томъ смыслѣ, чтобы революція дала удовлетвореніе рабочимъ, нужно, чтобы рабочіе имѣли силу совершить „физически“ эту революцію безъ посредниковъ, а также, чтобы они были способны, подготовлены взять *на себя* „юридическую часть“ этой революціи, т. е. закрѣпить за собою соціальные результаты революціи, созданіемъ „новаго права“. Для такой громадной работы нужна энергія всего класса, для самообезпеченія отъ возможныхъ обмановъ, нужно прямое дѣйствіе, нужно изъятіе всѣхъ посредниковъ. Вотъ почему пролетаріатъ болѣе передовыхъ странъ на вопросъ, во что организоваться, отвѣчаетъ: партіи, всѣ партіи оказались безсильными; пролетаріатъ самъ, естественно, представляетъ собою партію, границы которой — границы самого класса; довольно дробиться, пора организоваться въ классъ.

Дѣйствительно, стоитъ только присмотрѣться къ этому вопросу поближе, чтобы замѣтить, что партійная организація оказалась совершенно несостоятельной для выполненія цѣлей рабочаго класса. Вокругъ чего, на самомъ дѣлѣ, формируются современныя политическія партіи? Вокругъ, какъ это показываетъ ихъ исторія, извѣстныхъ *общихъ* политическихъ программъ. Эти программы видоизмѣняются, суживаются или расширяются, опять таки, смотря потому, каковы *общія требованія и общее настроеніе*. Поэтому и кризисы, переживаемые или пережитые соціалистическими партіями, связаны не съ кризисами, пережитыми или переживаемыми чисто рабочимъ движеніемъ, а съ кризисами демократизма. Во Франціи, напримѣръ, со времени Коммуны, какъ совершенно справедливо указываетъ на это Фурньеръ*), демократизмъ пережилъ три кризиса: а) борьба демократіи противъ роялистовъ въ 1880 году, в) борьба демократіи противъ буланжистовъ въ 1889—1890 гг., с) борьба демократизма противъ національзма и антисемитизма въ 1899—1900 гг. Фурньеръ думаетъ, что эти кризисы были кризисами роста демократіи, для насъ это не важно; для насъ важно констатировать, что съ этими тремя кризисами демократіи во Франціи совпали три же кризиса французской соціальдемократической партіи**). Поведеніе соціальдемократической партіи во всѣхъ трехъ кризисахъ наглядно показываетъ, что соціальдемократы не то что не хотѣли, а не сумѣли, не могли отмежеваться отъ буржуазной демократіи. „Какъ только соціалистическіе депутаты увеличились въ числѣ, они естественно сдѣлались политически отвѣтственными и вмѣстѣ съ тѣмъ отказались отъ политической непримиримости. Зависитъ ли это отъ того, что партія во Франціи состоитъ изъ генеральнаго штаба безъ войскъ? Поступила ли бы партія, имѣющая за собою рабочія массы, иначе, чѣмъ Гэдъ, когда онъ вотировалъ за министерство Комба, часто въ ущербъ рабочимъ интересамъ? Думается, что нѣтъ... Онъ (рабочій классъ) не обвинилъ ни Гэда, ни Вальяна въ измѣнѣ,— онъ понялъ, что на политической аренѣ соціалисты не могутъ дѣйствовать иначе“.*)

Во всѣхъ событіяхъ, сопровождавшихъ указываемые нами кризисы, соціальдемократическая партія играла одну общую роль съ радикальной буржуазіей, съ той только разницей, что она являлась, какъ бы ея крайней фракціей.**) При каждомъ подъемѣ демократической волны соціальдемократія сливалась какъ бы съ ея лѣвымъ крыломъ своей демократической стороной, но послѣ каждаго такого слиянія и въ особенности тогда, когда оно ясно опредѣлялось и становилось очевиднымъ и для массы, она вспоминала, что ея raison d'être это—соціализмъ и дѣлала страшныя усилія, чтобы выдѣлиться, чтобы отмежеваться отъ демократіи, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ. Такимъ моментамъ соотвѣтствовали расколы въ соціальдемократической партіи Франціи.

Съ точки зрѣнія радикально-буржуазной демократіи, съ точки зрѣнія буржуазной республики дѣятельность соціальдемократіи была болѣе или менѣе цѣлесообразной и постольку, поскольку она была предана этой буржуазно-демократической дѣятельности, она имѣла право рисковать всѣмъ и въ томъ числѣ единствомъ партіи; но не надо забывать, что интересы пролетаріата противорѣчатъ интересамъ *всякой* буржуазіи, даже самой красной, что пролетаріатъ враждебенъ и республикѣ, разъ она буржуазна. Если посмотрѣть съ точки зрѣнія строго проведенной теоріи классовой борьбы на эту дѣятельность соціальдемократіи и на происходившіе среди нея многочисленные расколы, окажется, что она ничѣмъ не оправдала свое названіе рабочей партіи и нигдѣ ничѣмъ не показала, и въ особенности не доказала на работѣ, на дѣлѣ, во время этихъ кризисовъ, которые какъ-ни-какъ оставили извѣстные слѣды въ исторіи страны, что она дѣйствительно есть рабочая партія. Она и не могла этого сдѣлать, по той весьма простой причинѣ, что она не есть, ни по своему составу, ни по своей практиче-

---

*) См. предыдущій № „Буревѣстника“.

*) Ту же самую роль освободителя и протектора приписываютъ наши антисиндикалисты группамъ смѣшаннымъ или группамъ, состоящимъ исключительно изъ рабочихъ анархистовъ. Въ сущности ихъ методъ есть методъ дѣйствія „сверху внизъ“, методъ якобинскій, авторитарный и, слѣдовательно, противо-анархистскій.

*) См. его статьи въ Revue Socialiste. Crise révolutionnaire du socialisme français, №№ juin et juillet, 1905 г.

**) Что же касается кризисовъ, пережитыхъ дѣйствительно рабочимъ движеніемъ, то они совершенно независимы отъ этихъ событій. См. о нихъ брошюру „Какъ и изъ чего развился революціонный синдикализмъ?“

*) Гюберъ Лагардель. Революціонный синдикализмъ, стр. 123—124. Изд. „Шиповникъ“.

**) Mouvement Socialiste, №№ 164—165, стр. 257.

ской программѣ, пролетарская партія. Ея практическая программа, та программа, которая руководитъ ея дѣятельностью, программа минимумъ, есть программа, писанная съ точки зрѣнія *гражданина современнаго буржуазнаго государства, въ обще-гражданскихъ интересахъ, а не только въ интересахъ угнетеннаго производителя.* Она не можетъ поступать иначе, принимая во вниманіе, что она есть партія, а не классъ. Партія—таково присущее ей противорѣчіе—если хочетъ быть силой, должна расширяться, расти, и чѣмъ больше она растетъ, тѣмъ больше она теряетъ единство мысли, все больше и больше удаляется отъ точки зрѣнія всякихъ опредѣленныхъ общественныхъ категорій, становится сбродомъ недовольныхъ и ихъ союзомъ. Партія—группировка на почвѣ общности мнѣнія, которое измѣнчиво и необходимо должно быть измѣнчивымъ, должно находиться въ состояніи вѣчнаго движенія, вѣчной эволюціи; она перерабатывается ежедневно, можно сказать, въ своихъ деталяхъ, по крайней мѣрѣ; единство мнѣнія нужное, слѣдовательно, для партіи, осуществляется давленіемъ того же самаго мнѣнія, а давленіе мнѣнія, какъ по своему объекту, такъ и по своему происхожденію, не является *непремѣнно и исключительно классовымъ.* Связь, установленая при его помощи, есть связь временная, проходящая по волѣ, установливается по желанію, и потому можетъ быть расторгнуто также по желанію; это не есть внѣ воли находящаяся связь, установливаемая между людьми извѣстной категоріи, *общностью „соціальнаго положенія.* Поэтому, вокругъ партіи и въ самую партію объединяются разнокалиберные, разношерстные, а порою противорѣчивые элементы, такъ что партія ни въ коемъ случаѣ не можетъ представить собою со- опредѣленную экономическую категорію. Анализируя ставъ соціальдемократическихъ избирателей, Бланкъ приходитъ къ тому заключенію, что въ большихъ городахъ, если даже допустить, что всѣ рабочіе вотировали за соціальдемократическихъ депутатовъ, и въ томъ случаѣ приходится согласиться, что „буржуазные элементы въ большинствѣ большихъ городовъ дали соціальдемократической партіи около трети всѣхъ полученныхъ ею въ этихъ городахъ голосовъ, составляя въ нѣкоторыхъ городахъ 1/3 всѣхъ избирателей партіи. По количеству же полученныхъ ею въ городахъ и деревняхъ голосовъ соціальдемократическая партія становится постепенно и по преимуществу партіей городовъ и поэтому она принуждена защищать общіе интересы всего городского населенія, благодаря чему классовой характеръ партіи все ослабляется, нейтрализуется...“ *)

„Прежде всего, заключаетъ Бланкъ, по своему соціальному составу соціальдемократія не есть классовая партія и не можетъ сохранить классоваго характера. Какъ всякая парламентская партія и соціальдемократія дорожитъ мандатами, *зависящими очень часто отъ незначительнаго числа избирателей, и поэтому ей приходится считаться съ своими буржуазными приверженцами, которые, благодаря этому, пріобрѣтаютъ вліяніе на тактику партіи. Это вліяніе кладетъ свою печать даже на принципіальную сторону программы партіи.*“**) Въ программѣ соціалистической рабочей партіи, выработанной въ 1875 г., было рѣзко заявлено, что по отношенію къ рабочему классу всѣ другіе классы только реакціонная масса, а уже въ 1891 г. при выработкѣ новой программы этотъ абзацъ исключенъ, причемъ докладчикъ комиссіи Вильгельмъ Либкнехтъ заявилъ, что невѣрно, будто бы остальныя партіи—реакціонная масса. Удвоеніе соціальдемократическихъ голосовъ на выборахъ 1890 г. и открытое присоединеніе буржуазной демократіи къ соціалистамъ повело даже, по мнѣнію Бланка, къ тому, что партія замѣнила свое первое имя „соціалистической рабочей партіи“, придававшее ей штемпель классовой партіи, названіемъ соціальдемократической, подъ каковымъ именемъ извѣстна коалиція французскихъ рабочихъ и мелкихъ буржуа въ 1849 г. Объ этой коалиціи Марксъ писалъ: „Соціальная и демократическая партія рабочихъ и мелкихъ буржуа, соединилась въ соціальдемократическую, т. е. красную партію“.

„Бланкъ оспариваетъ далѣе значеніе партейтаговъ и доказываетъ, что настоящимъ выразителемъ мнѣній соціальдемократическихъ избирателей является не партейтагъ, члены котораго избираются par acclamation, а отвѣтственные передъ своими избирателями избранные тайнымъ голосованіемъ соціальдемократовъ депутаты рейхстага. Что же касается парламентской фракціи партіи, то она постепенно стремится стать во главѣ соединенной оппозиціи; это противорѣчитъ принципамъ научнаго соціализма, но за то это отвѣчаетъ желаніямъ избирателей. Въ этомъ противорѣчіи теоріи и практики и лежитъ центръ кризиса, переживаемаго партіей, центръ ревизіонистскаго движенія, пожелавшаго примирить теорію и практику соціальдемократіи. Но дѣло въ томъ, что еще на эрфуртскомъ партейтагѣ Либкнехтъ заявилъ: „Теорія и практика двѣ разныя вещи, и сколько бы я ни довѣрялъ въ теоріи Марксу, на практикѣ я иду своимъ путемъ. Высоко для меня значеніе Маркса, но еще выше значеніе партіи!“ Даже самъ Каутскій выставилъ послѣ побѣды 1903 г. практически и политически очень умѣренную программу дѣятельности партіи: „На почвѣ избирательнаго права,—писалъ онъ,—партія должна занять оборонительное положеніе; но она должна быть агрессивной въ вопросахъ о нормальномъ рабочемъ днѣ, правѣ коалицій, сокращеніи срока военной службы, реформѣ налоговъ, уголовнаго кодекса, таможенныхъ пошлинахъ и торговыхъ договорахъ“. Бланкъ указываетъ и на то, что соціальдемократія не только практическая, но и оппортунистическая партія, и эволюціонируетъ постепенно къ тому, чтобы преобразоваться въ народную партію. Въ избирательномъ манифестѣ 1903 года, подписанномъ всей парламентской фракціей, ни разу не упоминается о классовой борьбѣ, а избирательнымъ паролемъ выставлено было: „Долой милитаризмъ и маринизмъ въ его современномъ видѣ! Долой пагубную таможенную и торговую политику, вредящую жизненнымъ интересамъ милліоновъ! Долой налоговую и таможенную политику, подавляющую бѣдныхъ въ пользу богатыхъ! Долой внутреннюю реакцію, правительственный произволъ, полицейское давленіе, опеку и правовую необезпеченность“. Манифестъ кончается призывомъ къ борьбѣ за прогрессъ, науку и образованіе, освобожденіе отъ всякаго гнета; къ борьбѣ противъ классоваго государства, классоваго господства и классоваго законодательства, отягчающихъ плечи работающихъ массъ.

„Этотъ избирательный пароль пріемлемъ и для рабочихъ, и для мелкихъ буржуа, и для ремесленниковъ, и для городского, и для сельскаго населенія, и для соціалистовъ, и для реформистовъ“.*)

Такимъ образомъ, соціаль-демократическая партія, не только въ Германіи, но и повсюду, представляется большой коалиціонной партіей, въ ней объединены демократическіе элементы разныхъ классовъ и, само собою разумѣется, это обстоятельство сильно вліяетъ на всю дѣятельность, на весь характеръ партіи. Партія, смѣшанная по составу, никогда не сможетъ быть строго классовою по своей дѣятельности. Присмотритесь къ съѣздамъ соціальдемократической партіи. Какой элементъ преобладаетъ на этихъ съѣздахъ? Во всякомъ случаѣ не рабочій. Вы встрѣтите на нихъ людей либеральной профессіи: докторовъ, учителей, профессоровъ, адвокатовъ (этихъ послѣднихъ очень много, въ особенности во Франціи и Италіи), студентовъ или бывшихъ студентовъ, ищущихъ карьеры журналистовъ, трактирщиковъ (ихъ особенно много въ Германіи), чиновниковъ разныхъ сортовъ и ранговъ (въ Швейцаріи, въ Вевэ, президентъ мѣстной соціалистической партіи — полицейскій коммисаръ Фонъ-деръ-Аа; въ Цюрихѣ членъ партіи Фольсгангеръ — полицейскій коммисаръ, въ Винтертурѣ редакторъ мѣстной соціальдемократической газеты „Arbeiter Zeitung“ Вальтеръ стоитъ въ то же время во главѣ мѣстной полиціи); вы встрѣтите также капиталистовъ, банкировъ, встрѣтите, можетъ быть, еще бывшихъ рабочихъ, но рабочіе, настоящіе рабочіе, или совсѣмъ отсутствуютъ, или присутствуютъ въ очень маломъ количествѣ. Такой судьбы не избѣгла и русская соціальдемократическая партія въ которой по словамъ г. Плеханова также преобладаетъ нерабочій элементъ.*) Г. Плехановъ, по крайней мѣрѣ, высказываетъ сожалѣніе по этому поводу, тогда какъ многіе изъ такъ называемыхъ „большевиковъ“ находятъ такое положеніе вещей вполнѣ естественнымъ. Такъ, напримѣръ, на III партійномъ съѣздѣ Р. С. Д. Р. П. одинъ изъ делегатовъ нашелъ возможнымъ заявить, что только „меньшевистская демагогія“ можетъ требовать, чтобы на пролетарскомъ съѣздѣ непремѣнно присутствовали пролетаріи.**)

Возьмите далѣе составъ дирекціи партіи. Въ этихъ комитетахъ —настоящихъ правительствахъ партіи—вы найдете Бебелей, Вандервельдовъ, Лафарговъ, Зингеровъ, Ванъ-Коль и др., которые по своему соціальному положенію настолько далеки отъ рабочаго міра, что не думаемъ, чтобы они были въ состояніи понять и прочувствовать тѣ мотивы, которые руководятъ рабочими во время повседневной борьбы вообще, и во время стачки въ частности. Одинъ изъ выше названныхъ господъ, Ванъ-Коль обладаетъ огромными плантаціями въ Голландской Индіи, въ которой работаютъ негры (злые языки говорятъ рабы), онъ, конечно, со своими рабочими лучше обращается—какъ онъ самъ говоритъ,— но, несмотря на это намъ кажется страннымъ пребываніе такого человѣка во главѣ соціалистической партіи. Стоитъ ли напоминать, что въ германскую соціальдемократическую партію входятъ также хозяева, и что „партійные товарищи хозяева“ пользуются одинаковыми съ рабочими гарантіями; стоитъ ли напоминать, что „партійнымъ товарищамъ рабочимъ“ иногда приходится устраивать стачки противъ „партійныхъ товарищей хозяевъ“, что пар-

*) Цитируемъ по русскому изложенію статьи Бланка. См. бр. А. Бебель, „Составъ соціальдемократической партіи въ Германіи“, пер. Л. Нешанова, стр. 6. Бебель не согласенъ съ выводами Бланка, но данныя Бланка считаетъ неуклоняющимися отъ истины. См. стр. 11.

**) Курсивъ мой. К. О.

*) Id. стр. 8—9.

*) См. „Дневникъ соціалдемократа“, № 8.

**) Третій очередной съѣздъ Р. С. Д. Р. П., стр. 43. Заграничное изданіе.

тія одинаково должна охранять интересы своихъ членовъ и иногда оправдывать хозяевъ и обвинять рабочихъ?*)

Среди парламентскихъ представителей партіи—и это вполнѣ естественно—вы встрѣтите тѣхъ же самыхъ адвокатовъ, докторовъ, трактирщиковъ, капиталистовъ, банкировъ, плантаторовъ, журналистовъ, литераторовъ или растакуеровъ журналистики и литературы, нѣсколько человѣкъ (отъ 1 % до 5 %) бывшихъ рабочихъ. Неужели такъ должна быть представлена пролетарская партія, неужели такъ должна быть составлена *классовая* партія пролетаріата, неужели написано въ *Книгѣ бытія*, что пролетаріатъ будетъ освобожденъ при посредствѣ такой чудовищной мѣшанины? Пусть этому вѣритъ кто хочетъ, мы не можемъ видѣть въ этомъ ни предписаніе науки, ни неизбѣжную для пролетаріата историческую необходимость...

Такая пестрота всѣхъ соціальдемократическихъ партій объясняется тѣмъ, что онѣ, что бы тамъ ни говорили панегиристы соціальдемократіи, представляютъ собою партіи, на манеръ демократическихъ партій, а не классовую организацію. Чтобы быть классовой организаціей, въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, недостаточно напирать, и порою очень не кстати, на слова „классъ", „классовое самосознаніе", „классовая партія", какъ это дѣлаетъ соціальдемократія въ своей устной и письменной пропагандѣ, а нужно въ дѣйствительности имѣть внутреннюю сущность дѣйствительно классовой организаціи. Но партія, построенная на манеръ демократическихъ партій, не можетъ ни въ коемъ случаѣ обладать внутренней классовой сущностью. Сущность „классовости" и сущность демократизма находятся въ непримиримомъ противорѣчіи. Демократическая партія всегда должна быть коалиціей просто недовольныхъ; чтобы сдѣлаться членомъ партіи, построенной на манеръ демократической партіи, не нужно принадлежать къ какой-нибудь опредѣленной соціальной категоріи. Практическимъ объектомъ подобныхъ партій естественно должна быть политико-парламентская дѣятельность. Соціальдемократическая партія есть, какъ мы уже сказали, и по характеру своей дѣятельности, и по формѣ своей организаціи, и по своему составу, партія, построенная на манеръ демократическихъ партій; ея практическимъ объектомъ также является политико-парламентская дѣятельность, а потому въ ней могутъ объединиться совершенно разнородные элементы,—эксплуататоръ и эксплуатируемый, если они имѣютъ *общія временныя цѣли въ качествѣ гражданъ современнаго буржуазнаго государства*. Связь, объединяющая ихъ,—не связь, создаваемая общностью соціальнаго положенія, и, слѣдовательно, не связь интересовъ классовыхъ, а связь договорная, устанавливаемая принятіемъ одной общей программы. Для установленія подобной связи достаточно для всякаго, желающаго вступить въ партію, приложить руку къ партійной программѣ и произнести сакрементальное — „вѣрую".

Такія партіи имѣли смыслъ и право на существованіе тогда, когда классы еще не успѣли дифференцироваться, когда въ пролетаріатѣ отсутствовало сознаніе необходимости вполнѣ независимой отъ другихъ классовъ своей собственной классовой организаціи. Теперь это сознаніе успѣло укрѣпиться въ значительной части пролетаріата. Теперь онъ *класса* не только *для другихъ*, но также классъ *для себя*. Этой опредѣленной стадіи развитія классоваго самосознанія пролетаріата соотвѣтствуетъ новый организаціонный лозунгъ, который даетъ ему возможность порвать со всѣми старыми буржуазными традиціями и окончательно высвободиться изъ удушливой сѣти демократизма.

∴

Итакъ, политико-демократическому лозунгу—организоваться въ партіи, современное рабочее движеніе, становящееся все болѣе и болѣе проявленіемъ дѣйствительнаго классового самосознанія, противопоставляетъ другой лозунгъ — организоваться въ классъ. Все современное революціонное синдикалистское движеніе является блестящимъ оправданіемъ и обоснованіемъ этого лозунга. Дѣйствительно, современный революціонный синдикализмъ стремится собрать подъ своимъ знаменемъ всѣхъ рабочихъ, безъ различія философскаго, политическаго и религіознаго вѣрованія. Иначе говоря, онъ приступаетъ къ организаціи всего пролетарскаго класса. Конфедерація Труда тѣмъ и отличается отъ всѣхъ прочихъ политическихъ организацій, въ томъ и заключается ея настоящая классовая сущность, что въ ней люди группируются не на почвѣ временныхъ, общихъ, измѣнчивыхъ, и неопредѣленныхъ программъ, а на почвѣ общности соціальнаго положенія, на почвѣ общности соціальной зависимости; иначе говоря, на почвѣ интересовъ класса, въ высшей степени опредѣленныхъ по своему существу. У всѣхъ эксплуатируемыхъ, у всѣхъ жертвъ современнаго полицейскаго капиталистическаго режима, однимъ словомъ, у всего рабочаго класса—одна цѣль: освободиться изъ подъ капиталистическаго гнета; устранить ту зависимость, въ которой онъ находится отъ класса капиталистовъ. Дѣйствительно, то, что характеризуетъ современныхъ рабовъ, то, что дѣлаетъ изъ нихъ опредѣленную соціальную категорію—классъ, это не то, примыкаютъ они или нѣтъ къ извѣстной минимальной программѣ, входятъ они или не входятъ въ ту или иную партію, а ихъ рабская зависимость отъ капиталистовъ; и намъ думается, что, когда рѣчь идетъ объ объединеніи усилій пролетаріата, объ организаціи, и о лучшей формѣ организаціи, мы никогда не должны терять изъ виду это обстоятельство, и на этой реальной классовой основѣ должны построить организацію пролетаріата. Вся организаціонная, пропагандистская, разрушительная и созидательная дѣятельность пролетаріата должна быть оцѣниваема, именно, съ точки зрѣнія этой зависимости. И тогда всякое дробленіе пролетаріата на партіи естественно явится безсмысленнымъ, ибо онъ, какъ классъ, естественно представляетъ партію пролетаріата, *партію труда*, границы которой граничатъ съ границами самаго класса.

Классъ, сказали мы, есть группировка на почвѣ интересовъ, интересовъ экономическихъ, нравственныхъ, умственныхъ. Онъ формируется исторической эволюціей, въ него включаются, какъ въ желѣзныя рамки, люди даннаго соціальнаго положенія, люди данныхъ опредѣленныхъ интересовъ. Изъ этихъ рамокъ можно выйти, только разбивъ ихъ. Слѣдовательно, повторяемъ еще разъ,—для класса нѣтъ никакой необходимости устанавливать для себя искусственныя границы въ видѣ разныхъ, большей частью безсмысленныхъ, потому что искусственныхъ, программъ-минимумъ. У него есть своя естественная граница,—соціальная зависимость, о которой мы говорили, и которая достаточно хорошо опредѣляетъ и его, какъ группу, и общественную дѣятельность этой группы. Все, что находится по ту сторону этой границы, это буржуазный міръ; по эту сторону—міръ угнетенныхъ, міръ порабощенныхъ.

Связь интереса, существующая между рабочими, настолько крѣпка, что ее не могутъ порвать никакія теоретическія, ни религіозныя разногласія. Примѣръ этого мы видимъ очень часто въ Германіи, гдѣ рабочіе, организованные въ католическіе профессіональные союзы, не отстаютъ въ борьбѣ на почвѣ общихъ интересовъ отъ своихъ собратьевъ, организованныхъ въ соціальдемократическую партію. Во время обостренной борьбы на почвѣ интересовъ связь религіозная со своими хозяевами совершенно забывается, такъ же какъ политическія разногласія, раздѣляющія ихъ отъ рабочихъ, организованныхъ въ „централистическіе" (соціальдемократическіе) союзы. То, что выступаетъ прежде всего и сильнѣе всего, это интересъ, *общій* всѣмъ имъ, онъ и объединяетъ ихъ въ борьбѣ. И это не только въ Германіи, но и повсюду; по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ у рабочихъ есть какая-нибудь революціонная подготовка, какая-нибудь революціонная традиція; эти теоретическія разногласія стушовываются, уходятъ на задній планъ каждый разъ, когда требуется выступить противъ общаго врага, требуется защищать общіе всѣмъ имъ и всѣми ими понятные интересы. Вся дѣятельность Конфедераціи Труда прекрасно иллюстрируетъ это положеніе.

На самомъ дѣлѣ, чѣмъ если не строго классовой формой и сущностью этой организаціи можно объяснить полное единство ея дѣйствій при полномъ отсутствіи партійной догмы и партійнаго катехизиса. Дѣло въ томъ, что для рабочихъ организацій классовая борьба не есть только формула, какъ, напр., для соціальдемократическихъ партій, а настоящее живое дѣло. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что рабочія организаціи при широкой практикѣ автономіи и федерализма, при отсутствіи партійной догмы и катехизиса, не подчиняясь никакимъ предписаніямъ *Книги Бытія*, осуществили столь долго искомое единство, тогда какъ соціальдемократическія партіи до сихъ поръ ищутъ его; и чѣмъ дальше, тѣмъ очевиднѣе становится, что они этого единства, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, никогда не найдутъ, или найдутъ въ формѣ „капорализма", или военной дисциплины.

Мы прекрасно знаемъ, что такіе взгляды анархистовъ и синдикалистовъ на рабочую организацію многимъ кажутся непріемлемыми; многіе не могутъ допустить изъ страха „конфузіонизма", чтобы всѣ рабочіе безъ различія мнѣній входили въ одну и ту же организацію. Мы же, напротивъ, думаемъ, что въ *рабочія* организаціи нужно безусловно допускать всѣхъ *рабочихъ*, и это все-таки не будетъ „конфузіонизмомъ". Во-первыхъ потому, что въ эти рабочія организаціи поступаютъ рабочіе,—только такіе рабочіе,—которые признаютъ и сознаютъ необходимость рабочей борьбы, у которыхъ есть вѣра въ рабочее дѣло; во-вторыхъ, если *рабочій классъ* не только пустое слово, а въ дѣйствительности существуетъ, если онъ, дѣйствительно, можетъ быть только самъ агентомъ своего освобожденія, то внесеніе въ него того, чего не достаетъ ему, и что мѣшаетъ ему выступать въ качествѣ единаго класса—самосознанія, и чрезъ это превращеніе его въ могучую организацію, способную сдѣлаться могучимъ же факторомъ общественныхъ переворотовъ, не можетъ быть названо „конфузіонизмомъ". Или нужно признать это, или отказаться отъ самаго слова классъ, ибо оно тогда теряетъ всякій смыслъ. Намъ же придется

*) См. книжку Мильо: Германская-соціальдемократическая партія, а также Д. Ньювенгейсъ: Соціализмъ въ опасности.

предположить, что соціально-демократическія партіи, которыя въ пропагандѣ, и устной, и письменной, такъ напираютъ на слово классъ и мечутъ громъ и молніи противъ синдикалистскаго и анархическаго „конфузіонизма", въ сущности не вѣрятъ въ его дѣйствительное существованіе и въ его самодѣятельную способность, а употребляютъ выраженія: классъ, классовая борьба лишь въ качествѣ эффектныхъ фейерверковъ.

Но, могутъ намъ сказать, не станете же вы отрицать, что рабочіе представляютъ собою лишь *элементы класса,* что они не являются однородной массой и что у нихъ есть предразсудки: одни вѣрятъ въ Бога, другіе въ государство и парламентъ, и что поэтому нельзя валить ихъ всѣхъ въ одну кучу. Мы прекрасно это знаемъ; знаемъ, что эти предразсудки, главнымъ образомъ и мѣшаютъ рабочимъ внести въ стихійно происходящую классовую борьбу сознательность, мѣшаетъ имъ изъ *класса для другихъ* сдѣлаться классомъ для себя, дополнить объективный фактъ классовой борьбы необходимымъ субъективнымъ элементомъ. Но мы прекрасно знаемъ также и то, что *только изъ классовыхъ элементовъ создается классъ и классовая организація.* Когда рѣчь заходитъ о предразсудкахъ, устраненіе которых является самой главной цѣлью пропаганды, никогда не надо забывать, что предразсудки народныхъ массъ и рабочаго класса существенно отличаются отъ предразсудковъ господствующаго класса. Предразсудки господствующихъ классовъ имѣютъ своей основой ихъ же классовой интересъ, и поэтому противъ этихъ предразсудковъ малосильны и наука, и знанія. Предразсудки же рабочей массы не только не основаны на его классовыхъ интересахъ, но даже, наоборотъ, противорѣчатъ ея интересамъ; они искусственно привиты ей; „благодаря невѣжеству рабочихъ, корыстолюбивая и въ высшей степени развращающая пропаганда священниковъ, правительствъ и всѣхъ буржуазныхъ политическихъ партій, не исключая и наиболѣе красныхъ, распространила множество ложныхъ взглядовъ среди рабочихъ массъ; и эти ослѣпленныя массы, къ несчастью еще слишкомъ часто увлекаются всякими измышленіями, имѣющими цѣлью заставить ихъ добровольно и глупо, въ ущербъ своимъ интересамъ, служить интересамъ привилегированныхъ классовъ..." *)

„Нужно отличать предразсудки народныхъ массъ отъ предразсудковъ привилегированнаго класса. Предразсудки массъ, какъ мы только что это показали, основаны на ихъ невѣжествѣ и они совершенно противоположны ихъ интересамъ, тогда какъ предразсудки буржуазіи основаны именно на интересахъ этого класса и только благодаря коллективному эгоизму буржуазіи, могутъ устоять противъ разлагающаго вліянія самой буржуазной науки.

Народъ хочетъ, но не знаетъ; буржуазія знаетъ, но не хочетъ". *)

Итакъ, разъ предразсудки рабочей массы не имѣютъ корня въ ея классовыхъ интересахъ, разъ они только навѣяны, искусственно привиты господствующими и эксплуатирующими классами, намъ нечего особенно бояться ихъ: ихъ разсѣетъ малѣйшій свѣтъ просвѣщенія, ихъ потеряетъ рабочій въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ революціонныхъ организаціяхъ и братскаго общенія со своими болѣе передовыми, болѣе сознательными товарищами. И вотъ почему, при вступленіи въ рабочія организаціи отъ рабочаго не требуютъ отчета въ его политическихъ и философскихъ мнѣніяхъ, его не спрашиваютъ атеистъ онъ или религіозенъ, соціальдемократъ онъ или анархистъ; его спрашиваютъ только, рабочій ли онъ. Только этотъ послѣдній титулъ даетъ ему право войти въ рабочую организацію, въ которой банкирамъ, капиталистамъ и рабовладѣльцамъ нѣтъ мѣста, — рабочая организація не соціально-демократическая амальгама. Не важно, что рабочій не ясно представляетъ себѣ нѣкоторыя вещи, не важно, что мысль его по временамъ хромаетъ, не важно, что онъ еще вѣритъ въ доброту правителей и работодателей, не важно, что онъ считаетъ государство провидѣніемъ, защищающимъ слабыхъ противъ сильныхъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ, не важна его любовь къ „миру и спокойствію",—важно, чтобы онъ вошелъ въ рабочую организацію, чтобы онъ захотѣлъ совмѣстную жизнь, совмѣстную борьбу со своими товарищами; важно, чтобы онъ подумалъ о своемъ положеніи, чтобы онъ началъ анализировать условія своей жизни, причину своего угнетеннаго состоянія; а разъ онъ начнетъ это дѣлать, онъ очень скоро освободится отъ привитыхъ ему предразсудковъ, и, подгоняемый какъ бы фатальной силой, онъ усомнится въ справедливости и разумности всего современнаго строя, который ставитъ его, создателя всѣхъ общественныхъ богатствъ, въ положеніе безправнаго парія. Онъ станетъ соціалистомъ, потому что это есть его фатумъ, ему отъ него некуда уйти.

„Дѣйствительно, говоритъ Бакунинъ, разъ рабочій, начиная вѣрить въ возможность радикальнаго переустройства экономическаго строя, совмѣстно съ своими товарищами принимается горячо бороться за уменьшеніе рабочаго времени и увеличеніе заработной платы, когда онъ начинаетъ сильно заинтересовываться этой чисто матеріальной борьбой, можно съ увѣренностью сказать, что въ скоромъ времени этотъ рабочій покинетъ всѣ свои небесныя мечтанія и, что, привыкая все болѣе и болѣе разсчитывать на коллективныя силы рабочихъ, онъ долженъ будетъ отказаться отъ помощи неба. Мѣсто религіи въ его умѣ займетъ соціализмъ. Такъ же будетъ и съ его реакціонными политическими взглядами. Они утратятъ свою главную опору, по мѣрѣ того, какъ сознаніе рабочаго станетъ освобождаться отъ религіознаго давленія. Съ другой стороны, экономическая борьба, развиваясь и расширяясь все болѣе и болѣе, заставитъ его узнать на практикѣ и посредствомъ коллективнаго опыта, всегда являющагося поучительнѣе и шире всякаго отдѣльнаго опыта, своихъ настоящихъ враговъ — привилегированные классы, включая сюда духовенство, буржуазію, дворянство и государство. Это послѣднее существуетъ только для того, чтобы блюсти привилегіи всѣхъ этихъ классовъ и всегда неизбѣжно становится на ихъ сторону противъ пролетаріата." *)

Слѣдовательно, лозунгъ — организація въ классъ, не только не заслуживаетъ тѣхъ упрековъ, которые дѣлаются ему людьми, застывшими въ партійной рутинѣ, а, наоборотъ, представляется намъ единственнымъ организаціоннымъ лозунгомъ, пріемлемымъ рабочимъ революціоннымъ движеніемъ, дѣйствительно достойнымъ этого названія.

Великая реформа, осуществленная рабочимъ замѣной новымъ и живымъ лозунгомъ—организація въ классъ, стараго лозунга — организація въ партію, является показателемъ, что рабочіе, дѣйствительно, сами взялись за свое дѣло, что въ свою очередь является залогомъ тѣхъ великихъ переворотовъ, которые предпринимаются и осуществляются великими и глубокими народными революціями.

К. Оргеіани.

АНАРХИСТЫ И ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ. *)

I.

Очень часто нас упрекаютъ именемъ анархистовъ. — „Съ вашими идеями — говорятъ намъ — можно еще мириться; и ихъ даже люблю! Но это ужасное имя! И какъ хотите вы стать сильной партіей, оставляя имя, означающее только безпорядокъ, разрушеніе, хаосъ?"

Мы указывали уже разъ (въ „Рѣчахъ бунтовщика") на причины, по которымъ мы предпочитаемъ „безпорядокъ" — „порядку", царствовавшему въ Варшавѣ или возстановленному позже въ Парижѣ избіеніемъ тридцати тысячъ пролетаріевъ и о побѣдѣ котораго насъ торжественно оповѣщаютъ каждый разъ, какъ только удается какое либо начало революціи потопить въ рабочей крови. Такого *порядка,* являющагося только вѣчнымъ гнетомъ, мы не желаемъ. Мы въ тысячу разъ больше предпочитаемъ *безпорядокъ,* учиненный анабаптистами въ 16 вѣкѣ, революціонерами въ 1793 году, Гарибальди, коммунарами въ 1871 и многими другими, которымъ буржуазія дала—лестную въ нашихъ глазахъ кличку „зачинщиковъ безпорядка".

Говорили мы также и о томъ, что слово „анархія" — помимо своего точнаго смысла отрицанія власти—имѣетъ за собой очень славное прошлое. Оно беретъ свое начало еще въ Великой Революціи, когда имя анархистовъ давалось всѣмъ истиннымъ революціонерамъ, стремившимся къ коренному перевороту нежелательныхъ учрежденій.

Что же касается всѣхъ этихъ именъ — „безгосударственники, антигосударственники" и т. д., которыми прикрывались съ цѣлью уменьшенія полицейскихъ преслѣдованій, — то они всѣ грѣшатъ однимъ недостаткомъ. Они совсѣмъ не характеризуютъ насъ какъ революціонеровъ, — людей, пользующихся *революціонными средствами* для выполненія *коренныхъ измѣненій, революціонныхъ по своему существу.*

***

Одинъ очень извѣстный памфлетъ, сильно нашумѣвшій въ свое время, обращенный депутатомъ Бриссо „къ его довѣрителямъ" — въ высшей степени поучителенъ въ этомъ отношеніи. Бриссо перечисляетъ всѣ преступныя дѣянія „Анархистовъ" Ве-

---

*) Бакунинъ. „Политика Интернаціонала.

*) Idem.

*) Idem.

*) Съ этого номера мы начинаемъ печатаніе ряда историческихъ статей П. А. Кропоткина, помѣщенныхъ въ „Temps Nouveaux" на 1903 г. Ред.

ликой Революціи; но каждое изъ этихъ преступленій дѣлаетъ намъ, въ нашихъ глазахъ, только честь и служитъ хорошимъ урокомъ намъ на будущее время.

Правда, среди тѣхъ, которыхъ Бриссо называетъ анархистами, находились различные элементы: гебертисты, „бѣшеные", Кордельеры, партія Марата и передовые якобинцы. Но у всѣхъ была одна общая черта. Буржуазная республика ихъ не удовлетворяла. Они требовали того, что тогда называли „аграрнымъ закономъ", то есть возврата земли коммунамъ, у которыхъ ее забрали при старомъ режимѣ. Они проповѣдывали также „уравненіе богатствъ", — что мы теперь называемъ „экономическимъ равенствомъ". Только представительное правительство Конвента они признавали способнымъ продолжать Революцію.

Они знали, что Конвентъ ничего не сдѣлаетъ, если народъ силой его не заставитъ, и поэтому они его крѣпко держали въ рукахъ. Но и помимо Конвента они сами организовывали народное возстаніе. Парижъ былъ объявленъ верховной Коммуной, и всѣ старанія прилагались къ созданію національнаго единства, но не при помощи центральнаго правительства, а при посредствѣ прямыхъ сношеній, установленныхъ между общиной и частями Парижа съ остальными 44.000 коммунами Франціи.

Вотъ почему мы гордимся, имѣя предшественниками своими людей такого политическаго ума!

Выслушаемъ теперь Бриссо.*)

* * *

„Съ самаго начала существованія Конвента я заявилъ" — такъ начинается памфлетъ Бриссо — „что во Франціи имѣется партія дезорганизаторовъ, стремившаяся къ роспуску республики съ самого ея зарожденія". „И — продолжаетъ онъ — теперь я доказалъ: 1) что отъ этой партіи анархистовъ зависѣли и зависятъ почти всѣ рѣшенія Конвента и дѣйствія Исполнительнаго Совѣта; 2) что эта партія была и есть единственная причина всѣхъ бѣдствій, какъ внутреннихъ такъ и внѣшнихъ, постигшихъ Францію; 3) что республику можно спасти при одномъ условіи: пустить въ ходъ самыя строгія мѣры и вырвать представителей націи изъ рукъ этой банды."

Для знакомыхъ съ характеромъ этой эпохи подобный языкъ весьма ясенъ. Бриссо по-просту требовалъ гильотины для тѣхъ, которыхъ онъ называлъ анархистами и цѣлью которыхъ было продолжать революцію, довести ее до полнаго уничтоженія феодальнаго строя и, они мѣшали этимъ самымъ буржуазіи—именно жирондистамъ — разыгрывать буржуазную комедію въ Конвентѣ.

„Намъ, слѣдовательно — говоритъ жирондистскій министръ — нужно хорошо изучить эту „Анархію", и вотъ ея опредѣленіе, которое онъ даетъ: — „Законы неисполняющіеся, начальство обезсиленное и раздавленное, безнаказанность преступленія, *нападеніе на собственность*, нарушеніе личной безопасности, испорченность народной нравственности; ни конституціи, ни правительства, ни справедливости—таковы черты Анархіи!"

Но вѣдь это очень хорошо! очень хорошо! какъ разъ то, что нужно: „Начальство обезсиленное и раздавленное"! Но вѣдь именно такъ и совершаются революціи. Какъ будто и самъ Бриссо не дѣйствовалъ именно такъ до достиженія имъ власти. Въ теченіе трехъ лѣтъ, отъ мая 1789 г. до 10 августа 1792, г. хорошенько нужно было унизить власть короля и, превративши ее въ „обезсиленную власть", окончательно сбросить ее наконецъ 10-го августа...

Но только Бриссо хотѣлъ, чтобъ Революція, достигши извѣстнаго пункта, въ тотъ же день остановилась. Съ момента уничтоженія королевства и объявленія верховности Конвента — „всякіе бунты—заявляетъ Бриссо—должны были прекратиться."

Замѣтимъ, кстати, что то же самое потребуютъ отъ насъ — анархистовъ — жирондисты будущей революціи, что мы, потомки анархистовъ, описанныхъ Бриссо, постараемся, конечно, не выполнить.

„Нападеніе на собственность"! Но вѣдь это именно и нужно было сдѣлать, чтобы довести къ хорошему концу революцію, начатую въ 1789 г. и задержанную къ началу 1790 года Національнымъ Собраніемъ...Постараемся это пояснить.

* * *

Какъ только королевство было ниспровергнуто—„уничтожено" будетъ слишкомъ сильно сказано, такъ какъ этого не сдѣлали еще и по сей день—и объявлена буржуазная Республика, то буржуа рѣшили, что Революція достигла своей цѣли, и потому всякое революціонное движеніе должно прекратиться; все должно принять спокойный видъ. „Я думалъ — говоритъ намъ тотъ же Бриссо — что одинъ только *порядокъ* въ состояніи обезпечить спокойствіе; что порядокъ заключается въ религіозномъ почтеніи къ законамъ, къ судьямъ, собственности, личной безопасности"

Къ счастью — еще одинъ урокъ на будущее — анархисты не такъ думали. Крестьянинъ ничего положительнаго отъ Революціи не имѣлъ. Феодальное право со всѣми его обязательствами, — столь же многочисленными сколь и обременительными—*осталось*. Все что крестьяне, путемъ бунтовъ и возстаній, получили отъ Національнаго Собранія это постановленіе отъ августа 1789 г., *допускающее выкупъ* феодальныхъ земель, цѣна которыхъ между прочимъ не была даже опредѣлена, а самъ выкупъ не считался обязателенъ. Система взиманія съ десятины осталась.

Что касается земель, забранныхъ вельможами, монастырями, церковью въ теченіе 17 и 18 вѣковъ у крестьянскихъ коммунъ, то ничего не было сдѣлано для легализаціи этихъ земель, отобранныхъ насильственнымъ путемъ крестьянами, а еще меньше было сдѣлано въ пользу тѣхъ крестьянъ, которые этого захвата не совершили.

Даже хуже того. Въ іюнѣ 1790 г. былъ принятъ законъ, — о которомъ историки и поклонники порядка стараются не говорить, —по которому неуплата податей или другихъ феодальныхъ обязательствъстрого наказуемо, а всякая пропаганда противъ уплаты податей повлечетъ за собой смертную казнь для виновниковъ. И когда Бриссо говоритъ о почитаніи законовъ и суда, то нетрудно понять, что правосудіе Бриссо это смерть всѣмъ тѣмъ, кто осмѣлится говорить объ отбираніи украденныхъ вельможами и монастырями земель. Самъ Бриссо въ этомъ сознается, когда говоритъ о Моморо, „котораго спасло отъ висѣлицы вмѣшательство Бюзо", Моморо, получившаго смертную казнь „*за проповѣдь аграрнаго закона*". И Бриссо глубоко сожалѣетъ, что этой казни не было.

Ненависть буржуа, достигшихъ власти къ соціалистамъ этой эпохи, проповѣдывавшимъ, что земля принадлежитъ крестьянамъ — и къ анархистамъ, толкавшимъ крестьянъ къ захвату, могла быть утолена только дѣятельностью гильотины.

Вотъ почему Бриссо намъ говоритъ, что „настоящіе враги народа и республики это анархисты — пропагандисты аграрнаго закона, „зачинщики бунтовъ", „дѣлатели революцій". Вотъ почему онъ требовалъ ихъ уничтоженія.

Мы же можемъ только гордиться подобными предшественниками.

П. Кропоткинъ.

*) Вотъ точное заглавіе памфлета, надѣлавшаго большую сенсацію и сдѣлавшагося лозунгомъ всѣхъ контръ-революціонеровъ, напечатаннаго съ этой цѣлью на французскомъ языкѣ въ Англіи и переведеннаго на всѣ языки: **І. П. Бриссо, депутатъ изъ Д'Эръ и Луаръ, къ своимъ довѣрителямъ. О положеніи національнаго Конвента, о вліяніи Анархистовъ и вредѣ ими нанесенномъ, и о необходимости уничтоженія ихъ вліянія, дабы спасти республику.** Этотъ памфлетъ, вѣрнѣе книжка (содержитъ 224 стр.) помѣченъ 23 мая 1793.

"БАНКРОТСТВО ТЕРРОРА" и ДѢЛО АЗЕВА.

Провокація—явленіе довольно обычное въ революціонныхъ движеніяхъ. Она, какъ говоритъ В. Дальній въ статьѣ „Терроръ и дѣло Азева", „всегда вилась кругомъ революціонныхъ организацій, какъ паразитныя растенія кругомъ пальмъ и не разъ она глушила тотъ или иной живой ростокъ". На протяженіи всей исторіи, во многихъ тайныхъ обществахъ итальянскаго карбонаризма, заговорщиковъ бланкистовъ, декабристовъ, „Народной Воли", наконецъ въ наши дни, въ средѣ интернаціональнаго анархизма, у македонскихъ революціонеровъ и въ русскихъ политическихъ партіяхъ, начиная съ „максималистовъ" и кончая самыми мирными соціалъ-демократами,—всегда констатировались случаи провокаціи. Можно считать аксіомой, что провокаторы были, есть и будутъ существовать въ движеніи, какъ неизбѣжное зло, до тѣхъ поръ, пока оно будетъ тайнымъ и революціоннымъ, и чтобы избавиться отъ нея нужно совсѣмъ утерять свою магнетическую силу, т. е. отказаться отъ конспиративной работы, выйти разъ навсегда изъ подполья, отречься отъ революціонныхъ методовъ борьбы и мало-по-малу превратиться въ чистыхъ культурниковъ или толстовскихъ „непротивленцевъ". Это одинъ выходъ. Другой выходъ: оставаясь

революціонерами, создать такія условія работы, при которыхъ провокація свелась бы къ минимуму, т. е. была бы по возможности обезврежена, и лишилась бы возможности производить въ нашихъ рядахъ наиболѣе сильное и глубокое опустошеніе. Это трудная задача; но, хотя бы отчасти, она можетъ быть реализуема, при наличности двухъ условій: отсутствіи централистическаго бюрократизма и наличности рѣшимости съ нашей стороны, всегда и при всякихъ условіяхъ, прибѣгать къ „изъятію изъ обращенія" провокаторовъ, затесавшихся въ движеніе.

Объ этомъ мы и поговоримъ впослѣдствіи. Хотя провокація дѣло обычное, но какъ бы то ни было, а фактъ существованія таковой въ самомъ центрѣ „Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ" и притомъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ, произвелъ на всѣхъ ошеломляющее впечатлѣніе и вызвалъ самые разнообразные толки.

Вся интернаціональная рабочая и соціалистическая пресса много мѣста удѣлила этому печальному явленію. Разоблаченіе дѣла Азева, совершившееся благодаря энергичной инициативѣ редактора „Народовольца" и „Былого" В. Л. Бурцева, открыло поразительные и потрясающіе по своему трагизму факты.

Азевъ—крупный провокаторъ, подобные ему рѣдко встрѣчаются въ исторіи подпольныхъ движеній: Дегаевъ, добившій, подъ руководствомъ Судейкина, остатки когда-то грознаго Исполнительнаго Комитета „Народной Воли", въ сравненіи съ нимъ лишь жалкій пигмей. Азевъ возвелъ на эшафотъ не одинъ десятокъ террористовъ с.-р. и даже максималистовъ; онъ же систематически заточалъ людей въ крѣпости и ссылку, проваливалъ группы, транспорты, тайныя типографіи, ему же обязаны въ значительной степени своимъ печальнымъ кровавымъ исходомъ военныя возстанія въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ, а также цѣлый рядъ другихъ революціонныхъ предпріятій. Какъ объяснить это явленіе? Былъ ли Азевъ геніальнымъ мерзавцемъ, ловкимъ Іудой-Предателемъ, если онъ сумѣлъ такъ ловко, въ теченіе многихъ лѣтъ, разыгрывать роль виднаго революціоннаго дѣятеля, засѣдая на ряду съ прочими партійными „генералами" въ Центральномъ Комитетѣ, руководя террористическими предпріятіями „Боевой Организаціи", или же были и другія причины, способствовавшія столь блистательной дѣятельности этого авантюриста-провокатора? Мы думали, что въ наличности были оба условія. Что Азевъ не заурядный предатель, на это указываютъ многіе факты; недаромъ онъ ухитрялся такъ долго дурачить своимъ партійныхъ „товарищей", что многіе изъ нихъ ставили его на одинъ уровень съ самыми выдающимися дѣятелями политическаго терроризма: А. Желябовымъ и Г. Гершуни...

Но если вѣрить свидѣтельству оппозиціонной с.-р. газетѣ „Революціонная Мысль" (а мы не имѣемъ основанія ей не вѣрить), если считаться съ аналогичными заявленіями органа максималистовъ „Трудовая Республика", а также съ свидѣтельствомъ В. Л. Бурцева, то кромѣ самихъ особенностей личности предателя, его широкой и многолѣтней дѣятельности значительно благопріятствовала та среда и обстановка, въ которой онъ подвизался.

„Корень зла въ томъ типѣ организаціи, который создали и защищали с.-р., въ *томъ странномъ централизмѣ**), который сковалъ всю партію, охватилъ ее сверху до низу, отдавъ въ руки одного учрежденія", пишетъ „Трудовая Республика".

Органъ оппозиціи, „Революціонная Мысль", прямо обвиняетъ центръ партіи въ бюрократизмѣ, въ игнорированіи воли отдѣльныхъ районныхъ организацій и говритъ: „намъ, соціалистамъ-революціонерамъ данъ страшный урокъ. Мы тоже стремились создать большую централизованную партію, и многіе изъ насъ убѣждены, что таковая существовала, а нѣкоторые силятся доказать, что существуетъ даже и нынѣ. Но что же мы видимъ? Партія с.-р., какъ централизованный организмъ, *управлялась незначительной группой лицъ, безымянныхъ ея вождей*, а послѣдніе были въ рукахъ агента полиціи."

„Поскольку партія с.-р. была централизованной, постольку она была игрушкой въ рукахъ царской полиціи. Поскольку же соц.-рев. работали на периферіи, за свой рискъ и страхъ, какъ борцы-террористы, какъ пропагандисты, какъ агитаторы, во имя всѣхъ насъ объединяющихъ идеаловъ, *постольку* и *только постольку* работа партіи с.-р. была полезна революціи."

Провокація „*при централизаціи смертельна*, при автономности и децентрализаціи—она далеко не такъ опасна".

*) Курсивъ вездѣ нашъ. Н. Р.

„Изъ этого печальнаго урока мы должны сдѣлать только тотъ выводъ, *что нужны другія формы организаціи*".

Аналогичный же совѣтъ подаютъ и максималисты въ „Трудовой Республикѣ", говоря: „Если бы мы были защитниками организаціи рабочаго класса въ партію, то мы сказали бы: реорганизовать партію на началахъ новаго организаціоннаго принципа, на началахъ самаго широкаго федерализма и автономіи всѣхъ партійныхъ учрежденій".

Вотъ тѣ заключенія, къ которымъ приходятъ лѣвыя фракціи партіи с.-р., заключенія, которыя мы, поборники автономіи и федерализма, не можемъ не привѣтствовать. Мы тоже думаемъ, что провокаторъ Азевъ не былъ бы такъ страшенъ революціонному движенію, — если бы его не окружала благопріятная обстановка, если бы въ центральныхъ учрежденіяхъ партіи не сидѣли бы такіе ультра-якобинцы, насаждавшіе въ теченіе многихъ лѣтъ самый крайній централизмъ, разводившіе партійную бюрократію и создавшіе какой-то „культъ личностей", доходившій до того, что члены Ц. К., этого „святая святыхъ" партіи, превращались въ какихъ-то непогрѣшимыхъ папъ революціи, противъ которыхъ люди, работавшіе въ периферіи, не смѣли поднять свой голосъ или были безсильны что либо сдѣлать. Только этимъ можно объяснить то поразительное явленіе, что провокаторъ сидящій въ Ц. К., многократно разоблачаемый цѣлымъ рядомъ лицъ, въ томъ числѣ такимъ безкорыстнымъ человѣкомъ, какъ В. Л. Бурцевъ,—оставался неуязвимъ, на старомъ „боевомъ посту" и посылалъ снова и снова свои жертвы на эшафотъ, продолжая пользоваться „безусловнымъ довѣріемъ" „равныхъ" себѣ (т. е. Ц. К.), а слѣдовательно поневолѣ и лицъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ партійной лѣстницы. Критику с.-р. со стороны централизма и его спутника революціоннаго бюрократизма мы всегда вели, и если она начинается въ этомъ направленіи въ нѣдрахъ самой партіи, —то это громадный шагъ впередъ, и мы его можемъ только привѣтствовать. Не такъ еще давно, не намъ ли ставили поборники с.-р. централизма, слѣдуя по стопамъ с.-д., упреки, что наша „децентрализованная группировка" является вѣчнымъ очагомъ провокатуры?! Не указывали ли на тщательно подобранные изъ исторіи западнаго движенія примѣры, не спекулировали ли по поводу случая съ изданіемъ на средства полиціи, дававшіяся черезъ префекта Андріэ, анархической газеты „Соціальная Революція", гдѣ сотрудничала, не подозрѣвая ничего, такая идеальная анархистка, какъ Луиза Мишель?! И что же оказалось? Панацея отъ всѣхъ золъ,—централизація,—не только не застраховала ихъ отъ провокаціи, а наоборотъ, дала ей возможность разцвѣсть пышнымъ ядовитымъ цвѣткомъ и отравлять своимъ дыханіемъ молодую русскую революцію.

Зная, что лидеры партіи с.-р. большіе якобинцы и централисты, уступающіе въ этомъ отношеніи пальму первенства развѣ только россійскимъ большевикамъ,—мы, анархисты, задолго до дѣла Азева, до послѣднихъ выступленій оппозиціи и максимализма, аттаковали ихъ съ этой стороны и въ нашемъ журналѣ „Хлѣбъ и Воля"*) и на рабочихъ собраніяхъ доказывали, что „централизмъ — язва революціоннаго движенія, которая питаетъ бюрократію, пожираетъ живыя силы „автономныхъ", провинціальныхъ группъ, убивающихъ ихъ инициативу и самодѣятельность и вноситъ въ революціонное движеніе давно отжившіе, *государственные*, методы организаціоннаго строительства.

Въ то самое время, когда критика *слѣва* рекомендуетъ с.-р. пересмотръ организаціоннаго принципа, высказываясь за автономію и федерализмъ, за децентрализацію террора и прочихъ методовъ революціонной борьбы — критика *справа*, начиная съ кадетовъ и кончая соціальдемократами, открываетъ походъ, трубя на всѣхъ перекресткахъ о „банкротствѣ терроризма". Въ русской и интернаціональной прессѣ, цѣлая плеяда лицъ: Ж. Жоресъ, Шарль Дюма, Роза Люксембургъ, Л. Мартовъ, Л. Дейчъ и другіе такъ или иначе причастны къ этому походу.

Мы не станемъ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, останавливаться на выходкахъ противъ терроризма со стороны буржуазной прессы; мы приведемъ только бѣглую характеристику того, что высказали по этому поводу представители международной соціальдемократіи.

Въ журналѣ гедистовъ „Le Socialisme" Шарль Дюма поучаетъ насъ, что русскій терроризмъ потерпѣлъ колоссальное пораженіе,

*) Отсылаемъ интересующихся къ сборнику „Хлѣбъ и Воля", въ частности къ статьямъ: „Политическая борьба и анархизмъ", „Организація и вольное соглашеніе", Анархисты и соц.-рев." и др. Н. Р.

получилъ смертельный ударъ, причемъ эти заключенія авторъ статьи выводитъ изъ того факта, что „царское правительство было такъ мало „терроризовано“ „терроромъ“ революціонеровъ, *что само брало на себя въ немъ иниціативу*.“

Жоресъ, отдавая дань должнаго партіи с.-р., рекомендуетъ ей сдѣлать пересмотръ и переоцѣнку своей тактики, ибо новыя времена должны вызвать и новые методы воздѣйствія.

Левъ Дейчъ, въ своемъ письмѣ въ „l'Humanité“ глубокомысленно поучаетъ, что безъ народныхъ массъ революціи не устроишь и что террористическая борьба внушаетъ народу „инертность“, въ надеждѣ на освобожденіе при помощи героевъ, что весьма выгодно для царизма“.

Аналогичныя заявленія мы находимъ въ статьѣ Л. Мартова, въ послѣднемъ номерѣ „Соціальдемократа“, гдѣ онъ силится доказать, что провокація неизбѣжно порождается терроризмомъ, и что чуть ли не послѣдній вскормленъ первою.

Особенно же любопытны писанія Розы Люксембургъ въ „Vorwærts“ѣ, гдѣ она сваливая въ одну кучу всѣ революціонные способы борьбы, говоритъ: „Давно всѣмъ извѣстенъ фактъ, что именно террористическія организаціи обладаютъ особенно притягательною силою для провокаторовъ, точно также какъ въ Европѣ они привязываются не къ соціальдемократамъ, а къ анархистскимъ поклонникамъ насилія“. Отсюда своеобразный выводъ: нужно скорѣе отказаться отъ насильственныхъ средствъ борьбы, разныхъ экспропріацій и террористическихъ актовъ, „чтобы освободить, наконецъ, рабочее движеніе въ Россіи и Польшѣ отъ роковой язвы анархическаго „тоже соціализма“.

Мелодія всѣхъ этихъ пѣсенекъ одна и та же—„не нужно насилія, не нужно террора“. Мы давно отъ этого предостерегали, давно это говорили вамъ; а Л. Дейчъ ссылается еще на „Группу Освобожденія Труда“, которая четверть вѣка тому назадъ осудила будто бы терроризмъ; хотя это невѣрно, ибо изъ программы опубликованной этой группой, видно, наоборотъ, что она „при извѣстныхъ обстоятельствахъ“ признаетъ необходимость примѣненія террора. Въ старые годы, у соц.-дем., съ легкой руки Г. Плеханова, террориста à la Робеспьеръ, была привычка оговариваться: „мы тоже террористы“, привычка, которая окончательно атрофировалась только у нашихъ „меньшевиковъ“.

Чтобы быть окончательно послѣдовательными, имъ нужно стать на точку зрѣнія нѣмецкой соціальдемократіи, которая въ лицѣ Бебеля (см. рѣчь „Покушенія и соціальдемократія“) или напр. журнала „Vorwærts“ просто заявляетъ, *что всякое покушеніе всякое террористическое и даже коллективное бунтарское выступленіе — дѣло полицейской провокаціи*. Это-то убѣжденіе и позволило нѣмецкимъ псевдо-соціалистамъ утверждать, что „беневентскіе инсургенты“, въ числѣ которыхъ были: К. Кафьеро, Энрико Малатеста, Степнякъ-Кравчинскій—агенты-провокаторы; что покушенія Геделя и Нобилинга на императора тоже провокація, и что террористъ Августъ Рейнсдорфъ, пытавшійся взорвать въ Нидервальдѣ синклитъ германскихъ королей и кронпринцевъ и за это казненный, былъ никто иной, какъ русскій шпіонъ.

Разсуждая такъ, наши „меньшевики“ стали бы на рѣзко антиреволюціонную точку и разъ навсегда застраховали бы себя отъ всякихъ происковъ зловредной провокаціи, что и констатируетъ Р. Люксембургъ въ своемъ письмѣ по отношенію къ интернаціональной с.-д.

Доказывая пагубныя послѣдствія, къ которымъ приводитъ провокація въ тайныхъ террористическихъ группахъ — соціальдемократы въ то же время пытаются умалить вредъ и послѣдствія провокаціи въ массовомъ движеніи. Въ этихъ случаяхъ ссылаются на дѣятельность Зубатова, Шаевича и Комп., на выступленія провокаторовъ въ соціальдемократическихъ организаціяхъ. Мы повторяемъ свою основную мысль, что провокація не вредна и не страшна только тѣмъ организаціямъ, которыя перестали быть революціонными и отказались отъ всякихъ методовъ насильственной борьбы, будетъ ли это терроръ, или всеобщія стачки, вооруженныя возстанія.

Что же касается до разврата, вносимаго полицейскими агентами въ массовое рабочее движеніе, то достаточно указать на пинкертонизмъ, вербовку штрейкбрехеровъ, организацію желтыхъ синдикатовъ, провоцированіе поджоговъ и прочихъ выступленій, совершаемыхъ версальскими агентами въ кровавые дни Парижской коммуны, чтобы согласиться, что послѣдствія провокаціи всюду одни и тѣ же, прилагается ли она къ террористическимъ группамъ или даже къ широкому, революціонному движенію.

Повторяемъ, что если дѣло Азева и даетъ урокъ революціонерамъ, то далеко не въ томъ смыслѣ, какъ это было бы желательно соціальдемократіи. Не „банкротство террора“ знаменуетъ оно, не крахъ вообще насильственныхъ методовъ борьбы — а ненужность и вредъ внесенія бюрократизма въ революціонно-террористическую борьбу, когда терроръ подчиняется партійному контролю, подвергается дисциплинированію и ставится въ зависимость отъ той или иной организаціи. По этому поводу „Хлѣбъ и Воля“ писала: „Рѣшеніе о совершеніи какого нибудь террористическаго акта по нашему мнѣнію можетъ быть принято только людьми непосредственно участвующими въ его совершеніи, что не совмѣстимо съ существованіемъ партійнаго контроля: партія, въ лицѣ своего центральнаго органа, произноситъ приговоръ и выбираетъ людей для приведенія въ исполненіе этого приговора.

„Партійный терроръ всегда бываетъ централизованнымъ и это послѣдствіе лишаетъ его характера *борьбы народа противъ правителей* и превращаетъ въ поединокъ между двумя верховными властями.“

Если теперь „оппозиціонеры“ и „максималисты“ агитируютъ за децентрализованный терроръ, если первые утверждаютъ, что „цѣлый рядъ успѣшныхъ нападеній былъ дѣломъ организацій *автономныхъ*, работающихъ болѣе или менѣе самостоятельно“, а вторые на практикѣ доказали, что и при отсутствіи централизаціи имъ удавалось совершать и грандіозныя экспропріаціи (Взаимный кредитъ и Фонарный п.) и террористическій актъ на Аптекарскомъ островѣ, превзошедшій по своему дерзкому выполненію всѣ предпріятія „Боевой Организаціи“ — то мы не знаемъ, на чемъ основаны всѣ увѣренія с.-р. централистовъ, что безъ централизаціи не выполнимы крупные политическіе акты, что она еще необходима, какъ единственная гарантія подбора и моральнаго контроля лицъ, идущихъ на покушеніе.

Анархистъ Гаэтано Бреши, поражая коронованнаго палача Гумберта, залившаго улицы Милана кровью рабочихъ, дѣйствовалъ только по *личной иниціативѣ*; такъ же поступилъ убійца Кановаса, президента министровъ, введшаго инквизицію въ Испаніи— Анжіолило. Пусть кто либо попытается доказать, что эти акты ниже по своему агитаціонному значенію тѣхъ, которые совершали Перовская, Желябовъ, а потомъ Каляевъ и Балмашевъ, тоже по „личной иниціативѣ“, только прикрываясь ширмою „Исполнительнаго Комитета“ и „Боевой Организаціи“. Во избѣжаніе тѣхъ ужасныхъ явленій, къ которымъ привела с.-р. „азевщина“, той деморализаціи и распада, которые подаютъ поводъ разнымъ псевдо-революціонерамъ открывать походъ противъ *идеи терроризма*, есть только одно средство: отказаться разъ и навсегда отъ претензіи „руководить терроромъ“ и предоставить его исключительно иниціативѣ и самодѣятельности тѣхъ, которые сами подняли мечъ во имя своей возмущенной совѣсти, и сами идутъ разить представителей Власти и Капитала.

Еще одна отрицательная сторона въ партійномъ террорѣ, это то что онъ носитъ характеръ „революціоннаго представительства“.

Объ этомъ мы много и часто говорили; но мы совсѣмъ не понимаемъ, почему Л. Дейчъ такъ боится этого „представительства“... на чемъ онъ основываетъ свою мысль, что терроръ убиваетъ иниціативу и самодѣятельность рабочихъ и крестьянъ, создавая у нихъ иллюзію, что какіе-то легендарные герои сражаются за ихъ свободу. Странна эта боязнь у поборника представительства въ парламентѣ! Почему бы не провести аналогіи дальше и сказать, что если и опасна „революціонная-подмѣна“ борьбы массъ— то и парламентское „представительство“ депутатовъ за народъ и его интересы тоже развиваетъ у рабочихъ „инертность въ надеждѣ на освобожденіе при помощи героевъ (читай: депутатовъ), что весьма выгодно для царизма“ (и буржуазіи — добавимъ мы!).

Всѣ остальныя азбучныя поученія соціальдемократовъ на тему что „безъ массы революціи не устроишь“ мы отпарируемъ однимъ, тоже азбучнымъ напоминаніемъ, что и безъ единичныхъ и коллективныхъ актовъ, безъ частичныхъ бунтовъ, возстаній, стачекъ и прочихъ столкновеній съ властями — *тоже революціи не сдѣлаешь*, ибо нѣтъ такого примѣра въ исторіи.

Н. Р.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.*)

Манифестъ

Общаго конгресса Международной Ассоціаціи Рабочихъ, имѣвшаго мѣсто въ Брюсселѣ, отъ 7 до 13 сентября 1874 года.

I.

Товарищи!

Во всѣхъ странахъ, въ которыхъ происходитъ соціальная борьба между Капиталомъ и Трудомъ, буржуазія съ остервенѣніемъ преслѣдуетъ всякій шагъ рабочаго класса, въ особенности безжалостная ненависть тѣхъ, кого называютъ людьми порядка, направлена противъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ; правительства, вѣрные представители и защитники буржуазныхъ интересовъ, открыли противъ рабочихъ соціалистовъ систему преслѣдованій, достойную самыхъ варварскихъ временъ. Избіеніе парижскаго пролетаріата въ маѣ 1871 года; массовыя ссылки уцѣлѣвшихъ, были сигналомъ къ общей реакціи во всей Европѣ. Исключительные законы противъ рабочихъ ассоціацій и Интернаціонала, заточеніе въ тюрьмы наиболѣе дѣятельныхъ членовъ этой ассоціацій — главная задача всѣхъ крупныхъ государствъ. Въ Испаніи тайно убиваютъ рабочихъ—членовъ Интернаціонала.

Но эта дикая реакція не является самымъ опаснымъ врагомъ освобожденія рабочихъ. Развращеніе общественнаго мнѣнія, систематически преслѣдуемое буржуазной прессой всѣхъ странъ, — вотъ настоящій врагъ. Люди, живущіе эксплуатаціей рабочихъ классовъ, знали, что искажая факты, извращая принципы, высмѣивая или дѣлая ненавистнымъ соціализмъ, можно затормозить его пропаганду, его организацію. Всѣ продажные буржуазные писатели соперничаютъ между собой въ гнусностяхъ въ этой кампаніи. Органы ультрамонтанцевъ, консерваторовъ, либераловъ, радикаловъ, каждый разъ, какъ заходитъ рѣчь о соціальной революціи, перестаютъ грызться между собою, чтобы съ яростью наброситься на своего настоящаго, общаго всѣмъ имъ врага. Одни — откровенные реакціонеры; другіе притворно выражаютъ симпатію рабочему дѣлу, оплакивая то, что они называютъ ошибками соціализма, и борясь съ ними. Эти послѣдніе, безъ сомнѣнія, самые опасные. Ихъ лицемѣрныя политическія комбинаціи соблазняютъ доброе число рабочихъ, которые служатъ, такимъ образомъ, осуществленію честолюбивыхъ замысловъ своихъ враговъ.

Обращаясь съ этимъ манифестомъ къ рабочимъ ассоціаціямъ и къ рабочимъ всѣхъ странъ, въ которыхъ происходитъ борьба между трудомъ и капиталомъ, общій конгрессъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ торжественно подтверждаетъ жизненность рабочаго движенія, вопреки всѣмъ буржуазнымъ и правительственнымъ преслѣдованіямъ; онъ хочетъ доказать, что нѣтъ больше теперь одного общественнаго мнѣнія, но есть буржуазное мнѣніе, основанное на порабощеніи и эксплуатаціи меньшинствомъ народныхъ массъ, и мнѣніе рабочее, основанное на справедливости, истинѣ, нравственности.

Интернаціоналъ, чтобы стать организаціей, дѣйствительно обнимающей народные интересы, не могъ быть продуктомъ какой-нибудь предвзятой системы, онъ долженъ былъ развиваться сообразно съ опытами, уже совершенными, и новыми опытами.

Этотъ процессъ развитія вызвалъ въ средѣ нашей ассоціаціи борьбу, которая, конечно, была истолкована буржуазной прессой, какъ причина, которая вызоветъ паденіе Интернаціонала, и въ нѣкоторыхъ странахъ отдалили отъ нашего міроваго договора солидарности нѣкоторыя рабочія ассоціаціи.

Теперь, когда Интернаціоналъ положившій конецъ этой внутренней борьбѣ, подтвердилъ основной принципъ организаціи, на которомъ онъ зиждется, нашъ долгъ объяснить нашимъ товарищамъ рабочимъ, оставшимся внѣ нашихъ рядовъ, реальныя основы этой организаціи и цѣль, къ которой мы стремимся.

II.

Международная Ассоціація Рабочихъ была основана въ Лондонѣ, въ сентябрѣ 1874 года на митингѣ, происходившемъ въ Saint-Martin-Hall и на которомъ присутствовали представители рабочихъ классовъ наиболѣе промышленныхъ странъ Европы.

Первый общій конгрессъ Ассоціаціи былъ въ Женевѣ, въ сентябрѣ 1866 года; этотъ конгрессъ принялъ общіе статуты, предпосылки къ которымъ ясно опредѣляютъ все значеніе рабочаго движенія. Вотъ онѣ:

„Принимая во вниманіе:

„Что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ; что усилія рабочихъ для завоеванія своего освобожденія не должны направляться къ установленію новыхъ привилегій, но къ установленію для всѣхъ одинаковыхъ правъ и обязанностей;

„Что подчиненіе рабочаго капиталу есть источникъ всякаго порабощенія политическаго, нравственнаго и матеріальнаго;

„Что поэтому экономическое освобожденіе рабочихъ есть великая цѣль, которой должно быть подчинено всякое политическое движеніе;

„Что всѣ усилія, сдѣланныя до сихъ поръ, потерпѣли неудачу, благодаря отсутствію солидарности между рабочими различныхъ профессій въ каждой странѣ и братскаго союза между рабочими разныхъ странъ;

„Что освобожденіе рабочихъ не составляетъ чисто мѣстную или національную задачу, что, наоборотъ, задача эта коснется всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, такъ какъ ея рѣшеніе неизбѣжно подчинено ихъ теоретическому и практическому содѣйствію;

„Что движеніе, существующее среди рабочихъ наиболѣе промышленныхъ странъ Европы, порождаетъ новыя надежды, даетъ торжественное предупрежденіе, чтобы не впасть въ старыя ошибки, и совѣтуетъ объединить всѣ, еще пока изолированныя силы".

Главные статуты устанавливали генеральный совѣтъ Ассоціаціи, который долженъ былъ служить центромъ для сношеній и свѣдѣній, но который не имѣлъ никакого авторитарнаго характера; въ этихъ статутахъ говорилось въ то же время о полной автономіи или свободной организаціи всѣхъ секцій и федерацій секцій.

Основаніе Международной Ассоціаціи Рабочихъ настолько отвѣчало общимъ потребностямъ рабочаго класса, что съ самаго начала эта Ассоціація получила поразительное развитіе во всѣхъ промышленныхъ странахъ. Политическія партіи, видя зарождающуюся новую силу, заискивали передъ ней; правительства, далеко не казавшіяся ей враждебными, казалось, потворствовали ей. Есть люди, которыхъ исторія заклеймила потомъ, какъ провокаторовъ или участниковъ избіеній рабочихъ, имена которыхъ фигурировали среди первыхъ членовъ, примкнувшихъ къ Интернаціоналу. Но буржуазія всѣхъ оттѣнковъ, начиная съ Бисмарка, Бонапарта, Тьера и кончая Гамбеттой и членами Лиги мира и свободы, не замедлила признать въ Международной Ассоціаціи Рабочихъ непримиримаго врага буржуазнаго общества, имѣющаго, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, своихъ представителей, и начала свою реакціонную работу, которая приняла общеміровой характеръ, неизвѣстный до сихъ поръ въ исторіи.

Система современнаго капиталистическаго производства должна была неизбѣжно породить Интернаціоналъ. Присвоеніе производства; введеніе машинъ, раздѣленіе труда, все болѣе и болѣе увеличивающаяся концентрація капиталовъ, банковыя операціи и финансовыя спекуляціи, развитіе путей сообщенія,—все это экономическія силы, которыя способствовали полному водворенію буржуазіи и ея исключительному господству надъ общественными интересами.

Капиталъ, при помощи котораго буржуазія совершаетъ свои операціи, — ни французскій, ни нѣмецкій, ни англійскій, ни итальянскій, ни испанскій; онъ ни латинскій, ни германскій, ни славянскій; онъ продуктъ матеріаловъ и силъ, соединенныхъ съ человѣческимъ трудомъ, и при помощи человѣческаго труда прошлыхъ поколѣній и современныхъ народныхъ массъ. Если происхожденіе капитала международно, то и его дѣятельность вполнѣ согласуется съ его происхожденіемъ.

Когда дѣло идетъ объ учрежденіи финансовой компаніи для проведенія желѣзнодорожной линіи, открытія какого-нибудь промышленнаго предпріятія, основанія банка, иниціаторы очень мало занимаются *національнымъ качествомъ* акціонеровъ, *капиталистическое количество* играетъ главную роль. Патріотизмъ буржуазіи — только грубая шутка, для того, чтобы обманывать наивныхъ.

Это монополизированіе соціальнаго капитала въ рукахъ буржуазіи дѣлаетъ изъ рабочихъ товаръ, который покупается и продается по признанію самихъ буржуазн[illegible]истовъ, согласно

*) Подъ этимъ заголовкомъ наряду со статьями, посвященными отдѣльнымъ наиболѣе выдающимся эпизодамъ анархическаго движенія, будутъ помѣщаться документы по исторіи интернаціональнаго революціоннаго рабочаго движенія. Для мартовскаго номера мы выбрали манифестъ брюссельскаго конгресса М. А. Р., въ которомъ конгрессъ выразилъ между прочимъ и свое отношеніе къ парижской революціи 18 марта. Ред.

законамъ спроса и предложенія. Рабочіе располагаютъ свободой продавать или отдавать въ наемъ свой трудъ — на условіяхъ, какія налагаетъ на нихъ капиталъ, или умереть съ голоду. Естественно, что они хотѣли улучшить немного это положеніе. Единственно возможное для нихъ средство, это объединиться въ союзы или отказаться отъ работы, когда требованія капиталистовъ и хозяевъ слишкомъ чрезмѣрны. Такое положеніе, будучи почти одинаковымъ во всѣхъ промышленныхъ странахъ, породило всюду организаціи и стачки; такъ какъ капиталъ дѣйствовалъ международно, то и они должны были стать международными, если они хотѣли притти къ какимъ нибудь практическимъ результатамъ.

Такимъ образомъ родился Интернаціоналъ.

Вопросы, главнымъ образомъ занимавшіе Интернаціоналъ въ первый періодъ его существованія, были слѣдующіе: организація рабочихъ обществъ и стачекъ, увеличеніе заработной платы, уменьшеніе количества рабочаго времени, ограниченіе употребленія женскаго и дѣтскаго фабричнаго труда, вопросъ машинизма, вопросы, касающіеся коопераціи и кредита.

Общества сопротивленія размножались, основывались кооперативныя общества потребленія и производства, учрежденія взаимнаго кредита; увеличилась заработная плата въ ничтожной пропорціи, нѣкоторыя профессіи добились уменьшенія рабочаго дня; и всетаки общее положеніе рабочихъ классовъ оставалось по прежнему плачевнымъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ ремеслъ въ нѣкоторыхъ привилегированныхъ отрасляхъ промышленности. Улучшенія, полученныя наканунѣ, уничтожались на другой день, благодаря другимъ обстоятельствамъ, вытекавшимъ изъ системы производства и распредѣленія богатствъ, установленной и развиваемой буржуазіей. Что же, значитъ, вѣчно нужно будетъ вертѣться въ одномъ и томъ же заколдованномъ кругу? Эта мысль возникаетъ всюду, и со всѣхъ сторонъ ищутъ ея разрѣшенія.

Идея радикальной соціальной реформы стала тогда существенной заботой всѣхъ рабочихъ ассоціацій, изучавшихъ вопросъ и дѣйствовавшихъ. Буржуазія пользуется всей свободой и возможностью порабощать и эксплуатировать рабочихъ, потому что она является исключительнымъ собственникомъ орудій труда, капитала.

Вопросъ собственности является, такимъ образомъ, гордіевымъ узломъ соціальнаго вопроса; чтобы разрѣшить послѣдній, нужно разрѣшить первый. Конгрессы Интернаціонала, происходившіе въ Брюсселѣ (1868 г.), въ Базелѣ (1869 г.) одинъ за другимъ приступили къ этому вопросу и рѣшили его въ смыслѣ коллективной собственности. Для буржуазіи Интернаціоналъ сталъ съ этого времени великимъ страшилищемъ; воплощеніе энергичныхъ народныхъ требованій, онъ подвергался всевозможнымъ оскорбленіямъ, всевозможнымъ клеветамъ, всевозможнымъ преслѣдованіямъ. Начиная съ этого же момента, произошло раздѣленіе между соціализмомъ и болѣе или менѣе либеральными и радикальными оттѣнками буржуазіи. Но, какъ мы уже установили выше, капиталъ не составляетъ продукта индивидуальнаго труда, онъ не можетъ, слѣдовательно, быть ничьей законной индивидуальной собственностью. Нужна вся испорченность нравовъ, среди какой мы живемъ, чтобы публицисты и ораторы могли находить сочувствующую публику, когда они обвиняютъ соціалистовъ въ желаніи произвести раздѣлъ, грабежъ, кражу, когда доказано и архидоказано, что, благодаря только постоянной и обобщенной эксплуатаціи народныхъ массъ, буржуазіи удалось овладѣть несмѣтными богатствами, которыя составляютъ ея собственность.

Коллективная собственность была, стало быть, признана Международной Ассоціацiей Рабочихъ, какъ основа всякой серьезной соціальной реформы.

Весь Интернаціоналъ былъ занятъ вопросами, относящимися къ практическому осуществленію коллективизма; обсужденія принципіальныхъ вопросовъ побудили къ новой умственной жизни рабочія общества, соціалистическая пропаганда, предпринятая повсемѣстно, вызвала появленіе новыхъ секцій; стачки безъ перерыва слѣдовали одна за другой, и въ разныхъ странахъ нѣсколько попытокъ возстаній возвѣщали, что потокъ народной революціи поднимался все выше и выше.

Въ это время, какъ громовой ударъ, разразилась франко-нѣмецкая война.

III.

Новѣйшая исторія даетъ намъ только одну картину, подобную той, какую представляла Франція послѣ объявленія войны, это революціонный періодъ, слѣдовавшій за 1789 годомъ. Какъ и тогда, революціонная дѣятельность одна могла дать отпоръ вторженію нѣмцевъ и обезпечить странѣ преобразованіе; и подъ революціонной дѣятельностью мы подразумѣваемъ не повтореніе, невозможное, не историческое подражаніе событіямъ 1793 года, а новую дѣятельность, согласную съ требованіями существующаго положенія. Франція, находясь передъ лицомъ, съ одной стороны вторженія нѣмцевъ, а съ другой стороны разрѣшенія соціальной проблемы, могла найти свое спасеніе лишь въ народной революціи, которая дала бы удовлетвореніе интересамъ рабочихъ классовъ и противопоставила бы милитаризму живыя силы возставшаго народа. Революціонная Франція должна была стать непобѣдимой, и ея побѣда была бы сигналомъ къ освобожденію всего европейскаго пролетаріата.

Большинство городскихъ рабочихъ не поняло съ самаго начала истиннаго положенія вещей, и когда произошло неизбѣжное паденіе Имперіи, оно позволило укрѣпиться правительству, составленному изъ буржуазныхъ республиканцевъ, которое не только не возбуждало народной дѣятельности, но, наоборотъ, подавляло ее тамъ, гдѣ она пыталась проявиться. Эти люди, рутинные сторонники правительственныхъ и авторитарныхъ формъ, только продолжали имперію, подъ республиканской формой, входили въ союзы съ негодяями, погубившими Францію, и преслѣдовали организаторовъ народныхъ силъ, которые хотѣли придать защитѣ революціонный характеръ, который народъ долженъ былъ бы ей дать съ 4 сентября.

Эти безсильные риторы, которые, будучи депутатами оппозиціи, хотѣли продолжать традиціи французской революціи, разъ очутившись у власти, выказывали лишь презрѣніе, когда ихъ сравнивали съ этими смѣльчаками 1793 года, совершившими свою великую революцію и давшими отпоръ вторженію, опираясь на тѣхъ, кого буржуазный міръ называетъ народной чернью.

Событія оправдали соціалистовъ, которые въ своихъ газетахъ, въ своихъ брошюрахъ, на общественныхъ собраніяхъ, въ попыткахъ революціонныхъ возстаній на югѣ Франціи и въ Парижѣ, указывали единственный путь, который могъ спасти Францію.

Сдача Парижа довершила печальную работу правительства 4 сентября.

Эти событія только увеличили взаимное недовѣріе, антагонизмъ классовъ, и когда послѣ всѣхъ этихъ пораженій, которыя только что претерпѣла Франція, въ Бордо собралось новое французское національное собраніе, оно только сумѣло вызвать новый народный гнѣвъ, принять мѣры, настолько же оскорбительныя, насколько глупыя.

Существенной заботой правительства является подготовка coup d'état противъ Парижа, пушки, купленныя національной гвардіей на монмартрскомъ валу, служатъ предлогомъ для этого coup d'état.

Въ ночь съ 17 на 18 марта правительство расклеило прокламаціи, въ которыхъ объявляло, что оно хочетъ силою отнять пушки, похищенныя у государства, и призывало добрыхъ гражданъ отдѣлиться отъ дурныхъ и помочь государству возстановить порядокъ. Дѣйствительно, войско направилось къ Монмартру; участковая національная гвардія оказываетъ сопротивленіе, солдаты отказываются стрѣлять въ народъ, сдаютъ ему свое оружіе и братаются съ національными гвардейцами; по всему Парижу забили тревогу и въ нѣсколько часовъ правительственный coup d'état вызываетъ народную революцію.

Это народное движеніе имѣло новый характеръ, который отличалъ его отъ всѣхъ предшествовавшихъ революцій. Лозунгъ національныхъ гвардейцевъ, во имя котораго совершалась революція, это: *„Да здравствуетъ Коммуна!“*

Этотъ народный лозунгъ раскрываетъ намъ стремленія парижскаго пролетаріата. Централизованное государство, нынче республика, завтра королевство, послѣ завтра имперія, вѣчно угнетающее, подъ какой бы то ни было формой, народныя массы, вѣчно воюющее съ сосѣдними государствами, должно было исчезнуть; Парижъ хочетъ организовать свою собственную администрацію, какъ ему повелѣваютъ его собственные интересы; эту коммунальную администрацію онъ не хочетъ навязывать другимъ коммунамъ Франціи, онъ предоставляетъ имъ свободу организоваться, съ своей стороны, какъ онѣ хотятъ. Парижъ приглашаетъ затѣмъ коммуны, которыя захотятъ примкнуть къ федеральному договору, въ виду удовлетворенія и защиты ихъ общихъ интере- выработать основы и условія этого договора; таково политиче-

ское значеніе этого движенія. Парижскій народъ хочетъ также начать осуществленіе освобожденія рабочихъ. Въ Совѣтъ коммуны онъ выбираетъ большей частью рабочихъ, которые получаютъ миссію начать экономическія реформы въ пользу пролетаріата; Совѣтъ Коммуны, который распредѣлилъ различныя отрасли администраціи между различными комиссіями, учредилъ *комиссію труда*, на обязанности которой лежало изучить и подготовить приведеніе въ исполненіе проэктовъ, касательно удовлетворенія рабочихъ интересовъ. Манифестъ Коммуны ясно говоритъ это: „Что Парижъ въ концѣ концовъ хочетъ? Землю крестьянамъ, орудія рабочему, работу для всѣхъ“.

Въ то время, какъ Парижъ устраиваетъ мирно свою Коммуну, реорганизуетъ общественныя службы, версальское правительство обдумываетъ и подготовляетъ свою адскую разрушительную работу. Если французскій народъ, если европейское мнѣніе выскажется за Парижъ, онъ будетъ отправнымъ пунктомъ соціальной революціи, и царство буржуазіи будетъ закочено. Во что бы то ни стало, слѣдовательно, нужно подавить коммунистическое движеніе. Противъ парижскихъ рабочихъ правительство вновь находитъ свою прежнюю энергію, которую оно не сумѣло выказать противъ пруссаковъ. Всѣ средства хороши: клевета, распространенная тысячами голосовъ продажной прессы, которая старалась выставить храбрый парижскій народъ шайкой разбойниковъ и убійцъ; затѣмъ лживыя обѣщанія, данныя провинціи, союзничество прусскаго правительства, непрошенное и купленное постыдной цѣной, подкупъ, при помощи котораго искали въ Парижѣ измѣнниковъ и соучастниковъ. Наконецъ, и въ особенности, грубая сила, отданная въ услуженіе безжалостной репрессіи, — и освободительная идея была затоплена въ крови цѣлаго народа.

Мы не будемъ описывать этой двухмѣсячной битвы, которая кончилась избіеніемъ защитниковъ Коммуны. Эта ужасная страница нашей современной исторіи сдѣлала отнынѣ невозможнымъ всякое примиреніе буржуазіи съ народомъ; рѣка крови ихъ раздѣлиетъ теперь навсегда.

Если Парижская Коммуна возбудила противъ себя всю ненависть буржуазнаго міра, она вызвала также горячія симпатіи; пролетаріатъ всѣхъ странъ понялъ значеніе революціи 18 марта. Послѣ паденія Коммуны, въ то время, какъ вся буржуазная Европа апплодировала кровавымъ репрессіямъ, въ то время, какъ „Figaro“, давала тонъ буржуазной прессѣ, печатая эти каннибальскія строки: „Нужно убить волковъ, волчицъ и волчатъ“, и фальсификаторъ ЖюльФавръ выпустилъ свой знаменитый циркуляръ, уговаривающій иностранныя правительства обращаться съ бѣглыми коммунарами, какъ съ низкими преступниками, въ то время, какъ все Версальское Собраніе, монархисты-абсолютисты, конституціоналисты, имперіалисты, республиканцы, консерваторы, либералы и радикалы, единогласно, за исключеніемъ одного голоса, заклеймили Парижскую Коммуну, какъ всѣ правительства посылали поздравленія г. Тьеру — спасителю общества, — Интернаціоналъ во всѣхъ странахъ торжественно заявилъ свою солидарность съ актами Коммуны, и его секціи приняли бѣглецовъ, какъ братьевъ.

Въ эту эпоху нравственнаго паденія было честью для Интернаціонала, что онъ понялъ Революцію 18 марта и заявилъ себя съ ней солидарнымъ.

Соціалистическая идея отнынѣ получила практическое освѣщеніе и передъ лицомъ торжествующей буржуазной реакціи нашимъ лозунгомъ остается лозунгъ парижскихъ рабочихъ 1871 года: Да здравствуетъ Коммуна!

IV.

Группѣ людей удалось создать мало по малу въ Интернаціоналѣ партію, стремящуюся вполнѣ сообразовать организацію и дѣятельность ассоціаціи со своими личными взглядами. Эти люди, сторонники завоеванія политической власти рабочимъ классомъ, хотѣли преобразовать Ассоціацію въ огромную политическую партію, организованную іерархически и подъ ихъ собственнымъ управленіемъ; они имѣли въ своихъ рукахъ лондонскій Генеральный Совѣтъ, что имъ обезпечивало значительное вліяніе; кромѣ того, война и послѣдовававшія за ней событія мѣшали въ продолженіе двухъ лѣтъ сряду, въ 1870 и 1871 гг., собранію общаго конгресса, такъ что дебаты по важнымъ принципіальнымъ вопросамъ, происходившіе открыто на этихъ собраніяхъ и освѣдомлявшіе публику, были пріостановлены. Отсюда послѣдовало, что люди этой партіи, воспользовавшись этимъ благопріятнымъ для себя положеніемъ, могли установить на нѣкоторое время свое господство въ Ассоціаціи и подвергнуть изгнанію всякую тенденцію противорѣчащую ихъ тенденціи. Мы не будемъ писать исторію борьбы, вызванной ихъ дѣйствіями, борьбы, которая къ несчастію имѣла слишкомъ много отголосковъ; напомнимъ только, что когда они захотѣли установить окончательно свою диктатуру, имъ не удалось это, въ виду возмущенія всѣхъ федерацій Интернаціонала. Федераціи заявили, что онѣ хотятъ сохранить за собою право администрировать свои собственныя дѣла и что не желаютъ передавать никакой центральной власти заботу дѣйствовать и думать за нихъ. Общій конгрессъ, происходившій въ Женевѣ въ прошломъ году, торжественно подтвердилъ этотъ принципъ автономіи, требуемый всѣмъ Интернаціоналомъ, и вписалъ его въ общіе статуты. Такимъ образомъ свободная организація секцій и федерацій и право для нихъ самихъ, согласно особенностямъ своего положенія, опредѣлять линію политическаго поведенія, какой онѣ должны слѣдовать, стали совершившимся фактомъ въ Ассоціаціи.

Международная Ассоціація Рабочихъ взяла на себя миссію вести пропаганду соціалистичекихъ принциповъ въ цѣломъ мірѣ, и борьба, на которую мы только что намекали, служила, разумѣется, препятствіемъ этой пропагандѣ въ продолженіе нѣкотораго времени; но, разсматривая факты съ болѣе общей точки зрѣнія, независимо отъ всякихъ личныхъ соображеній, невозможно не признать, что кризисъ, черезъ который прошла наша Ассоціація, былъ спасителенъ для нея, выставивъ ясно принципъ автономіи и федераціи, единственный, который отнынѣ можетъ руководить организаціей рабочихъ.

Буржуазія, которая видѣла въ этомъ великомъ столкновеніи двухъ противоположныхъ принциповъ только мелкія личныя ссоры, и которая съ такой помпой возвѣстила въ своихъ органахъ смерть Интернаціонала, только дала новое доказательство своей недальновидности. Она не поняла, что эта продолжительная борьба, вслѣдъ за которой Интернаціоналъ былъ перестроенъ на новыхъ основахъ, свидѣтельствуетъ, наоборотъ, о неразрушимой жизненности нашей Ассоціаціи, и что теперь, когда она вышла побѣдительницей изъ кризиса, Международная Ассоціація Рабочихъ идетъ болѣе увѣренными шагами къ осуществленію своей цѣли: освобожденію рабочихъ самими рабочими.

* * *

Товарищи рабочіе всѣхъ странъ и всѣхъ профессій, мы вамъ объяснили наше существованіе и нашу цѣль.

Вамъ предстоитъ судить, представляетъ ли Интернаціоналъ дѣйствительно стремленія пролетаріата, и принять участіе въ войнѣ на жизнь и смерть, которая завязалась теперь повсемѣстно на всемъ земномъ шарѣ между капиталомъ и трудомъ, или за насъ и противъ нашихъ общихъ эксплуататоровъ, или за эксплуататоровъ противъ насъ и противъ васъ самихъ.

Серьезная опасность угрожаетъ освободительной дѣятельности рабочихъ: это конфликтъ, возникшій почти во всѣхъ странахъ между государстомъ и различными религіями; эти послѣднія, которыя утверждаютъ, что занимаются исключительно дѣлами *того свѣта*, хотятъ повсюду господствовать надъ Государствомъ; Государство, наоборотъ, претендующее служить представителемъ исключительно интересовъ *сей земли*, хочетъ использовать религію въ полицейскихъ цѣляхъ.

Отсюда конфликтъ, который, если народныя массы не будутъ остерегаться и дадутъ себя увлечь той или другой партіи, можетъ насъ привести къ религіозной борьбѣ и отдалить надолго еще рѣшеніе соціальной проблемы. Если всмотрѣться, съ какою тщательностью представители буржуазіи, правители и священнослужители, и сама буржуазія возбуждаютъ эти конфликты и стараются пристрастить народныя массы къ этимъ вопросамъ, становится очевиднымъ, что это дѣлается съ цѣлью отвратить общественное вниманіе отъ соціальныхъ вопросовъ въ пользу вопросовъ, которые не могутъ болѣе имѣть никакого интереса для человѣчества.

Какъ государственная религія, такъ и свободныя религіи проповѣдуютъ народамъ повиновеніе, покорность существующему порядку вещей, вѣру въ лучшую будущую жизнь.

Мы должны хотѣть справедливости въ человѣческомъ обществѣ. Если существующій порядокъ вещей противорѣчитъ этому осуществленію; его надо преобразовать.

Предоставимъ, слѣдовательно, правительствамъ и духовенству

оспаривать другъ у друга верховную власть, а мы, рабочіе, организуемся для торжества интересовъ труда.

Если вы вѣрите, какъ мы, въ необходимость великаго соціальнаго переворота, не оставайтесь больше въ преступной индифферентности: соедините ваши усилія съ нашими, чтобы обобщить и сдѣлать прочными рабочія ассоціаціи и федераціи, установить практическую солидарную связь между ними, изучить всѣ соціальные вопросы и распространить соціалистическіе принципы, такъ чтобы народъ сознаніъ трудъ, который онъ долженъ осуществить; оттолкнемъ отъ себя буржуазные соблазны, отвергнемъ совѣты эгоизма, алчности, честолюбія, нерѣшительности, трусости; организуемся для дѣйствія, въ зависимости отъ специальныхъ условій каждой страны.

Интернаціоналистовъ обвиняютъ со всѣхъ сторонъ, что они смутьяны по природѣ, и однако во всѣхъ странахъ поведеніе буржуазіи доказываетъ, что она не хочетъ сдѣлать никакихъ уступокъ рабочимъ; правительства всѣхъ крупныхъ государствъ, организуя безжалостно преслѣдованія противъ соціалистовъ, сами создаютъ условія, которыя неизбѣжно должны вызвать бурныя событія.

Буржуазная реакція идетъ гигантскими шагами; она насъ скоро совершенно задавитъ, если мы не научимся пользоваться единственнымъ оружіемъ, которое намъ остается: Соціальной Революціей.

За конгрессъ:

Секретари,

Адемаръ Швицгебель. Ж. Н. Демуленъ.

ИЗЪ РОССІИ

Каменецъ-Подольскъ. (Историческій очеркъ анархистскаго движенія въ Подольской и Бессарабской губерніяхъ.) До 1907-го года въ нашей Подольской губерніи велась работа исключительно соціал.-револ. и соц.-демокр., которые и пользовались здѣсь немалымъ вліяніемъ среди крестьянъ и городскихъ ремесленниковъ. Въ концѣ же 1907 года въ городѣ Каменцѣ появились какія-то личности, именовавшіе себя „анарх.-коммун.", но были-ли то анархисты или просто бандиты, узурпировавшіе для своихъ личныхъ выгодъ имя „анархистовъ", не рѣшаемся сказать. Ими былъ произведенъ рядъ мелкихъ экспропріацій, и только!... Въ 1907 году мы, бывшіе соц.-дем., окончательно разочаровавшіеся въ идеѣ демократіи и въ мирной тактикѣ соціальдемокр. партіи, стремились познакомиться съ новымъ для насъ ученіемъ — ученіемъ анархизма, которое не останавливается на полъ-пути и не ставитъ самой же себѣ всякихъ преградъ, вродѣ конституцій, демократическихъ республикъ, а прямо шествуетъ къ одной извѣстной цѣли всего угнетеннаго класса, къ Соціальной Революціи. Съ анархизмомъ мы впервые познакомились по той литературѣ, которая была издана въ Россіи явочнымъ порядкомъ, а также часто приходилось читать въ газетахъ объ актахъ, совершенныхъ анархистами-коммунистами. Все это вмѣстѣ взятое заставило насъ о многомъ задуматься, вызвало симпатію съ нашей стороны къ анархизму. Мы всѣми силами стали стараться раздобыть какъ можно больше всевозможной анархической литературы, но посчастливилось намъ достать только № 1 „Бунтаря". Подъ его вліяніемъ и создалась у насъ первая маленькая анархическая группа. Эта группа произвела экспропріацію, дабы имѣть возможность пріобрѣсти литературу и повести дѣло

Къ этому времени намъ удалось завязать связи съ Бессарабской группой, черезъ которую мы и достали анархическую литературу. Добытыя же деньги пошли на оружіе, а часть изъ нихъ была нами выдана въ Бессарабскую группу на жизнь нелегальнымъ товарищамъ. Спросъ на нашу литературу былъ не малый, требовалась литература для города и въ деревни для крестьянъ. Работа пошла успѣшно, въ деревняхъ завязывались все новыя и новыя связи, образовались небольшія группки. Удовлетворить крестьянъ той литературой, которая была въ нашемъ распоряженіи, мы не могли, такъ какъ въ деревни требовалась самая популярная литература. Къ этому времени пріѣхалъ къ намъ одинъ товарищъ анархистъ, отъ котораго мы узнали, что вообще у анархистовъ-коммунистовъ чувствуется большой недостатокъ въ популярной литературѣ. Тогда мы задались цѣлью издать хотя нѣсколько популярныхъ брошюръ. Черезъ этого товарища мы достали пять маузеровъ „Боевой Интернаціональной Группы". И два товарища произвели экспропріацію у одного каменецкаго буржуа на пять тысячъ рублей. Впослѣдствіи на эти деньги были изданы народныя брошюры: „Вольная Воля" Дерябина, „Чикагская драма" А. Н., „Какъ мужики остались безъ начальства", С. Зайца, и листовка „Голодъ, невѣжество, страхъ", изданіе Подольско-Бессарабскаго крестьянскаго союза. Кромѣ того была оказана помощь другимъ группамъ. Послѣ этой экспропріаціи Каменецъ-Подольская полиція поднялась на ноги, стала производить обыски и аресты. Всего было арестовано 12 человѣкъ, совсѣмъ непричастныхъ къ этому дѣлу; но это не помѣшало нашимъ властямъ шесть человѣкъ изъ нихъ выслать въ Сибирь.

Мѣстные буржуи и власти переполошились! Желая во что бы то ни стало искоренить эту „зловредную шайку" анархистовъ, образовали въ Каменцѣ охранное отдѣленіе, которое функціонируетъ и до сихъ поръ, но безъ всякихъ результатовъ.

Весною 1908 года въ селѣ Брагѣ нашимъ товарищемъ былъ данъ отпоръ полиціи при арестѣ. Дѣло было такъ: пріѣхавшій къ намъ товарищъ пропагандистъ ночевалъ въ этомъ селѣ у крестьянина, къ утру явилась полиція, т. е. отрядъ стражниковъ во главѣ съ приставомъ, окружили домъ и стали стучать въ дверь. Догадавшись въ чемъ дѣло, товарищъ соскочилъ съ кровати почти раздѣтый, схватилъ маузеръ и выскочилъ на дворъ черезъ окно, но тутъ ему путь преградилъ урядникъ. Двумя выстрѣлами товарищъ свалилъ его съ ногъ; остальные же во главѣ съ приставомъ разбѣжались, и только издали товарищъ слышалъ крикъ, какъ видно пристава: „ребята, не гонитесь, а то всѣхъ перебьютъ!" И онъ скрылся никѣмъ не преслѣдуемый. Урядникъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ раненъ двумя пулями въ оба плеча.

Приблизительно же въ это время на нашей границѣ провалился небольшой транспортъ литературы. Недалеко отъ австрійской границы, верстахъ въ 7 отъ пограничнаго села Чертокозина, двое товарищей, везшихъ литературу, были задержаны корчемнымъ объѣздчикомъ Эсотовымъ. Одинъ изъ товарищей, стрѣляя изъ револьвера, ранилъ его пятью пулями, но раненый корчемникъ еще отстрѣливался. Товарищи захватили его лошадь и скрылись на немъ оставивъ литературу. Организованныя полиціей облавы не дали никакихъ результатовъ. Раненый объѣздчикъ скончался.

Въ послѣднюю часть прошлаго года, работа наша шла очень успѣшно. Во-первыхъ, мы связались съ другими группами, какъ-то въ Москвѣ, Екатеринославѣ, Одессѣ и др. городахъ и оказывали другъ другу взаимную помощь; во-вторыхъ, наша работа на мѣстѣ тоже подвинулась впередъ. Пріобрѣтаются все новыя и новыя связи съ крестьянами, успѣшно распространяется литература и ведется пропаганда, образовываются новыя крестьянскія группки, примыкающія къ крестьянскому союзу анархистовъ-коммунистовъ.

8-го декабря въ городѣ Винницѣ погибли три нашихъ товарища. При арестѣ они оказали вооруженное сопротивленіе. Продержались 13 часовъ; не имѣя болѣе возможности держаться, они застрѣлились. Двое изъ нихъ, Густавъ Эрделевскій и Соня Ливщицъ, только что прибыли на работу къ намъ изъ заграницы, третій же — нашъ мѣстный товарищъ Саша Лисянскій. На дняхъ же погибли еще два товарища въ городѣ Каменцѣ. Подробности объ ихъ гибели постараемся прислать въ непродолжительномъ времени.

Въ Бессарабской же губерніи анархисты впервые появились въ началѣ 1906 г. До этого времени здѣсь господствовали с.-р. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ вліяніе на крестьянскія массы было огромно; но въ настоящее время они совершенно сошли со сцены. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось познакомиться съ анархистами, которымъ приходилось переходить здѣсь границу, и подъ ихъ вліяніемъ они перешли на сторону послѣднихъ и стали работать какъ таковые. Такимъ былъ *Михаилъ Рыбакъ*. Онъ родомъ изъ бѣдной крестьянской семьи, живущей въ пограничномъ селѣ Пригородкѣ Хотинскаго уѣзда. Будучи еще с.-р. онъ велъ энергично пропаганду среди крестьянъ и занимался политической контрабандой, перейдя же на сторону послѣднихъ, онъ работалъ въ томъ же направленіи, только въ другомъ духѣ. Но не долго ему пришлось работать среди насъ, въ 1906 году въ первыхъ числахъ ноября онъ погибъ. Погибъ еще съ двумя товарищами, — Исаакомъ Рубинштейномъ и Игнатомъ (матросъ, родомъ изъ Мелитополя). Убитъ онъ былъ тѣми, изъ среды которыхъ вышелъ, къ которымъ шелъ и которымъ отдавалъ всѣ свои силы. Они были убиты крестьянами деревни Башкауцы по недоразумѣ-

нію,—ихъ приняли за конокрадовъ. Послѣ слѣдствія, когда крестьяне узнали, какихъ людей они погубили, они страшно жалѣли. Рыбака не забыли и не забудутъ тѣ крестьяне, среди которыхъ онъ работалъ. Среди крестьянъ Хотинскаго уѣзда и сейчасъ многіе еще не вѣрятъ, что его уже давно нѣтъ въ живыхъ, и ходятъ о немъ всевозможныя легенды. Михаила уже нѣтъ, но память о немъ живетъ въ сердцахъ тѣхъ крестьянъ, съ которыми приходилось ему встрѣчаться.

И его работа во имя Анархіи не прошла безслѣдно. Посѣянное имъ сѣмя произростаетъ все больше и больше. Начиная съ Михаила Рыбака, анархическая работа въ Бессарабской губерніи уже не прекратилась.

Сначала появлялись единичныя личности и почти исключительно изъ крестьянъ и самостоятельно вели анархическую пропагангу и распространяли литературу, потомъ стали образовываться небольшія группки, которыя все болѣе и болѣе разрастались. Во многихъ мѣстахъ проявили себя въ рядѣ аграрнаго террора; такъ нашими товарищами было сожжено масса панскихъ стоговъ съ хлѣбомъ и соломой. Въ 1906 г. была сожжена экономія Аристова; въ 1907 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ было произведено неудавшееся покушеніе на жизнь князя Бѣльскаго. Послѣ этого покушенія полиціей было арестовано по подозрѣнію нѣсколько крестьянъ села Каплевки, но по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ они были освобождены изъ тюрьмы. По этому же дѣлу былъ арестованъ еще одинъ какой-то молодой человѣкъ, совершенно намъ неизвѣстный и не принимавшій никакого участія въ этомъ покушеніи. Недавно его судили и приговорили къ нѣсколькимъ годамъ каторжныхъ работъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1908 года въ селѣ Пригородкѣ былъ убитъ крестьянами черносотенцами нашъ товарищъ Василій Бондарюкъ 25 лѣтъ. На слѣдствіи эти черносотенцы заявили слѣдователю, что они думали, что за убійство революціонера имъ ничего не будетъ, кромѣ благодарности.

Василій былъ честный и смѣлый товарищъ, искренно отдавшійся анархической идеѣ. Онъ болѣлъ душой за крестьянское невѣжество, мучился муками крестьянъ и всѣми своими силами старался внить въ нихъ свѣтъ. Завѣтной его мечтой было стать крестьянскимъ пропагандистомъ. Экономія Аристовъ была подожжена Василіемъ; въ покушеніи же на князя Бѣльскаго онъ также принималъ участіе. Его страшно мучило, что это покушеніе окончилось неудачно.

Бричаны, Бессарабской губ. 16 сентября 1908 г. въ мѣстечкѣ Бричанахъ нашимъ товарищемъ было оказано вооруженное сопротивленіе, во время котораго одинъ стражникъ былъ убитъ, а другой стражникъ и урядникъ были ранены. Товарищъ былъ также раненъ двумя пулями и штыкомъ.

День близился къ вечеру. Полиція сильно организовывалась и готовилась къ нападенію на жалкій домишко мѣстнаго сапожника, въ которомъ по шпіонскимъ донесеніямъ находился анархистъ.

Уже стемнѣло, когда хата внезапно была окружена громаднымъ нарядомъ стражниковъ. Какъ бѣшенные ворвались они цѣлой толпой и мгновенно направили штыки берданокъ на товарища, сидѣвшаго около стола вблизи двери. Но ни вся эта грозная обстановка, ни крики: „стой, ни съ мѣста" не подѣйствовали на нашего товарища; однимъ прыжкомъ онъ выскочилъ изъ подъ штыковъ и бросился къ постели, гдѣ подъ подушкой у него находился пистолетъ сист. Веблея. Пистолетъ былъ уже у него въ рукахъ, но онъ былъ сбитъ съ ногъ стражниками, которые открыли по немъ пальбу въ упоръ. Прижатому въ полулежачей позѣ къ постели и полу, товарищу долго не удавалось открыть предохранитель „Веблея". Товарищъ видѣлъ и чувствовалъ, что пули входятъ ему въ тѣло и каждую секунду ожидалъ смерти, но все же все время старался открыть предохранитель. Наконецъ это ему удалось. Раздались новые выстрѣлы, которые сразу заставили отступить всю полицейскую свору.

Одинъ за другимъ свалились два полицейскихъ. Въ комнатѣ опустѣло. Товарищъ легче вздохнулъ и поднялся. Но оказалось, что посреди комнаты стоялъ еще одинъ изъ царскихъ „героевъ" съ винтовкой въ рукахъ. Грянулъ выстрѣлъ, и стражникъ свалился. Товарищъ переступилъ черезъ лежавшихъ стражниковъ и выбѣжалъ на улицу, гдѣ замѣтилъ вдали убѣгавшихъ стражниковъ.

Было сыро и темно. Въ воздухѣ пахло дымомъ, въ туманной темнотѣ гремѣли выстрѣлы обезумѣвшихъ отъ ужаса стражниковъ. Люди съ любопытствомъ и страшнымъ предчувствіемъ толпились въ переулкахъ и во дворахъ, перешептывались и спрашивали другъ друга, въ чемъ дѣло, что случилось...

Раненный товарищъ осторожно пробирался въ толпѣ, не вызывая подозрѣній, и благополучно явился къ намъ.

2 марта. Сичевый.

Село **Самаровское,** Тобольской губ. (Изъ частнаго письма.) „...Крайне трудно нарисовать истинную картину современнаго положенія ссыльно-политическихъ. До полученія отъ васъ письма я собирался писать вообще о ссылкѣ, но не хватило силъ и въ самомъ началѣ бросилъ свою затѣю. Для знакомства со ссылкой собираюсь посѣтить нѣкоторыя колоніи Тобольскаго, Березовскаго и др. уѣздовъ въ началѣ весны—если этому не будутъ препятствовать мои финансы.

Постараюсь васъ познакомить съ тѣмъ, что произошло за послѣднее время и для этого начну съ деревни Бѣлогоры (Березовскаго уѣзда), въ которой мнѣ пришлось прожить около 2 мѣсяцевъ, слѣдовательно впечатлѣніе еще не улетучилось изъ памяти.

Въ этой деревнѣ живетъ 13 политиковъ и рѣшительно нѣтъ у нихъ никакихъ интересовъ и стремленій къ другой, болѣе лучшей жизни, кромѣ интересовъ будничныхъ, „чалдонскихъ" („чалдонами" называются мѣстные сибирскіе крестьяне). При встрѣчахъ другъ друга спрашиваютъ объ уловѣ, объ охотѣ; много говорятъ о какомъ-нибудь скандалѣ въ деревнѣ; порядочно времени удѣляютъ кляузамъ, судамъ; играютъ въ карты, въ любимый „преферансъ", за которымъ просиживаютъ иногда цѣлыя ночи. Нѣкоторые здорово пьютъ вино, но нѣтъ такого пьянства, которое учинялось раньше „Гардѣевской коммуной" (группа „анархистовъ" во главѣ съ Гардѣенцимъ), а пьютъ въ мѣру. Огромное большинство почти ничего не читаетъ: ни газетъ, ни книгъ, тогда какъ все это имѣется къ ихъ услугамъ, хотя и въ ограниченномъ количествѣ. Была раньше колоніальная организація, но теперь разрушена; кассы взаимопомощи тоже нѣтъ. Къ попыткѣ организовать колонію большинство отнеслось отрицательно, и съ большимъ трудомъ организовалась библіотека съ библіотечнымъ фондомъ, но и тутъ случился нѣкотораго рода скандалъ,—а именно библіотекарь по своему усмотрѣнію выдалъ 22 книги проѣзжимъ товарищамъ, что по уставу было воспрещено. „Политика" постановила отъ библіотекаря всю библіотеку отобрать и передать другому и въ его отсутствіе забрала шкафъ съ книгами. Когда же онъ узналъ, что книги у него отобраны, то не думая долго, пошелъ къ мѣстному уряднику и составилъ протоколъ съ указаніемъ, что „политика" отобрала у него шкафъ и книги, и что въ шкафу было сто рублей.

Теперь приступаю къ описанію „политики", живущей въ селѣ Самаровскомъ,—приходится начинать съ прекращенія пароходнаго движенія, когда обыкновенно ссыльные получаютъ зимнія одежныя деньги.

Какъ только политики получили эти деньги, вскорѣ началось самое отвратительное пьянство: пили по случаю всякихъ именинъ, пили съ пріѣздомъ съ рыболовства, пили съ тоски и ради веселья, пили и пили... Въ воздухѣ каждую минуту висѣлъ скандалъ, и должно было случиться что-нибудь ужасное, чтобы атмосфера разрядилась. Пили, раздѣлившись на группы по симпатіямъ. Въ сторонѣ стояла группа трезвенниковъ, которая на это безобразіе безсильна была реагировать.

Въ одинъ изъ вечеровъ большая компанія политиковъ пьянствовала; въ сторонѣ отъ нихъ въ избѣ старика-крестьянина тоже пьянствовали двое. Въ результатѣ получилась драма: старика-крестьянина политикъ въ пьяномъ видѣ ударилъ топоромъ вдоль по лицу и по шеѣ такъ, что отрубилъ почти голову. Одному изъ этихъ двухъ политиковъ была разрублена рука. Тотъ, кто убилъ старика и порѣзалъ политика, въ тотъ же вечеръ предалъ себя въ руки судебной власти, а порѣзанный политикъ, пролежавъ недѣлю въ больницѣ, выздоровѣлъ и снова принялся пить. Часть товарищей хотѣла на эту драму такъ или иначе реагировать, но огромное большинство отказалось этотъ случай обсуждать и какъ либо на него реагировать.

Вотъ еще случаи изъ пьяной жизни „политики".

Былъ по случаю чего-то „пиръ", и одинъ изъ пьяныхъ грозилъ не то себя, не то другого застрѣлить.

Другой разъ той же компаніей была устроена вечеринка и въ результатѣ одинъ изъ нихъ бросился на другого съ ножемъ, но ихъ успѣли разнять.

Однажды два политика поѣхали въ село С. и тамъ въ избѣ крестьянина учинили скандалъ, причемъ присутствовали мѣстные

дѣвушки, и закончили выбиваніемъ стеколъ въ окнахъ той же избы.

Перехожу къ другому описанію болѣе или менѣе радостному въ жизни ссыльныхъ. Въ концѣ лѣта организовалась колонія, но она не сумѣла всѣхъ объединить. Только часть вошла въ организацію, и эта часть со временемъ по разнымъ причинамъ стала покидать колонію. Колонія, какъ организація, влачитъ очень жалкое существованіе и, конечно, со временемъ она совсѣмъ разрушится. Причины этому глубокія, и я слѣдующій разъ постараюсь ихъ опредѣлить и вообще поговорить о современномъ положеніи ссылки и о выходѣ изъ такого положенія.

Имѣется старая библіотека, но она очень плохо пополняется новыми книгами.

Послѣ полученія одеженныхъ денегъ была организована столовая, но въ настоящее время распалась и, говорятъ, причиной явилось крайне недобросовѣстное отношеніе со стороны повара.

Задуманъ былъ на Рождество спектакль, но губернаторъ запретилъ, хотя все уже было готово, имѣлось разрѣшеніе исправника и директора училища.

Закончу характернымъ фактомъ. Ссылка недавно принимала въ столовкѣ исправника, угощала его обѣдомъ; члены бюро (нарымскаго края, а не колоніи) за день до посѣщенія собственноручно вымыли полы.

Очерки из начальнаго развитія Ташкентской группы Анархистовъ.

I.

Въ этомъ очеркѣ мы коснемся лишь характерныхъ по нашему мнѣнію чертъ въ исторіи начальнаго развитія и существованіи нашей группы.

Первой характерной чертой было то, что анархизмъ распространился не изъ рабочаго круга, а изъ небольшого кружка интеллигентной молодежи. Кружокъ этотъ образовался слѣдующимъ образомъ. Почти весь личный составъ будущаго кружка былъ между собою связанъ дружбой, а нѣкоторые съ дѣтства росли вмѣстѣ.

Сначала эти лица объединились съ цѣлью самообразованія, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Но подъ вліяніемъ общаго всѣмъ въ то время интереса къ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ кружокъ сузилъ первоначальную свою цѣль и занялся почти исключительно ознакомленіемъ съ политическими и экономическими явленіями жизни. И члены кружка все болѣе и болѣе останавливались мыслями на анархизмѣ, благодаря тому, что ихъ психика соотвѣтствовала этой идеѣ. Дѣло въ томъ, что анархической литературы въ то время у насъ почти не было, и мы должны были довольствоваться тѣмъ, что, зная основной принципъ этого ученія, сами развертывали его въ цѣлую гармоническую систему. Такимъ образомъ наша работа свелась не только къ работѣ простого механическаго усвоенія идеи, но была своего рода творчествомъ въ дѣлѣ обоснованія анархическаго міросозерцанія. „Обосновавъ", такъ сказать, анархизмъ, мы стали анархистами; но мы не были анархистами опредѣленнаго толка — индивидуалистами или коммунистами — мы были просто „свободниками", которымъ дорога основная идея анархизма. Этимъ объясняется наша другая характерная черта, что даже позднѣе, въ концѣ 1906 года, когда мы образовали какъ бы оффиціальную группу анархистовъ-коммунистовъ, на самомъ дѣлѣ были все тѣми же *только* анархистами, въ средѣ которыхъ могли уживаться и *уживались* и синдикалисты, и индивидуалисты. Въ дѣлѣ практическаго примѣненія своихъ идей изъ-за тактическихъ вопросовъ у насъ никогда не происходило ни неприязни, ни разрыва. Все дѣло сводилось къ тому, что по данному вопросу столько-то лицъ высказывалось „за" и проводило въ жизнь свое намѣреніе, а столько-то лицъ высказывалось „противъ" и не участвовало въ осуществленіи даннаго предложенія и не противодѣйствовало.

Намъ слишкомъ дорогъ былъ успѣхъ основной нашей идеи, чтобы придавать слишкомъ крупное значеніе разногласіямъ въ частностяхъ, которыя могли бы только ослабить наши силы.

Исторія нашей дѣятельности съ 1906 г., т. е. со времени „оффиціальнаго основанія" (немного ранѣе выпуска первой прокламаціи) была такова. Группа своими собственными товарищескими средствами поставила технику и выписала немного литературы. Первые шаги нашей пропаганды были направлены въ среду интеллигенціи: читались рефераты, основывались кружки. Вскорѣ мы перекинули нашу работу въ среду рабочихъ и солдатъ. Мы видѣли, что интеллигенція ненадежный объектъ нашей пропагандистской дѣятельности, что лишь трудовое населеніе можетъ понять и вѣрно оцѣнить идею анархизма. Поэтому мы организовали цѣлый рядъ кружковъ вначалѣ среди рабочихъ, а потомъ и среди солдатъ. Первое время кружки эти были слабы, но съ каждымъ днемъ силы ихъ крѣпли. Интересно замѣтить, что кружки рабочихъ пополнялись членами соціалистическихъ партій, становившимися анархистами.

Дальше работа анархистовъ идетъ такая же, какъ и вездѣ: тѣ же массовки, та же литература, рефераты, дискуссіи, та же борьба на два фронта, тѣ же выступленія. Изъ области выступленій характерно замѣтить, что было нѣсколько случаевъ военнаго террора, произведеннаго самими же военными.

Мы росли, мы стали силой, съ которой пришлось всѣмъ считаться. Наша дѣятельность расширилась за предѣлы Ташкента, почти по всему Туркестану. Подъ нашимъ непосредственнымъ вліяніемъ характеръ желѣзнодорожнаго союза въ Ташкентѣ, находившагося подъ вліяніемъ соціалистическихъ партій, измѣнился въ желательномъ для насъ смыслѣ: централистическій принципъ организаціи былъ замѣненъ федералистическимъ, союзъ призналъ терроръ, экспропріацію какъ казеннаго, такъ и частнаго имущества.

Вотъ пока кое-что изъ исторіи начальнаго развитія ташкентской анархистской группы, существующей и нынѣ.

В—ій. Карташевъ. Михайловъ.

ХРОНИКА БОРЬБЫ.

Кіевъ. Въ мѣстномъ военно-окружномъ судѣ назначено на 18 февраля дѣло: Шмельте, Наума Тыша, Дубинскаго, Скловской, Ульяны Кравецъ, Германа Сандомірскаго и др., обвиняемыхъ въ принадлежности къ организаціи „анархистовъ-коммунистовъ". Почти всѣ обвиняемые второй годъ уже содержатся въ „предварительномъ заключеніи".

Пенза. Среди казненныхъ за послѣдніе годы товарищей, по приговорамъ казанскаго военно-окружнаго суда, намъ извѣстны имена слѣдующихъ анархистовъ-коммунистовъ:

1) *Пчелинцевъ*, повѣшенъ за вооруженное сопротивленіе при арестѣ, сопровождавшемся убійствомъ жандарма на ст. „Пачелма" Сызрано-Вязем. ж. д.

2—3) Казнены за рядъ экспропріацій: *Алексѣевъ* и Неизвѣстный (31 года, именуемый „бродяга Шурка"). Во время побѣга изъ тюрьмы, при которомъ была брошена бомба, погибло также нѣсколько товарищей. Часть изъ нихъ была разстрѣляна на крышѣ, часть добита въ тюремномъ дворѣ.

Всѣ трупы найдены были страшно изуродованными штыковыми ранами.

Говорятъ, что администрація заранѣе знала о предстоящемъ побѣгѣ и сознательно готовила кровавую бойню. Такъ, незадолго до побѣга одинъ изъ губернаторскихъ чиновниковъ говорилъ: „скоро будетъ у насъ кровавое дѣльцо"; въ то же время начальникъ тюрьмы Новгородцевъ обращался къ одному изъ заключенныхъ съ просьбой отговорить товарищей отъ побѣга.

Многіе приписывали провалъ дѣла провокаціи Никулина, который сидя въ тюрьмѣ зналъ кое-какія приготовленія къ побѣгу. Вообще въ послѣднее время провокація сильно развита въ Пензѣ; такъ уже совсѣмъ недавно, благодаря провокатору, сапожнику Неклюдову арестованы и повѣшены: с.-р. *С. Шишлинъ* и а.-к. *В. Лисицынъ*. Во время трагически закончившагося побѣга погибли наши товарищи, анархисты: 1) *Алмазовъ Павелъ* и 2) *Таннитровъ Александръ* (ученики Пензенской Духовной Семинаріи), 3 и 4) крестьяне *Шестопаловъ* и *Елизаровъ*.

Анархисту *Герману Великопольскому* удалось бѣжать и онъ былъ впослѣдствіи убитъ на ст. „Арапово"; такова же судьба и другого бѣжавшаго товарища — крестьянина *Щеглова*, который будучи арестованъ въ деревнѣ, былъ разстрѣлянъ стражниками, якобы „при попыткѣ бѣжать отъ конвоя".

Такъ много жертвъ въ нашемъ молодомъ движеніи въ Пензѣ!.. Несмотря на это наша работа оставила кое-какія слѣды среди мѣстныхъ рабочихъ и крестьянства. Въ революціонные дни они серьезно поговаривали не только о „соціализаціи" земли, рекомендуемой с.-р, но и о захватѣ заводовъ, фабрикъ, мастерскихъ. Провести это, хотя отчасти, тогда не удалось. Ведя пропаганду, анархисты успѣли себя заявить и нѣкоторыми активными высту-

пленіями; такъ ими былъ убитъ начальникъ депо ст. Пенза (Сыз-Ряз. ж. д.), а также ректоръ Духовной Семинаріи. Ими же совершено нападеніе на конвой для отбитія Алмазова, а также произведено нѣсколько вооруженныхъ „экспропріацій", между прочими: на почтѣ ст. „Хованщина" (Инсаров. уѣзда), въ казенной монополіи с. Злотаревкѣ и др.

Москва. Анархистъ *Сидачевъ*, обвиняемый въ вооруженномъ нападеніи на контору Москов.-Казан. ж. д. осужденъ военно-окружнымъ судомъ на смертную казнь черезъ повѣшеніе; его товарищъ Волковъ, получилъ 20 лѣтъ каторги.

Станція „Лосиноостровъ" Ярослав. ж. д. Ночью, на дачѣ Власова, двумя анархистами, при производствѣ ареста, оказано отчаянное вооруженное сопротивленіе. Слесарь *Сидоркинъ* былъ раненъ чинами полиціи и арестованъ; его товарищъ *Черновъ* пробрался на чердакъ, забаррикадировался и началъ оттуда обстрѣливать полицію. Онъ убилъ стражника, ранилъ въ плечо начальника охраннаго отдѣленія, полковника фонъ-Позена, его помощника Пострунина и одного агента. Настало утро. Къ полиціи прибывали все новыя и новыя силы; мѣстной не хватило, были вызваны жандармы изъ Москвы; прибыла пожарная команда. На случай необходимости взрыва дачи, власти запаслись динамитными патронами. Начался регулярный обстрѣлъ д[illegible]чай совершенно изрѣшетили. Кое-какъ полицейскимъ удалось [illegible]икнуть внутрь дачи и черезъ потолокъ обстрѣливать чердакъ. Это оказалось роковымъ для нашего мужественнаго товарища. Онъ былъ раненъ въ руку и закричалъ: „вы меня ранили, теперь уходите!" На что послѣдовалъ отвѣтъ: „Нужно сдаться!"

Онъ возразилъ: „Мы, анархисты-коммунисты, не привыкли сдаваться, мы предпочитаемъ умирать. Оставьте меня, я сейчасъ умру".

Въ два часа дня чины полиціи осмѣлились проникнуть на чердакъ и нашли товарища мертвымъ. Были произведены аресты другихъ анархистовъ, сообщниковъ убитаго Чернова. Изъ нихъ 3 захвачены въ дачной мѣстности, остальные 7 въ городѣ. Несмотря на аресты и репрессіи, въ Москвѣ и окрестномъ рабочемъ районѣ не прекращается анархическая пропаганда. Рабочіе группируются въ небольшіе кружки, во избѣжаніе провокаціи; устраиваютъ собранія, распространяютъ привезенную изъ заграницы литературу. За послѣднее время такимъ образомъ въ Москвѣ было распространено два транспорта изданій „Буревѣстника", доставленныхъ нашими товарищами.

Екатеринославъ. За эти мѣсяцы наша группа потерпѣла громадные провалы. Выбыло изъ строя много смѣлыхъ и энергичныхъ товарищей; одни погибли, другіе вынуждены скрываться по другимъ мѣстамъ.

Вся наша работа парализована... взята тайная типографія, для устройства которой намъ пришлось затратить столько силъ и энергіи. Въ этой типографіи, между прочимъ, обнаруженъ печатный станокъ, вывезенный „захватнымъ порядкомъ" изъ типографіи Яковлева. Реакція свирѣпствуетъ... Аресты очень часты, часты и случаи вооруженныхъ отстрѣловъ. Разскажемъ объ одномъ изъ нихъ, который оказалъ на Амурѣ нашъ товарищъ, членъ организаціи, извѣстный подъ кличкой „*Бѣлый*".*)

Вечеромъ, на Временной улицѣ, на Амурѣ онъ былъ застигнутъ въ квартирѣ мѣстнаго рабочаго отрядомъ стражниковъ съ приставомъ во главѣ. Не желая добровольно сдаваться, „Бѣлый" выхватилъ маузеръ и началъ стрѣлять. Онъ ранилъ въ руку пристава и одного сыщика. Приставъ во время суматохи былъ смятъ и упалъ на полъ... Когда стражники, оставшіеся снаружи, увидѣли, что между ними пристава нѣтъ, то, считая его убитымъ, начали обстрѣлъ дома. Изъ него раздавались отвѣтные выстрѣлы. Во время обстрѣла приставъ лежалъ въ комнатѣ на прострѣленной рукѣ, не шевелясь и боясь быть убитымъ.

Рабочіе, обитатели сосѣднихъ домовъ, были въ страшной паникѣ. Пули свистѣли взадъ и впередъ. Выйти невозможно, да и полиція не велитъ. Изъ Нижне-Днѣпровска и Екатеринослава прибываютъ новые наряды стражниковъ. Такъ перестрѣлка длится около 5 часовъ. Изъ осаждавшихъ полицейскихъ никто не раненъ, только у одного стражника пулей расщеплена берданка, а у другого прострѣленъ полушубокъ.

Когда выстрѣлы изъ дому прекратились, то проломали окно и устроивши факелъ изъ пакли на длинномъ шестѣ, освѣтили внутренность дома. Сразу былъ найденъ раненый и перепуганный приставъ. Его вытащили черезъ окно.

Послѣ этого домъ еще обстрѣливался въ теченіе нѣкотораго времени. По прекращеніи обстрѣла просунутымъ факеломъ снова была освѣщена внутренность дома, при этомъ загорѣлись на кровати тюфякъ и солома. Возлѣ кровати лежалъ окровавленный и обгорѣлый трупъ нашего товарища, съ прострѣленной на вылетъ головой.

Это событіе, названное мѣстными газетами „Страшной ночью на Амурѣ", сильно взволновало мѣстное рабочее населеніе... Многіе знали „Бѣлаго", какъ отважнаго работника нашей группы.. За то власть имущіе ликовали, зная, что однимъ анархистомъ стало меньше въ Екатеринославѣ. А вся ихъ энергія только къ тому и направлена, чтобы истребить до основанія всѣхъ анархистовъ. Теперь идутъ аресты направо и налѣво; въ тюремномъ застѣнкѣ строятся все новыя и новыя висѣлицы. Ужасомъ смерти и опустошенія вѣетъ кругомъ...

На дняхъ повѣшены, за принадлежность къ анархистамъ-коммунистамъ: Проектовъ, Андреевъ и Савичъ.

Изъ **Александровска** Екат. губ. намъ сообщаютъ объ убійствѣ мѣстными анархистами провокатора, бывшаго с.-р., „Левки", выдававшаго нашихъ товарищей.

Варшава. Изъ вѣнскаго анархистскаго журнала „Wohlstand für Alle" мы узнаемъ слѣдующее о положеніи заключенныхъ въ варшавской цитадели. 10-й павильонъ цитадели, въ которомъ сидитъ нашъ товарищъ *Сенна Гой*, извѣстный нѣмецкій анархистъ, подвергался уже нѣсколько разъ преслѣдованіямъ со стороны начальства въ теченіе прошлой весны и лѣта. Новый комендантъ поставилъ себѣ задачей превратить 10-й павильонъ въ адъ, причемъ главными объектами своего преслѣдованія онъ избралъ товарища Сенна Гоя и артиллерійскаго офицера Калинина, сидящихъ въ одной камерѣ, которую называютъ „душей" павильона. За рѣчь, произнесенную Гольцманомъ (Сенна Гой) на военномъ судѣ*), комендантъ распорядился посадить его въ карцеръ, но вскорѣ вынужденъ былъ его выпустить по требованію нѣсколькихъ корридоровъ. Въ отместку комендантъ добился отъ Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія приказа объ арестѣ Гольцмана и Калинина на 7 дней, Каца (административно выданнаго изъ Берлина), Гжежаровскаго (осужденнаго дважды къ смертной казни), Марчевской (также дважды осужденной къ см. к.) и Малиновской на 4 дня. Подобнымъ же образомъ этотъ военный палачъ относится къ Килячицкому*), котораго онъ также считаетъ очень опаснымъ человѣкомъ. Фамилія этого мерзавца Елкинъ, онъ—жандармскій штабъ-ротмистръ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь служитъ, Антоній Липоки (осужденный къ смертной казни) сошелъ съ ума, у Марчевской сильнѣйшее нервное разстройство. Остальные готовы впасть въ отчаяніе.

ФРАНЦІЯ.

САЛАМИНЪ (ПА-ДЕ-КАЛЭ).*)

Если внимательно прослѣдить исторію мѣстной стачки рудокоповъ, имѣвшей мѣсто нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и присмотрѣться къ той реакціонной роли, которую въ ней сыграли наши парламентскіе соціалъ-демократы, убившіе ее въ самомъ началѣ своего развитія, не давъ ей развернуться, — невольно задаешься вопросомъ: долго ли еще наши политиканы подъ прикрытіемъ своей пустой фразеологіи будутъ драпироваться въ тогу революціоннаго соціализма и претендовать на защиту интересовъ пролетаріата? Совмѣстимы ли высшіе принципы соціализма, о которыхъ такъ много распространяются наши политиканы, съ подобной тактикой и не подрываетъ ли послѣдняя соціализмъ въ корнѣ? Несомнѣнно, что всѣ эти факты раскрываютъ глаза рабочимъ, и рабочее движеніе, монополизированное соціалъ-демократіей на протяженіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, начинаетъ мало по малу эмансипироваться отъ ея вліянія. Рабочія массы начинаютъ сознавать подъ вліяніемъ такихъ горькихъ уроковъ, что дѣло

---

*) Онъ рабочій; 23—25 лѣтъ, работалъ въ Нижнеднѣпровскомъ и Амурскомъ районѣ и участвовалъ во многихъ боевыхъ дѣлахъ организаціи.

*) Іоганъ Гольцманъ (Сенна Гой) судился дважды и по совокупности получилъ 15 лѣтъ каторги. Второй разъ онъ вмѣстѣ съ другими 24 товарищами привлекался за принадлежность къ „Федераціи анархистскихъ группъ Польши и Литвы".

*) Выданъ Швейцаріей за убійство начальника дороги Иванова.

*) Несмотря на то, что со времени саламинской стачки прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, мы помѣщаемъ эту корреспонденцію, въ виду того, что она написана участникомъ стачки—русскимъ товарищемъ-рабочимъ. Ред.

ихъ освобожденія, не есть дѣло парламентскихъ краснобаевъ, которые подъ маской соціализма стремятся къ легальному захвату власти, а ихъ собственное дѣло. И даже многіе изъ тѣхъ рабочихъ, которые вчера еще смотрѣли на своихъ парламентскихъ вождей, какъ на своихъ истинныхъ защитниковъ, сегодня уже теряютъ въ нихъ всякую вѣру и обращаются къ своей пролетарской борьбѣ, къ прямому и непосредственному воздѣйствію на своихъ угнетателей, помимо своихъ вчерашнихъ парламентскихъ адвокатовъ. Исторія этой стачки служитъ намъ для этого прекраснымъ примѣромъ.

Мѣсяца два тому назадъ въ Парижѣ была объявлена всеобщая забастовка. Къ тому времени мѣстный синдикатъ выпустилъ горячее воззваніе къ углекопамъ, въ которомъ призывалъ къ стачкѣ, подчеркивая солидарность съ парижскими рабочими. Слѣдуетъ замѣтить, что извѣстіе о стачкѣ совпало какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда дневные рабочіе смѣняли работающихъ ночью, и когда большая часть изъ нихъ уже отправилась на работу. Притомъ извѣстіе о предполагающейся забастовкѣ рудокоповъ носило скорѣе характеръ хаотичный, чѣмъ опредѣленный. Многіе рабочіе даже недоумѣвали по этому поводу, боясь, какъ бы эта „новая затѣя“ не нарушила ихъ мирной жизни на копяхъ. Особенно въ этомъ отношеніи характерны старики-рудокопы и фламандцы изъ сосѣдней Бельгіи, которые не большіе охотники до стачекъ и волненій. Единственно революціонный элементъ — это молодежь, которая тутъ работаетъ въ большомъ количествѣ. Вѣчно эксплуатируемая, она всегда съ единодушіемъ бастуетъ.

Итакъ, несмотря на то, что стачка не была еще оффиціально объявлена, а о ней носились лишь слухи, большая часть дневной смѣны возвратилась домой. Были попытки со стороны нѣкоторыхъ стариковъ проникнуть на работу, но бастующіе силой заставили ихъ вернуться домой и одного даже избили. Въ это утро бросившихъ работу на трехъ только шахтахъ было около 400 человѣкъ. Поговаривали, что и на смежныхъ шахтахъ забастовала часть, но эти слухи нельзя было провѣрить за громаднымъ разстояніемъ, отдѣляющимъ одну шахту отъ другой. Улицы начали мало по малу оживляться бастующей публикой, обсуждавшей съ разныхъ точекъ зрѣнія начатую забастовку. Но въ общемъ все носило характеръ выжиданія. Рабочіе ждали назначеннаго на вечеръ синдикатомъ собранія, на которомъ выяснится дальнѣйшій планъ дѣйствій и отъ котораго зависитъ послѣдующій ходъ событій. Къ полудню въ рабочихъ предмѣстьяхъ и кругомъ шахтъ появились конные жандармы. Дѣло приняло серьезный оборотъ, особенно тогда еще, когда рабочіе узнали, что въ эту ночь было произведено много арестовъ. А аресты производились самымъ безцеремоннымъ и наглыма образомъ: хватали съ работы и съ улицы неблагонадежныхъ рабочихъ и запирали въ тюрьму. Рабочіе начинаютъ волноваться, повсюду слышатся угрозы. Къ вечеру состоялись созванныя синдикатомъ первыя собранія бастующихъ районовъ. Къ этому времени число бастующихъ значительно увеличилось.

Выступавшіе на собраніяхъ ораторы, проанализировавъ въ краткихъ чертахъ современное положеніе Франціи, которая прошла фазу нѣсколькихъ буржуазныхъ революцій, подчеркивали то обстоятельство, что Франція должна идти теперь по пути коренного соціальнаго переустройства. И когда говорившій ораторъ, объясняя значеніе сегодняшней стачки, напомнилъ о томъ, что начавшаяся стачка, можетъ быть, послужитъ сигналомъ для соціальной революціи, рабочіе бурно апплодировали и продолжительные крики „vive la grève“ были отвѣтомъ на горячія слова оратора. Этотъ фактъ краснорѣчиво доказываетъ, насколько эта стачка не имѣла формы обыкновеннаго рабочаго требованія, каждодневно предъявляемаго къ своимъ поработителямъ, а носила болѣе глубокій характеръ,—характеръ вступленія къ цѣлому ряду другихъ актовъ и событій. Не успѣли окончиться еще собранія, какъ начали циркулировать слухи объ избіеніяхъ арестованныхъ и даже о нѣкоторыхъ убитыхъ въ арестномъ домѣ рабочихъ. Вскорѣ эти слухи подтвердились прибывшими изъ города рабочими, которые разсказали о страшныхъ насиліяхъ, учиненныхъ надъ арестованными товарищами. Извѣстіе объ этомъ гнусномъ избіеніи, какъ молнія, облетѣло всѣ рабочія предмѣстья, и съ этой минуты среди рабочихъ начинается то глухое броженіе, которое характеризуетъ обыкновенно канунъ рѣшительнаго выступленія. И если раньше можно было еще предположить мирный исходъ этой стачки, то теперь объ этомъ не могло быть и рѣчи. Даже для самыхъ миролюбиво настроенныхъ рабочихъ теперь стало ясно, что дѣло запахло кровью. И рабочіе, полные ненависти и возмущенія, готовились къ этой кровавой схваткѣ. Повсюду, на всѣхъ перекресткахъ на голову буржуазіи сыплются проклятья.

Ночью опять послѣдовали аресты и къ слѣдующему дню разставленные кругомъ шахтъ конные патрули охраняли идущихъ на работу штрейкбрехеровъ. Рабочіе съ своей стороны силой удерживали идущихъ на работу бельгійцевъ, которые, во что бы то ни стало, не хотѣли присоединиться къ стачкѣ. Число бастующихъ въ это время утроилось. Къ полудню вся шахта „Parisien“, между прочимъ самая революціонная, все время не рѣшавшаяся бастовать, примкнула, наконецъ, къ стачкѣ. И именно въ это время, когда забастовка начинаетъ принимать грозный характеръ, когда возмущеніе рабочихъ, доходившее до высшей точки, готово вылиться въ грандіозное движеніе, рабочіе узнаютъ о пріѣздѣ своего парламентскаго депутата Эмиля Бали.

Нелишнимъ будетъ въ краткихъ чертахъ отмѣтить прошлое и настоящее этого человѣка. Бывшій рудокопъ, онъ пользовался за свои радикально-соціалистическія убѣжденія большимъ уваженіемъ среди рабочихъ. Съ наступленіемъ выборовъ весь департаментъ Pas de Calais голосовалъ за Бали, и онъ прошелъ депутатомъ отъ рудокоповъ въ парламентъ. Не прошло и года, какъ изъ горячаго революціонера онъ превратился въ мирнаго реформатора. Рабочіе скоро почувствовали на своихъ плечахъ всю его реакціонную дѣятельность. Не разъ рабочіе объявляли стачки и должны были позорно сдаться только потому, что Бали всѣми силами противодѣйствовалъ ихъ возникновенію. Всего лишь годъ тому назадъ и онъ былъ главнымъ застрѣльщикомъ стачки, между тѣмъ какъ теперь онъ подъ разными предлогами проваливалъ ихъ въ самомъ зародышѣ.

Буквально такая же исторія повторилась и теперь. Съ его пріѣздомъ энтузіазмъ рабочихъ сразу упалъ. Рабочіе поняли, что стачка провалена.

Къ вечеру компаніей Бали былъ устроенъ общій митингъ всѣхъ бастующихъ рудокоповъ. На митингѣ было нѣсколько тысячъ человѣкъ. Какъ и слѣдовало ожидать, выступилъ Бали и въ самыхъ краснорѣчивыхъ словахъ доказывалъ всю нелѣпость этой стачки и призывалъ къ „мирному труду“.

Естественно, что старики-рудокопы, которые съ такимъ рвеніемъ ждали прекращенія стачки, горячо апплодировали своему избранному вождю, и стачку большинствомъ голосовъ было рѣшено прекратить.

Итакъ, забастовка была провалена. Революціонно настроенной части рабочихъ ничего не осталось сдѣлать, какъ покориться общему рѣшенію и, скрѣпя сердце, идти на позорныя уступки.

Уходя съ митинга, рабочіе говорили: „буржуазія можетъ крѣпко спать подъ пѣсни Бали, никакихъ безпорядковъ не будетъ“. И въ этихъ словахъ звучала горькая обида людей, невольно принужденныхъ идти на уступки. „Съ тѣхъ поръ, какъ Бали бросилъ кирку и натянулъ на руки перчатки парламентарія, — онъ не нашъ“, говорили доведенные до отчаянія рабочіе.

На слѣдующій день, когда стачка была оффиціально объявлена оконченной, администрація начала поголовно увольнять неблагонадежныхъ рабочихъ. Больше трети было уволено, а остальные приступили къ работѣ.

Гдѣ же тутъ классовая борьба?..

Нѣтъ! Это скорѣе сдѣлка, и притомъ на самыхъ выгодныхъ для буржуазіи началахъ.

„Лева“

БИБЛІОГРАФІЯ.

„Безвластіе“ № 1—4. Разградъ. 1909. Журналъ болгарскихъ анархистовъ.

Въ самое послѣднее время наши болгарскіе товарищи стали издавать журналъ „Безвластіе“, посвященный пропагандѣ коммунистическаго анархизма

Какъ намъ пишутъ, это новое начинаніе въ Болгаріи послѣ двухъ-лѣтняго перерыва (вызваннаго арестомъ старой редакціи „Свободнаго Общества“ и исключительнымъ закономъ объ анархистахъ) всюду встрѣчаетъ самыя живыя симпатіи: у интеллигенціи и рабочихъ ростетъ интересъ къ идеямъ анархизма, увеличился спросъ на литературу, вокругъ молодаго органа начинаютъ группироваться новые и новые люди.

Привѣтствуя это явленіе и желая дальнѣйшаго успѣха нашимъ

Прибавленіе къ № 15 „Буревѣстника“.

ИЗЪ „БЮЛЛЕТЕНЯ АНАРХИСТСКАГО ИНТЕРНАЦІОНАЛА“.

О будущемъ конгрессѣ.

Мы желаемъ сказать нѣсколько словъ относительно организаціи ближайшаго конгресса.

Не получивъ еще никакого предложенія касательно порядка дня конгресса, мы все же считаемъ полезнымъ дать нѣчто вродѣ хода занятій этого конгресса. Желательно было бы, чтобы организаціи за него и высказались.

Двѣ анархическія организаціи начали уже заниматься вопросомъ о конгрессѣ: Анархическая Федерація Америки и Анархическая Федерація Кубы.

Анархическая Федерація Америки устроила 28 ноября въ Нью-Іоркѣ рефератъ, гдѣ выяснила свое отношеніе къ конгрессу. Анархическая Федерація Кубы по инициативѣ группы „24 ноября“ (издательская группа газеты „Земля“) созываетъ на 20 мая конгрессъ кубанскихъ анархистовъ и предлагаетъ разработать вопросы, которые находятся въ текстѣ воззванія, ниже напечатаннаго.

Мы полагаемъ, что плану, выработанному нашими товарищами съ Кубы, должны слѣдовать всѣ тѣ, которые желаютъ отъ ближайшаго конгресса постановки Анархическаго Интернаціонала (А. И.) на прочныхъ и плодотворныхъ началахъ.

Также обращаемъ вниманіе товарищей на статью т. Яновскаго, которую мы печатаемъ въ этомъ номерѣ и которая ясно показываетъ, что даже тѣ, которые были противниками Амстердамскаго конгресса, констатируютъ чрезвычайную необходимость новаго конгресса и находятъ, что хорошо организованный конгрессъ можетъ принести большую пользу пропагандѣ.

Что же касается тѣхъ товарищей, которые боятся, какъ бы конгрессъ въ данное время не принесъ больше зла, чѣмъ добра, то мы имъ скажемъ откровенно, что дѣло идетъ о существованіи Справочнаго Бюро, Бюллетеня и всего Интернаціонала. Кромѣ того, товарищи не должны забывать, что рѣчь также идетъ о назначеніи новаго состава Бюро, такъ какъ не слѣдуетъ его увѣковѣчить, оставляя тѣхъ же людей при тѣхъ же общественныхъ функціяхъ. Такимъ образомъ всякая задержка въ дѣлѣ укрѣпленія международнаго организма можетъ оказаться роковымъ для дѣла, начатаго съ такимъ энтузіазмомъ на Амстердамскомъ конгрессѣ.

Старая атака противъ анархистовъ продолжается со всѣхъ сторонъ. Соціалъ-демократія и другія партіи продолжаютъ насъ упрекать въ отсутствіи организованности, во враждебномъ отношеніи ко всякой идеѣ организаціи. Амстердамскій конгрессъ, первый дѣйствительно анархическій конгрессъ, разъ на всегда покончилъ съ этой легендой, которая грозила стать клеветой. Конгрессъ единодушно высказался за интернаціональную организацію между анархистами всѣхъ странъ. Но намъ еще остается доказать, что рѣшеніе сорганизоваться не было пустымъ словомъ. А. И. былъ первой серьезной попыткой такой организаціи. Нашъ долгъ не бросать дѣла недоконченнымъ и доказать, что мощь анархическаго движенія лежитъ съ солидарной международной организаціи. Выбранный въ Амстердамѣ органъ для веденія дѣлъ И.—Справочное Бюро — чувствуетъ, что шаткость его положенія растетъ со дня на день. Причина этого проста: нѣтъ еще прочнаго соглашенія между различными группами касательно формы, въ которую должна вылиться дѣятельность А. И., касательно той роли, которую онъ долженъ играть въ анархическомъ движеніи. Это отсутствіе уговора вполнѣ понятно, если вспомнить, что изъ 7 дней, которые длился Амстердамскій конгрессъ, только 4 часа были

---

*) Такіевъ—министръ внутреннихъ дѣлъ нынѣшняго радикально-демократическаго правительства.

*) Для насъ интересна въ этомъ отношеніи недавно изданная въ Болгаріи „Крестьянскимъ земледѣльческимъ союзомъ“ с. Дядѣдово брошюра „Борьба за жизнь“, въ которой впервые излагаются принципы синдикализма, правда, далеко не въ законченной формѣ.

. ихъ, какъ бы они своими фиктивными покушеніями не вы...ли одно настоящее.

...ъ № 3 „Безвластіе“ обращаетъ особенное вниманіе „Открытое ...сьмо къ болгарскимъ товарищамъ“ Новомірскаго, въ которомъ ...ъ, привѣтствуя болгарскихъ анархистовъ, предостерегаетъ ихъ ...ъ увлеченій и ошибокъ россійскаго движенія.

...\ въ чемъ наша главная роковая ошибка? Новомірскій высказываетъ ту мысль, что причиной временной гибели русскаго ...архизма явился плоскій и грубый матеріализмъ, которымъ мы ...кулировали въ своей агитаціи, опираясь „на самые грубые ин...ресы наиболѣе отсталыхъ элементовъ народа“.

Приведемъ двѣ наиболѣе характерныя выдержки изъ этого ...сьма: „На русскомъ анархизмѣ лежитъ печать чего-то мелкаго, ...бо стихійнаго. Въ немъ не замѣтенъ отблескъ великаго иде...а, великихъ усилій и плановъ. Мы стрѣляли, взрывали на воз...съ, грабили, убивали, но за этимъ кровавымъ туманомъ не ...ущалось никакой мощной идеи, никакого глубокаго и трагиче...аго чувства. И народъ холодно, если и не съ отвращеніемъ, ...вернулся отъ насъ“. Далѣе:

„Мы не старались поднять народъ до высоты нашего идеала, ...понижали свое ученіе до самыхъ низменныхъ интересовъ массы. ...ша агитація считалась удовлетворительною, если мы успѣвали ...зжечь инстинктивную ненависть бѣдныхъ къ богатымъ. „Смотри, ...и пируютъ, а вы голодаете! Бейте же буржуа, грабьте ихъ иму...щество!“ Вотъ мотивъ нашей мелодіи. Этотъ немного упрощен...ый „анархизмъ“ оказался очень удобнымъ нѣкоторымъ рабо...мъ, босякамъ и бѣднымъ крестьянамъ, которые и безъ насъ ...очили зубы“ на капиталистовъ, и вотъ нахлынулъ мутный по...къ экспропріацій, въ которомъ потонули послѣдніе остатки на...го идеализма.“

Нельзя не сознаться, что въ этихъ словахъ есть доля горькой ...авды, — особенно если мы припомнимъ прокламаціи нашихъ ...езначальцевъ“, преподносимыя массѣ съ единственной цѣлью ...азбудить въ ней дьявола“, натравить ее на сытую буржуазію,— ...мы не можемъ согласиться съ тѣми выводами, которые дѣла...ъ изъ приведенныхъ фактовъ тов. Новомірскій.

Онъ силится доказать, что всякая борьба за матеріальныя блага ... способна создать сильное напряженіе воли, влить въ массы ...рный энтузіазмъ. Онъ зоветъ поэтому на борьбу, основанную ... чисто духовныхъ, идеальныхъ побужденіяхъ. Вся дальнѣйшая ...сть письма Новомірскаго—это хвалебный гимнъ „чистому иде...изму“.

Развѣ не было примѣровъ чисто идеальной борьбы?

А буддизмъ, христіанство; а крестовые походы, времена испан...ой инквизиціи?? А чудные образы Христа и Сакія Муни?

О чемъ они говорятъ намъ? О борьбѣ за матеріальныя нужды ...ловѣчества?! Или нѣтъ!

А если нѣтъ, то, значитъ, возможна борьба за чистую идею, ... дѣло духовнаго освобожденія. Нужно создать такую борьбу за ...вую религію человѣчества—Анархію!

Къ этому сводится вся агитація, въ этомъ основная мысль ...вомірскаго!

И онъ говоритъ:

„Не интересъ, а идеалъ долженъ быть положенъ въ основу ...архической тактики“. „Я лично думаю, что революціонный син...кализмъ цѣлесообразнѣе соціалъ-демократическаго. Но не въ ...ндикализмѣ сущность анархизма, не въ непосредственныхъ ...учшеніяхъ и завоеваніяхъ на счетъ капитализма цѣль нашей ...ртіи. Всѣ „улучшенія“ болѣе или менѣе призрачны, а анар...змъ долженъ дать міру нѣчто великое, новое, вѣчное“... „Я го...въ даже впасть въ другую крайность и утверждаю, что только ...еализмъ, необузданно чистый идеализмъ можетъ создать истинно ...родное движеніе, вызвавъ массовый героизмъ.“

Много могли бы мы привести аналогичныхъ мыслей, но и сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы охарактеризовать новѣйшую ...элюцію автора „Что такое анархизмъ?“ Мы не станемъ возра...ть Новомірскому принципіально, это не входитъ въ планъ на...й и безъ того затянувшейся замѣтки,— скажемъ только, что ...лгарскіе товарищи хорошо отвѣтили Новомірскому и по поводу борьбы за чистый идеализмъ и по поводу причинъ, погубившихъ наше движеніе.

Говоря о немъ (въ № 4 „Безвластіе“), они вполнѣ основательно замѣчаютъ, что наша задача—борьба за разрѣшеніе соціальнаго вопроса, за разрушеніе государства и капитала и реализацію свободнаго коммунизма.

ихъ освобожденія не есть дѣло парламентскихъ краснобаевъ,
торые подъ маской соціализма стремятся къ легальному захв
власти, а ихъ собственное дѣло. И даже многіе изъ тѣхъ ра
чихъ, которые вчера еще смотрѣли на своихъ парламентск
вождей, какъ на своихъ истинныхъ защитниковъ, сегодня у
теряютъ въ нихъ всякую вѣру и обращаются къ своей пролет
ской борьбѣ, къ прямому и непосредственному воздѣйствію
своихъ угнетателей, помимо своихъ вчерашнихъ парламентски
адвокатовъ. Исторія этой стачки служитъ намъ для этого п
краснымъ примѣромъ.

Мѣсяца два тому назадъ въ Парижѣ была объявлена всеоби
забастовка. Къ тому времени мѣстный синдикатъ выпустилъ
рячее воззваніе къ углекопамъ, въ которомъ призывалъ къ ст
кѣ, подчеркивая солидарность съ парижскими рабочими. Слѣдуе
замѣтить, что извѣстіе о стачкѣ совпало какъ разъ съ тѣ
временемъ, когда дневные рабочіе смѣняли работающихъ ночь
и когда большая часть изъ нихъ уже отправилась на рабо
Притомъ извѣстіе о предполагающейся забастовкѣ рудокопо
носило скорѣе характеръ хаотичный, чѣмъ опредѣленный. Мно
рабочіе даже недоумѣвали по этому поводу, боясь, какъ бы
„новая затѣя" не нарушила ихъ мирной жизни на копяхъ. Ос
бенно въ этомъ отношеніи характерны старики-рудокопы и ф
мандцы изъ сосѣдней Бельгіи, которые не большіе охотники
стачекъ и волненій. Единственно революціонный элементъ —
молодежь, которая тутъ работаетъ въ большомъ количест
Вѣчно эксплуатируемая, она всегда съ единодушіемъ бастуетъ.

Итакъ, несмотря на то, что стачка не была еще оффиціалі
объявлена, а о ней носились лишь слухи, большая часть дн
ной смѣны возвратилась домой. Были попытки со стороны нѣ
которыхъ стариковъ проникнуть на работу, но бастующіе сп
заставили ихъ вернуться домой и одного даже избили. Въ
утро бросившихъ работу на трехъ только шахтахъ было ок
400 человѣкъ. Поговаривали, что и на смежныхъ шахтахъ за
стовала часть, но эти слухи нельзя было провѣрить за гром
нымъ разстояніемъ, отдѣляющимъ одну шахту отъ другой. Ули
начали мало по малу оживляться бастующей публикой, обсуж
шей съ разныхъ точекъ зрѣнія начатую забастовку. Но въ
щемъ все носило характеръ выжиданія. Рабочіе ждали назнач
наго на вечеръ синдикатомъ собранія, на которомъ выясни
дальнѣйшій планъ дѣйствій и отъ котораго зависитъ послѣдую
ходъ событій. Къ полудню въ рабочихъ предмѣстьяхъ и круго
шахтъ появились конные жандармы. Дѣло приняло серьезн
оборотъ, особенно тогда еще, когда рабочіе узнали, что въ
ночь было произведено много арестовъ. А аресты производил
самымъ безцеремоннымъ и наглыма образомъ: хватали съ рабо
и съ улицы неблагонадежныхъ рабочихъ и запирали въ тюрь
Рабочіе начинаютъ волноваться, повсюду слышатся угрозы.
вечеру состоялись созванныя синдикатомъ первыя собранія
стующихъ районовъ. Къ этому времени число бастующихъ зн
чительно увеличилось.

Выступавшіе на собраніяхъ ораторы, проанализировавъ
краткихъ чертахъ современное положеніе Франціи, которая пр
шла фазу нѣсколькихъ буржуазныхъ революцій, подчеркивали
обстоятельство, что Франція должна идти теперь по пути кор
ного соціальнаго переустройства. И когда говорившій оратор
объясняя значеніе сегодняшней стачки, напомнилъ о томъ, ч
начавшаяся стачка, можетъ быть, послужитъ сигналомъ для
ціальной революціи, рабочіе бурно апплодировали и продолж
тельные крики „vive la grève" были отвѣтомъ на горячія сл
оратора. Этотъ фактъ краснорѣчиво доказываетъ, насколько з
стачка не имѣла формы обыкновеннаго рабочаго требованія,
хладнокровно предъявляемаго къ своимъ поработителямъ, а носи
болѣе глубокій характеръ,—характеръ вступленія къ цѣлому р
другихъ актовъ и событій. Не успѣли окончиться еще собрані
какъ начали циркулировать слухи объ избіеніяхъ арестованны
и даже о нѣкоторыхъ убитыхъ въ арестномъ домѣ рабочи
Вскорѣ эти слухи подтвердились прибывшими изъ города ра
чими, которые разсказали о страшныхъ насиліяхъ, учиненны
надъ арестованными товарищами. Извѣстіе объ этомъ гнусно
избіеніи, какъ молнія, облетѣло всѣ рабочія предмѣстья, и съ
этой минуты среди рабочихъ начинается то глухое броженіе, которое характеризуетъ обыкновенно канунъ рѣшительнаго выступленія. И если раньше можно было еще предположить мирный исходъ этой стачки, то теперь объ этомъ не могло быть и рѣчи. Даже для самыхъ миролюбиво настроенныхъ рабочихъ теперь

посвящены вопросамъ о практической дѣятельности А. И. и Справочнаго Бюро. Вотъ почему мы считаемъ новый конгрессъ крайне необходимымъ, какъ для существованія И., такъ и для торжества принципа организаціи.

Если товарищи всѣхъ странъ также полагаютъ, что пора сдѣлать серьезное усиліе въ этомъ направленіи, то мы имъ предлагаемъ слѣдующее: Пусть анархическія организаціи каждой страны уговорятся относительно созыва національнаго конгресса — или если таковой представляетъ чрезвычайную трудность, то районнаго—исключительно съ цѣлью обсудить вопросъ о будущемъ международномъ конгрессѣ и рѣшить, каково должно быть ихъ поведеніе по тѣмъ вопросамъ, которымъ товарищи придаютъ важное значеніе. Вопросъ объ организаціи долженъ быть, по нашему мнѣнію, поставленъ на первомъ планѣ. Этотъ вопросъ долженъ быть подраздѣленъ на нижеслѣдующіе.

1) Въ какую форму должна вылиться интернаціональная анархическая организація?

2) Какъ она должна функціонировать?

3) Необходимо ли имѣть Интернаціональный Справочный Бюллетень?

4) Какова должна быть его цѣль и форма?

5) Денежный вопросъ—кѣмъ должны быть покрываемы расходы на Бюллетень или на всякій другой федеративный органъ для веденія дѣлъ А. И.? — Взносы.

Мы полагаемъ, что если товарищи сейчасъ же начнутъ обсуждать эти вопросы практическаго характера, то они явятся на ближайшій конгрессъ съ опредѣленными взглядами, которые, мы въ этомъ увѣрены, дадутъ возможность выработать такой организаціонный планъ, который будетъ пріемлемъ всѣми анархическими организаціями.

Потрудимся же, товарищи, для осуществленія этой возможности, и пусть каждый изъ насъ используетъ наилучшимъ образомъ тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, которые намъ остались до конгресса, чтобы поставить передъ собой вопросъ объ анархической организаціи и постараться во что бы то ни стало рѣшить его.

Справочное Бюро.

Товарищи, согласные въ общихъ чертахъ съ тѣмъ, что было сказано выше, могутъ помочь Бюро, печатая въ своихъ газетахъ то, что они считаютъ самымъ важнымъ въ этой статьѣ. Такимъ образомъ, общая дискуссія по вопросу о будущемъ конгрессѣ можетъ быть начата на всѣхъ языкахъ, всей анархической прессой.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Разслѣдовавъ распространившіеся въ Парижѣ слухи о томъ, что товарищъ В. доставлялъ товарищамъ заранѣе извѣстныя охранному отдѣленію паспорта, мы, нижеподписавшіеся, по показаніямъ двухъ членовъ группы „Бунтарь" установили, что слухи эти не имѣютъ никакого основанія и основаны исключительно на недоразумѣніи.

Что же касается письма лондонской латышской группы а.-к. «Zensonis», то никакихъ обвиненій т. В. въ политической неблагонадежности въ немъ не заключается.

Слѣдуютъ подписи:
2-хъ членовъ Группы „Бунтарь",
3-хъ членовъ Группы „Буревѣстникъ",
одного члена Парижской Латышской Группы А.-К.

„Свободнаго Общества" и исключительнымъ закономъ объ анархистахъ) всюду встрѣчаетъ самыя живыя симпатіи: у интеллигенціи и рабочихъ растетъ интересъ къ идеямъ анархизма, увеличился спросъ на литературу, вокругъ молодаго органа начинаютъ группироваться новые и новые люди.

Привѣтствуя это явленіе и желая дальнѣйшаго успѣха нашимъ

балканскимъ товарищамъ въ дѣлѣ созиданія рабочаго и революціоннаго анархическаго движенія, мы лично думаемъ, что время для пропаганды самое подходящее, и органъ „Безвластіе" поможетъ рабочему люду теоретически и практически разобраться въ программѣ анархизма.

Послѣдніе годы въ Болгаріи назрѣло уже въ рабочемъ классѣ недовольство политическими партіями, и послѣдняя стачка желѣзнодорожныхъ служащихъ Восточной Румеліи съ очевидностью доказала, что и болгарскому работнику не чужды по духу принципы автономнаго, синдикальнаго движенія, — независимаго отъ соціалъ-демократической партіи.

Рабочіе, пріучаясь къ самодѣятельности, переставъ уповать на своихъ депутатовъ, начнутъ все чаще и чаще примѣнять action directe и всеобщія стачки, которыя мало по малу выведутъ ихъ на путь анти-буржуазной классовой борьбы.

Также и болгарское крестьянство, доведенное государствомъ до полнаго пауперизма, давно уже таитъ въ себѣ элементы, изъ которыхъ можетъ развиться аграрная революція, на подобіе имѣвшей недавно мѣсто въ Румыніи.

Съ другой стороны, ежегодный ростъ милитаризма, авантюристская политика хитраго и изворотливаго князя Фердинанда, банкротство политическихъ партій, стоявшихъ „у власти", начиная съ реакціонныхъ „стамбуловистовъ" и кончая демократами съ „республиканцемъ" Такіевымъ *) во главѣ, и, наконецъ, разложеніе, подъ вліяніемъ фракціоннаго сектантства, соціалъ-демократіи, — все это, взятое вмѣстѣ, сильно раздражаетъ трудовой народъ и способствуетъ росту въ его рядахъ тѣхъ антиполитическихъ настроеній, которыя могутъ быть использованы только анархистами. Поэтому-то современный моментъ, подходящій для широкой массовой работы, и возлагаетъ на піонеровъ анархизма двойную задачу: съ одной стороны — пропаганда, съ другой — способствованіе организаціи массъ на новыхъ началахъ, чуждыхъ политическому централизму.

Сдѣлавъ это введеніе, попытаемся разобрать нѣкоторыя мѣста изъ журнала „Безвластіе". Кромѣ общихъ принципіальныхъ статей, кромѣ хроники рабочаго движенія, въ немъ имѣется еще спеціальный „синдикальный отдѣлъ", при посредствѣ котораго редакція будетъ знакомить своихъ читателей съ тактикой и основами революціоннаго синдикализма.

Этотъ отдѣлъ весьма цѣненъ, особенно если принять во вниманіе, что болгарская соціалистическая молодежь до сихъ поръ еще не имѣетъ никакого понятія о синдикализмѣ *), являющемся для нея въ полномъ смыслѣ слова terra incognita.

Изъ цѣлаго ряда принципіальныхъ статей на темы: „Производительныя силы", „Личность и общество", „Анархизмъ, авторитаризмъ и соціалъ-демократизмъ", обращаетъ особое вниманіе статья „Опять заговоръ". Изъ нея мы узнаемъ, что болгарское правительство, напуганное призракомъ грядущихъ событій, сѣетъ кругомъ провокацію и организуетъ фиктивныя покушенія, направленныя противъ „священной особы".

Оказывается, это уже третье по счету „посягательство" на жизнь „бѣднаго" новоиспеченнаго „царя" Фердинанда. Это, какъ нельзя болѣе, на руку реакціонной прессѣ, и она на всѣхъ перекресткахъ трубитъ наступленіе, раздувая дѣло до невѣроятныхъ размѣровъ. Всѣ столбцы газетъ пестрятъ всевозможными сенсаціонными слухами „о новомъ анархическомъ заговорѣ", „о найденныхъ бомбахъ и динамитѣ", „объ арестѣ опаснаго русскаго анархиста Л. М. Ерофѣева", наконецъ, объ открытіи цѣлаго сообщества цареубійцъ, инспирируемыхъ изъ „главнаго анархическаго гнѣзда въ Швейцаріи", и т. д. и т. д.

Эти дутые слухи, пускаемые, очевидно, со вѣдома полиціи, терроризируютъ общество, создаютъ тревожное настроеніе, чѣмъ пользуются власти и подъ шумокъ обдѣлываютъ свои политическія комбинаціи, арестовывая „нежелательные элементы", вводя усиленныя охраны, проводя реакціонные законы, среди которыхъ „анти-анархическій" занимаетъ видное мѣсто.

По поводу этой тактики „заговоровъ" органъ „Безвластіе", обращаясь къ власть имущимъ, вполнѣ основательно предостерегаетъ ихъ, какъ бы они своими фиктивными покушеніями не вызвали одно настоящее.

Въ № 3 „Безвластіе" обращаетъ особенное вниманіе „Открытое письмо къ болгарскимъ товарищамъ" Новомірскаго, въ которомъ онъ, привѣтствуя болгарскихъ анархистовъ, предостерегаетъ ихъ отъ увлеченій и ошибокъ россійскаго движенія.

А въ чемъ наша главная роковая ошибка? Новомірскій высказываетъ ту мысль, что причиной временной гибели русскаго анархизма явился плоскій и грубый матеріализмъ, которымъ мы спекулировали въ своей агитаціи, опираясь „на самые грубые интересы наиболѣе отсталыхъ элементовъ народа".

Приведемъ двѣ наиболѣе характерныя выдержки изъ этого письма: „На русскомъ анархизмѣ лежитъ печать чего-то мелкаго, грубо стихійнаго. Въ немъ не замѣтенъ отблескъ великаго идеала, великихъ усилій и плановъ. Мы стрѣляли, взрывали на воздухъ, грабили, убивали, но за этимъ кровавымъ туманомъ не ощущалось никакой мощной идеи, никакого глубокаго и трагическаго чувства. И народъ холодно, если и не съ отвращеніемъ, отвернулся отъ насъ". Далѣе:

„Мы не старались поднять народъ до высоты нашего идеала, а понижали свое ученіе до самыхъ низменныхъ интересовъ массы. Наша агитація считалась удовлетворительною, если мы успѣвали разжечь инстинктивную ненависть бѣдныхъ къ богатымъ. „Смотри, они пируютъ, а вы голодаете! Бейте же буржуа, грабьте ихъ имущество!" Вотъ мотивъ нашей мелодіи. Этотъ немного упрощенный „анархизмъ" оказался очень удобнымъ нѣкоторымъ рабочимъ, босякамъ и бѣднымъ крестьянамъ, которые и безъ насъ „точили зубы" на капиталистовъ, и вотъ нахлынулъ мутный потокъ экспропріацій, въ которомъ потонули послѣдніе остатки нашего идеализма."

Нельзя не сознаться, что въ этихъ словахъ есть доля горькой правды, — особенно если мы припомнимъ прокламаціи нашихъ „безначальцевъ", преподносимыя массѣ съ единственной цѣлью „разбудить въ ней дьявола", натравить ее на сытую буржуазію, — но мы не можемъ согласиться съ тѣми выводами, которые дѣлаетъ изъ приведенныхъ фактовъ тов. Новомірскій.

Онъ силится доказать, что всякая борьба за матеріальныя блага не способна создать сильное напряженіе воли, влить въ массы бурный энтузіазмъ. Онъ зоветъ поэтому на борьбу, основанную на чисто духовныхъ, идеальныхъ побужденіяхъ. Вся дальнѣйшая часть письма Новомірскаго — это хвалебный гимнъ „чистому идеализму".

Развѣ не было примѣровъ чисто идеальной борьбы?

А буддизмъ, христіанство; а крестовые походы, времена испанской инквизиціи?? А чудные образы Христа и Сакія Муни?

О чемъ они говорятъ намъ? О борьбѣ за матеріальныя нужды человѣчества?! Или нѣтъ!

А если нѣтъ, то, значитъ, возможна борьба за чистую идею, за дѣло духовнаго освобожденія. Нужно создать такую борьбу за новую религію человѣчества — Анархію!

Къ этому сводится вся агитація, въ этомъ основная мысль Новомірскаго!

И онъ говоритъ:

„Не интересъ, а идеалъ долженъ быть положенъ въ основу анархической тактики". „Я лично думаю, что революціонный синдикализмъ цѣлесообразнѣе соціалъ-демократическаго. Но не въ синдикализмѣ сущность анархизма, не въ непосредственныхъ улучшеніяхъ и завоеваніяхъ на счетъ капитализма цѣль нашей партіи. Всѣ „улучшенія" болѣе или менѣе призрачны, а анархизмъ долженъ дать міру нѣчто великое, новое, вѣчное"... „Я готовъ даже впасть въ другую крайность и утверждаю, что *только* идеализмъ, необузданно чистый идеализмъ можетъ создать истинно народное движеніе, вызвавъ массовый героизмъ."

Много могли бы мы привести аналогичныхъ мыслей, но и сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы охарактеризовать новѣйшую эволюцію автора „Что такое анархизмъ?" Мы не станемъ возражать Новомірскому принципіально, это не входитъ въ планъ нашей и безъ того затянувшейся замѣтки, — скажемъ только, что болгарскіе товарищи хорошо отвѣтили Новомірскому и по поводу борьбы за чистый идеализмъ и по поводу причинъ, погубившихъ наше движеніе.

Говоря о немъ (въ № 4 „Безвластіе"), они вполнѣ основательно замѣчаютъ, что наша задача — борьба за разрѣшеніе соціальнаго вопроса, за разрушеніе государства и капитала и реализацію свободнаго коммунизма.

---

*) Такіевъ — министръ внутреннихъ дѣлъ нынѣшняго радикально-демократическаго правительства.

*) Для насъ интересна въ этомъ отношеніи недавно изданная въ Болгаріи „Крестьянскимъ земледѣльческимъ союзомъ" с. Дивдѣдово брошюра „Борьба за жизнь", въ которой впервые излагаются принципы синдикализма, правда, далеко не въ законченной формѣ.

Горе русскихъ анархистовъ-коммунистовъ не въ ихъ матеріализмѣ, не въ той или иной революціонной тактикѣ,— а исключительно въ томъ, что „они пришли слишкомъ поздно и слишкомъ рано".

Слишкомъ поздно, потому что ихъ идеалъ общественнаго преобразованія не былъ достаточно извѣстенъ массамъ передъ революціей. Когда же они выступили на арену, время теоретическихъ споровъ и разъясненій давно уже минуло... Кругомъ кипѣла горячая борьба: не время было *размышлять*, а настала пора *дѣйствовать*... И анархисты направили всю свою энергію на „великое дѣло разрушенія".

Слѣдовательно, *не тактика ихъ была сама по себѣ плоха*, а плохъ лишь моментъ, избранный для ея приложенія, и въ этомъ отношеніи они пришли слишкомъ рано.

Если бы Новомірскій внимательно проглядѣлъ страницы исторіи, если бы онъ окинулъ хотя бѣглымъ взглядомъ движенія, начиная съ крестьянскихъ войнъ, возстанія анабаптистовъ, наконецъ, событія нашихъ дней, начиная съ Парижской Коммуны вплоть до всеобщихъ стачекъ, прокатившихся волною по всему міру, онъ бы навѣрное не рѣшился сказать, что только „идеалистическія движенія" порождаютъ бурный энтузіазмъ, готовность къ самопожертвованію, чистый альтруизмъ и самое глубокое чувство солидарности.

И. Р.

К. Оргеіани. Какъ и изъ чего развился революціонный синдикализмъ. Съ предисловіемъ П. А. Кропоткина.

Громадный интересъ къ революціонному синдикализму, охватившій всѣ тѣ пролетарскіе и интеллигентскіе элементы въ Россіи, которыхъ надвинувшаяся жестокая реакція не оттолкнула отъ постоянной упорной работы надъ своими соціальными воззрѣніями, и которые не погрузились всецѣло въ будничную мѣщанскую жизнь или въ дебри эстетическаго и религіознаго „богоискательства", — этотъ интересъ къ формамъ рабочаго движенія романскихъ странъ вызвалъ появленіе на русскомъ книжномъ рынкѣ обильной литературы, посвященной синдикализму.

Но къ сожалѣнію создателями этой литературы, помимо с.-д. и с.-р., разсматривавшихъ въ своихъ произведеніяхъ революціонный синдикализмъ съ „научныхъ" высотъ марксизма и эклектической якобы „синтетической" позиціи лавризма, явились русскіе неомарксисты, ученики французскихъ и итальянскихъ самозванныхъ „теоретиковъ революціоннаго синдикализма". Послѣдніе выступили уже не въ качествѣ критиковъ, а какъ сторонники и апологеты революціонно-синдикальнаго пролетарскаго движенія.

Совершенно незнакомому съ этимъ движеніемъ русскому читателю неомарксистскіе авторы принесли, пожалуй, нѣкоторую пользу, ознакомивши его съ формами рабочихъ организацій романскихъ странъ, но гораздо болѣе они принесли вреда, извративъ основные принципы революціоннаго движенія и въ особенности совершенно исказивши исторію его возникновенія. Неомарксисты, западные и русскіе, стараются убѣдить своихъ читателей въ томъ, что современный революціонный синдикализмъ беретъ свое начало отъ Маркса, *по возможности* они стараются умалить роль анархистовъ въ созданіи и революціонизированіи этихъ безпартійныхъ рабочихъ организацій, для чего самымъ употребительнымъ въ ихъ рядахъ пріемомъ является изображеніе анархистовъ какими то сектантами, сторонниками метафизическаго и абстрактнаго отношенія къ соціальнымъ явленіямъ, которые, идя въ ряды безпартійной рабочей организаціи, тѣмъ самымъ якобы вступаютъ въ компромиссъ со своимъ міровоззрѣніемъ. При этомъ ими совершенно игнорируется тотъ историческій фактъ, что современное революціонно-синдикальное движеніе представляетъ собой не что иное, какъ продолженіе рабочаго движенія романскихъ странъ, возникновеніе котораго относится еще ко временамъ Интернаціонала, и что первыми идейными выразителями этого движенія были основатели лѣваго крыла Интернаціонала — Бакунинъ, Гильомъ, а позже продолжали ихъ дѣло также анархисты — Кропоткинъ, Элизе Реклю, Малатеста и др.

Брошюра т. Оргеіани является первымъ въ русской литературѣ историческимъ изслѣдованіемъ возникновенія революціонно-синдикальнаго движенія во Франціи съ анархистской точки зрѣнія. Въ ней вскрывается искусственность и вымученность попытокъ неомарксистовъ связать революціонный синдикализмъ исторически съ дѣятельностью Маркса и теоретически съ марксизмомъ. О томъ, какъ выполнилъ авторъ свою задачу, П. Кропоткинъ въ предисловіи къ брошюрѣ говоритъ слѣдующее: „... въ поставленныхъ себѣ самимъ авторомъ предѣлахъ, его работа вполнѣ устанавливаетъ главный основной фактъ: Тѣсная связь между лѣвымъ крыломъ Интернаціонала и современнымъ синдикализмомъ, идейная связь между анархизмомъ и синдикализмомъ, равно какъ и идейное противорѣчіе марксизма и началъ соціалъ-демократіи съ синдикализмомъ, вполнѣ рельефно выступаютъ изъ сообщенныхъ въ этой работѣ фактовъ".

Существуютъ еще критики революціоннаго синдикализма „слѣва", я говорю о нашихъ русскихъ анархистахъ-антисиндикалистахъ. Наряду съ неомарксистами они отрицаютъ или въ лучшемъ случаѣ умаляютъ роль анархистовъ въ развитіи современнаго революціонно-синдикальнаго движенія. Но если Лягарделя и другихъ французскихъ неомарксистовъ мы можемъ упрекнуть въ сознательномъ искаженіи историческихъ фактовъ, то нашихъ товарищей антисиндикалистовъ мы можемъ упрекнуть лишь въ незнаніи этихъ фактовъ. Для нихъ брошюра Оргеіани окажется въ особенности полезной. Извѣстно, что наши антисиндикалисты полагаютъ, что анархисты во Франціи стали участвовать въ синдикатахъ лишь послѣ окончанія террористическаго періода во Франціи, и даже именно этому участію въ безпартійныхъ рабочихъ организаціяхъ они приписываютъ „вырожденіе революціоннаго духа" въ средѣ французскихъ анархистовъ. Изъ брошюры т. К. О. они узнаютъ, что анархисты участвовали въ синдикальныхъ организаціяхъ французскаго пролетаріата почти съ момента ихъ возрожденія послѣ того, какъ французскіе рабочіе слегка оправились отъ реакціи, послѣдовавшей за подавленіемъ Парижской Коммуны. Изъ статей Пелутье, выдержки изъ которыхъ приведены въ брошюрѣ на стр. 80—84, наши антисиндикалисты узнаютъ, что анархисты входили въ синдикаты еще до 1895 года, а примѣчаніе Оргеіани на стр. 84 напомнитъ имъ, что „огромное большинство анархистовъ, участниковъ Лондонскаго международнаго съѣзда 1896 г., были делегатами синдикатовъ". Но можетъ быть, имъ мало свидѣтельства Пелутье, какъ „сомнительнаго", съ ихъ точки зрѣнія, анархиста, такъ какъ онъ всю свою дѣятельность посвятилъ созданію безпартійныхъ рабочихъ организацій. Въ такомъ случаѣ мы ихъ отошлемъ къ одной статьѣ Малатеста, котораго, надѣюсь, никто изъ анархистовъ не обвинитъ въ измѣнѣ анархическимъ принципамъ. Статья эта была напечатана въ „La Révolte" за 1892 годъ; переводъ ея приложенъ къ брошюрѣ Оргеіани. Въ этой статьѣ наши антисиндикалисты между прочимъ прочтутъ слѣдующее:

„Что касается меня, то я говорю, что уже двадцать лѣтъ, со времени Интернаціонала, мы никогда не думали и не говорили иначе. И если были періоды, когда мы находились вдали отъ массъ и оставляли свободное поле дѣйствія легалистамъ, то это зависѣло отъ многочисленныхъ причинъ и въ особенности отъ правительственныхъ преслѣдованій, которыя отъ времени до времени ставили насъ внѣ возможности сражаться, но никогда не было результатомъ нашего добровольнаго продуманнаго желанія. Наоборотъ, мы всегда смотрѣли на эти періоды, какъ на пораженія, за которыя нужно отплатить.

Поймите насъ хорошенько. Въ анархическихъ группахъ, въ которыхъ мы координируемъ наши силы и сговариваемся относительно способа сдѣлать болѣе дѣйствительными наши усилія, мы хотимъ только анархистовъ, мы хотимъ даже группироваться только съ такими анархистами, которые находятся съ нами въ полной гармоніи идей и чувствъ, и оставаться въ группѣ только до тѣхъ поръ, пока длится эта гармонія. Но внѣ нашихъ группъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы вести пропаганду и воспользоваться народными движеніями, мы стараемся всюду пробраться и пользуемся всѣми средствами, служащими для этого, чтобы группировать массы, воспитывать въ нихъ чувство возмущенія, и дающими намъ случай проповѣдывать соціализмъ и анархію."

М. Р—скій.

Статья К. Оргеіани о парижской коммунѣ получена нами слишкомъ поздно и будетъ помѣщена въ апрѣльскомъ номерѣ. *Ред.*

Письма и деньги просятъ направлять въ:
Paris. Rédaction du „Libertaire" rue d'Orsel, 15.
или Genève. L. Avenier. 24, Avenue Soret 24.
На внутреннихъ конвертахъ необходимо дѣлать надпись:
для „Буревѣстника"